

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
23–25 ноября 2017 г.



Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 81
ББК 81.2
Ч54

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Ч54 Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). / Отв. ред. Д. Ф. Мищенко. — СПб. : Нестор-История, 2017. — 252 с.

ISBN 978-5-4469-1266-7

**УДК 81
ББК 81.2**

ISBN 978-5-4469-1266-7



© Коллектив авторов, 2017
© Институт лингвистических исследований РАН, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Н. М. Абовьян

МГУ, Москва

СИНТАКСИС ВТОРИЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА УЧАСТНИКА, В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Работа посвящена горномарийской² депиктивной конструкции, содержащей прилагательное, которое обозначает совпадающее по времени с событием состояние участника этого события. Стандартно в горномарийском языке прилагательное находится перед существительным и не согласуется с ним, тогда как в депиктивной конструкции возникает падежное согласование. На начальном этапе мы выделили, вслед за [Himmelman, Schultze-Berndt (eds.) 2005], депиктивы в широком смысле, объединяя под этим термином собственно депиктивы (1) и аппозитивные депиктивы (2) по [Motut 2010], или обстоятельственные вторичные предикаты³/слабые свободные адьюнкты⁴ по [Himmelman, Schultze-Berndt (eds.) 2005]. На поверхностном уровне различить эти две конструкции в отдельных случаях помогает особое просодическое оформление аппозитивных депиктивов, обозначенное в (2) и далее скобками.

(1) *tädä Maša-m jükšä-m väšli-n*
он Маша-ACC пьяный-ACC встречать-PFV
'Он Машу пьяной встретил'.

(2) [*tädä jükšä*] *Maša-m väšli-n*
[он пьяный] Маша-ACC встречать-PFV
'Он, пьяный, встретил Машу'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

² Данные собраны в 2017 г. в экспедиции в с. Кузнецово Горномарийского р-на Республики Марий Эл и нескольких окрестных деревнях.

³ Circumstantial secondary predicates, circumstantials.

⁴ Weak free adjuncts.

Собственно депиктивы и аппозитивные депиктивы объединяет общая стратегия морфосинтаксического кодирования — согласование с контролером в падеже в постпозиции.

В [Irimia 2005; Rylkkänen 2008] приводится ряд примеров, где контроль депиктивов возможен из предложной группы, имплицитным внешним аргументом или непрямым объектом. В горномарийском контроль из предложной группы невозможен:

- (3) *tädä män' vë-k-em jükšë*
 он я верх-ILL2-POSS.1SG пьяный
anžal'-ê.
 посмотреть-PRET.3SG
 #‘Он на меня пьяного посмотрел’.
 ‘Он на меня посмотрел, пьяный’.

Контролером депиктива не может выступать имплицитный внешний аргумент, как в (5), ср. (4):

- (4) [*Vas'a jükšë*] *paj-êm kačk-ên*
 Вася пьяный мясо-ACC есть-PFV
 ‘Вася, пьяный, съел мясо’.
- (5) **paj kačk-ên koltê-mê êl-ên jükšë*
 мясо есть-CVB посылать-PTCP.PASS быть-PFV пьяный
 *‘Мясо было съедено пьяным’.

В докладе мы проанализируем сходства и различия между аппозитивными депиктивами и собственно депиктивами на основе синтаксических тестов по [Heringa 2009; Motut 2010]: VP-эллипсис, сфера действия отрицания и некоторые др.⁵ Так, в (6) *jükšëm* является депиктивом, а *jükšë* в примере (7) аппозитивом, т. к. не попадает под сферу действия отрицания:

- (6) *män' Maša-m jükšë-m*
 я Маша-ACC пьяный-ACC

⁵ В работе [Бибаева 2016], где рассмотрены горномарийские депиктивы на материале другого говора (с. Микряково), вопросы такого рода не были поставлены вовсе. Кроме того, наши данные в ряде случаев противоречат данным М. А. Бибаевой.

väšli-tel-am

встречать-NEG.PFV-1SG

‘Я не встречал Машу пьяной’. (Маша не пьет.)

- (7) [*män' jükšä*] *Maša-m*
[я пьяный] Маша-ACC
väšli-tel-am

встречать-NEG.PFV-1SG

‘Пьяный, я не встретил Машу’.

Аналогично в (8) непрямой объект может быть контролером аппозитивного депиктива, но не собственно депиктива:

- (8) *ävä-žä* *Peta-lan* *jükšä-län* *roza-m*
мать-POSS.3SG Петя-DAT пьяный-DAT роза-ACC
äš *pu*
NEG.PRET.3 давать

‘Мать не дала розу пьяному Пете’.

Мы предполагаем, что в горномарийском языке собственно депиктив, по крайней мере объектно-ориентированный, встраивается в структуру на уровне VP (см. обсуждение на материале русского языка в [Bailyn 2012; 2013]).

В литературе распространен анализ депиктивных конструкций в широком смысле как малых клауз, возглавляемых функциональной категорией PredP ([Bailyn 2012; Matushansky 2012]). Мы рассмотрим аргументы за и против такого подхода к горномарийским депиктивам. В частности, некоторые данные указывают на то, что депиктивы имеют в своем составе опущенную именную вершину.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CVB — конверб; DAT — датив; ILL2 — второй иллатив; NEG — отрицание; PFV — перфектив; POSS — посессор; PRET — претерит; PTCP.PASS — пассивное причастие; SG — единственное число.

Литература

Бибаева 2016 — М. А. Бибаева. Депиктивы в горномарийском языке // Доклад, прочитанный на 13-й Конференции по типологии и грам-

- матике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 25 ноября 2016 г.
- Bailyn 2012 — J. F. Bailyn. *The Syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Bailyn 2013 — J. F. Bailyn. *The Syntax of Slavic Predicate Case*. Frankfurt am Main: Frankfurt am Main Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, 2013.
- Heringa 2009 — H. Heringa. How depictives and appositive adjectives are different // 30th TABU Dag 2009, Groningen, the Netherlands. June 11–12, 77. P. 8.
- Himmelman, Schultze-Berndt (eds.) 2005 — N. Himmelmann, E. Schultze-Berndt (eds.). *Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives*. Oxford — New York: Oxford University Press on Demand, 2005.
- Irimia 2005 — M.-A. Irimia. Types of secondary predication // *Toronto Working Papers in Linguistics* 25, 2005. P. 20–29.
- Matushansky 2012 — O. Matushansky. On the internal structure of case in Finno-Ugric small clauses // *Finno-Ugric Languages and Linguistics* 1, 1–2, 2012. P. 3–43.
- Motut 2010 — A. Motut. A puzzle for the syntax-semantics of depictives // M. Heijl (ed.). *Proceedings of the 2010 meeting of the Canadian Linguistic Association*. Toronto: Canadian Linguistic Association, 2010. (http://homes.chass.utoronto.ca/~cla-acl/actes2010/CLA2010_Motut.pdf)
- Pykkänen 2008 — L. Pykkänen. *Introducing Arguments*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2008.

Е. С. Аглонова
НИУ ВШЭ, Москва

ФИНИТНОСТЬ В ГОО

Гоо (манде > южные манде) — язык, распространенный на территории Кот д’Ивуара к северу от г. Ман. Исследование, которое будет представлено в докладе, выполнено в ходе экспедиций 2015 и 2017 гг. Основными методами сбора данных являлись элицитация и, в меньшей степени, анализ устных аннотированных текстов. В гоо выделяется ряд глагольных форм, обозначаемых терминами, применяемыми, как правило, к нефинитным глагольным формам: герундий, две формы инфинитива, супин и отглагольное имя. Однако, традиционная трактовка финитности, как бинарной оппозиции глагольных форм по дистрибутивному (distributional) и флективному (inflectional) критерию [Nicolaeva (ed.) 2007: 3] едва ли применима к материалу данного языка.

Дистрибутивный критерий состоит в исключительной способности финитной формы выступать в качестве единственного предиката в независимой клаузе без вспомогательных глаголов. Гоо относится к языкам с обязательными служебными словами (AUX-headed по [Anderson 2011]), так как грамматические категории выражаются в прономинальных элементах, а не в глагольных формах. Прономинальные элементы представлены несколькими сериями, которые передают различные значения ТАМ и полярности. Т. е. любая глагольная форма в гоо – это зависимое служебного слова, которым является прономинальный элемент. Флексивный критерий состоит в выраженности только в финитных формах ряда грамматических категорий, вносящих предикативность в высказывание (лицо, число, время). Но гоо — язык преимущественно аналитического строя, где все эти категории выражаются не в самой глагольной словоформе, а в вышеупомянутых прономинальных элементах. Ср. (1), где использована конструкция перфекта, образованная с помощью перфектной серии и (2), где использована конструкция

отрицательного имперфектива, образованная с помощью отрицательной имперфективной серии.

- (1) *Yà ló yí gùlù sí-í.*
1SG.PRF идти вода яма брать\R-SUP
 ‘Он пошел за водой на источник (букв. Он пошел, чтобы взять воду ямы)’.
- (2) *Yáá ló yí gùlù sí-í.*
3SG.IPFV.NEG идти вода яма брать\R-SUP
 ‘Он не ходит за водой на источник’.

В Таблице 1 представлены «нефинитные» глагольные формы гоо, их схема образования (глагольная основа/тональный контур-суффикс) и случаи употребления, близкие к финитным и нефинитным.

Таблица 1. «Нефинитные» глагольные формы

Название формы	Схема образования	Финитное употребление	Нефинитное употребление
герундий	$\backslash R-\acute{e}$	конструкция результата	сопутствующее действие, фразовая номинализация
инфинитив-1	$\backslash HL-\acute{a}$	конструкция пунктива	сентенциальный актант при глаголе <i>bó</i> ‘прекращать’
инфинитив-2	$\backslash R-\grave{a}$	конструкция будущего и прохибитива	сентенциальный актант при глаголе <i>zí</i> ‘начинать’
супин	$\backslash R-\grave{í}$	иммедиатные конструкции	вторичный предикат со значением цели
отглагольное имя	$\backslash R$?	сентенциальный актант при ряде существительных и при глаголе <i>zígó</i> ‘начинать’

Таким образом, для материала языка гоо может быть применима трактовка финитности как градуальной характеристики клаузы [Givón 2001: 25–26], а не бинарного противопоставления отдельных глагольных форм. Однако при таком подходе остается открытым вопрос, как трактовать вышеупомянутые формы в грамматическом описании языка. В силу этого, мне кажется возможным применить шкалу финитности к самим глагольным формам, а не к целой клаузе. В Таблице 2 глагольные формы ранжированы от более финитных к менее финитным по следующим параметрам: степень грамматикализации формы, частота употребления глагольной конструкции, в образовании которой участвует форма, частота употребления формы вне глагольной конструкции и наличие вспомогательного глагола в конструкции.

Таблица 2. Шкала финитности

Название формы	Степень грамматикализации	Частота употребления (ГК)	Частота употребления (не ГК)	Аux в ГК	<div style="text-align: center;"> <p>более финитная</p>  <p>менее финитная</p> </div>
инфинитив-1	средняя	самая высокая	низкая	–	
инфинитив-2	высокая	высокая	низкая	–	
супин	высокая	средняя	средняя	+	
герундий	высокая	средняя	высокая	+	
отглагольное имя	самая высокая		средняя		

Литература

- Anderson 2011 — G. Anderson. Auxiliary verb constructions in the languages of Africa // *Studies in African Linguistics* 40, 1–2, 2011. P. 1–409.
- Givón 2001 — T. Givón. *Syntax: An Introduction*. Vol. 2. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Nikolaeva (ed.) 2007 — I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford University Press, 2007.

М. В. Аристова
НИУ ВШЭ, Москва

КОНКУРЕНЦИЯ РЕТРОСПЕКТИВНОГО СДВИГА И ФОРМЫ КОНДИЦИОНАЛА В ЗНАЧЕНИИ ИРРЕАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Цель этого доклада — описать способы выражения ирреальной модальности в горномарийском языке. Этих способов два: во-первых, аналитические формы «ретроспективного сдвига» или частицы *âlgecä*, которая является застывшей формой архаического наклонения кондиционала от глагола «быть». Некоторые факты использования этих форм были отражены в литературе [Пенгитов 1961; Саваткова 2002], однако полного описания их распределения в различных контекстах представлено не было. Исследование проводилось на материале, полученном в ходе экспедиции в с. Микряково Горномарийского р-на респ. Марий Эл летом 2017 г.

«Ретроспективный сдвиг» — это сдвиг локализации соотнесенности ситуации назад во времени [Плунгян 2001]. В горномарийском он выражается при помощи клитики *âl'ä* — застывшей формы глагола ‘быть’ (1). Как и многие другие имперфекты и плюсквамперфекты в языках мира (см. [Плунгян 2004]), он маркирует также ирреальные и контрафактические протазисы и аподозисы.

- (1) *kânam măn'ä pâr-âš-âm, Vas'a knigä-m*
когда я прийти-AOR-1SG Вася книга-ACC
lâd-eš âl'ä
читать-NPST.3SG RETR
‘Когда я пришел, Вася читал книгу’.

âlgecä — застывшая форма архаичного наклонения кондиционала, которое образовывалось при помощи суффикса

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536А.

-*gес*- [Саваткова 2002], однако не встречается сейчас в сочетании с глаголами помимо глагола ‘быть’. В контекстах контрафактического условия *âlgесä*, в отличие от форм ретроспективного сдвига, может встречаться только в протазисе [Gareyshina 2017].

Контексты нереализованной возможности типа (2), по-видимому, представляют собой редуцированные условные конструкции с опущенным протазисом (здесь опущено что-то вроде «Если бы Вася меня поймал...»). Поэтому в таких контекстах не используется возможное только в протазисах *âlgесä*:

- (2) *jara хот' Vas'a män'-äm kâč-en*
 хорошо хоть Вася я-ACC ловить-CVB
šokt-en, män' kenvaz-a-m
 выполнять-PRF[3SG] я падать-NPST-1SG
*âl'â /*âl-gес-ä*
 RETR /*быть-COND-AOR[3SG]
 ‘Хорошо, что Вася меня поймал, я бы упал’.

Сожаление о невозможном в настоящем («ирреальный оптатив») может выражаться как при помощи *âlgесä*, так и при помощи ретроспективного сдвига (3). Однако в контекстах сожаления о невозможном в прошедшем ретроспективный сдвиг не используется (4).

- (3) *käzät tâmen-ä-m âl'â /âl-gес-ä!*
 сейчас учиться-NPST-1SG RETR /быть-COND-AOR[3SG]
 ‘Вот бы я сейчас учился!’

- (4) *tänäm tâmen-än-äm *âl'â /âl-gес-ä!*
 тогда учиться-PERF-1SG *RETR /быть-COND-AOR[3SG]
 ‘Вот бы я тогда учился!’

Ретроспективный сдвиг может выражать смягчение, в частности, в контекстах желания (5), совета (6) и просьбы (7)–(8). В других финно-угорских языках используются формы кондиционала [Metslang, Sepper 2010; Tommola 2010], однако в горномарийском они сейчас не используются.

- (5) *män' käzät äräk-äm jündel-ä-m âl'â*
 я сейчас вино-ACC пить-NPST-1SG RETR

*/*ǎl-gec-ǎ*

*/*быть-COND-AOR[3SG]*

‘Я бы сейчас выпил вина’.

- (6) *zontik-ǎm nǎl-ǎ-t ǎl'ǎ /*ǎl-gec-ǎ*
зонтик-ACC братъ-NPST-2SG RETR /быть-COND-AOR[3SG]
‘Ты бы взял зонтик’.

- (7) *tǎn' palš-alt-en a-t kerd ǎl'ǎ*
ты помогать-ATT-CVB NEG.NPST-2SG мочь RETR
*/*ǎl-gec-ǎ?*
*/*быть-COND-AOR[3SG]*
‘Ты не мог бы помочь?’

- (8) *mǎn' Moskva-škǎ билет-ǎm nǎl-ne-m ǎl'ǎ*
я Москва-ILL билет-ACC покупать-DES-1SG RETR
*/*ǎl-gec-ǎ*
*/*быть-COND-AOR[3SG]*
‘Я бы хотел купить билет до Москвы’.

В рестриктивных относительных придаточных при экзистенциальных именных группах, а также при именных группах, выражающих единственность, кондиционал не используется (9)–(10). Однако при универсальных именных группах может использоваться как ретроспективный сдвиг, так и *ǎlgecǎ* (10).

- (9) *mǎn' kečal-ǎ-m edem-ǎm kǎdǎ vǎc*
я искать-NPST-1SG человек-ACC который пять
*jelm-ǎm pǎl-ǎ ǎl'ǎ /*ǎl-gec-ǎ*
язык-ACC знать-NPST.3[SG] RETR */*быть-COND-AOR[3SG]*
‘Я ищу человека, который говорил бы на пяти языках’.

- (10) *tǎdǎ ik student kǎdǎ kǎzǎt ekzamen-ǎš*
он один студент который сейчас экзамен-ILL
*jamdel-ǎlt-eš ǎl'ǎ /*ǎl-gec-ǎ*
готовиться-ATT-NPST.3SG RETR */*быть-COND-AOR[3SG]*
‘Он единственный студент, который сейчас готовился бы к экзамену’.

- (11) *xot' kǎdǎ edem kǎdǎ pravila-m*
хоть который человек который правило-ACC

päl-ä *äl'ä* /*äl-gec-ä*, *texen'*
 знать-NPST.3[SG] RETR /**быть*-COND-AOR[3SG] такой
ošibka-m *a-k* *äšte* *âlân*
 ошибка-ACC NEG.NPST-3 *делать*[SG] RETR
 'Любой человек, который знал бы правила, не сделал бы
 такую ошибку'.

Таким образом, в некоторых функциях, которые в языках мира характерны для «расширенных» употреблений форм условных/сослагательных наклонений (см. [Добрушина 2016] для русского языка), в горномарийском наблюдается конкуренция архаической формы кондиционала и более молодой формы ретроспективного сдвига. На синхронном этапе это отражается в сложной системе семантических противопоставлений.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; COND — кондиционал; GEN — генитив; ILL — иллатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PERF — перфект; PL — множественное число; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс. ... докт. филол. наук. НИУ ВШЭ, М., 2016.
- Пенгитов (ред.) 1961 — Н. Т. Пенгитов (ред.). Современный марийский язык. Ч. 2: Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 273–291.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsényi Dániel Főiskola, 2002.

- Gareyshina 2017 — A. Gareyshina. Western Mari conditionals obscured (in the Kuznetsovo dialect) // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.). (<http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Gareyshina.pdf>)
- Metslang, Sepper 2010 — H. Metslang, M. Sepper. Mood in Estonian // B. Rothstein, R. Thieroff (eds.). Mood in the Languages of Europe [Studies in Language Companion Series 120]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 528–550.
- Tommola 2010 — H. Tommola. Mood in Finnish // B. Rothstein, R. Thieroff (eds.). Mood in the Languages of Europe [Studies in Language Companion Series 120]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 511–527.

Т. А. Архангельский, М. Н. Усачёва

*Гамбургский университет — Фонд Александра
фон Гумбольдта, Гамбург, МГУ, Москва*

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СТРУКТУРУ ИМЕННОЙ ГРУППЫ В КОМИ-ЯЗЬВИНСКОМ¹

Коми-язьвинцы, проживающие в Красновишерском районе Пермского края, являются потомками пермяков, поселившихся вдоль р. Язьва в XVI–XVII вв. Коми-язьвинский идиом отличается как от коми-пермяцкого, так и от коми-зырянского вариантов на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. В течение последних двух столетий язьвинцы жили в условиях тесного контакта с русскоязычным населением. Следствием этого стал почти завершившийся к настоящему времени переход коми-язьвинцев на русский язык: регулярно используют коми-язьвинский в общении почти исключительно люди старшего поколения (5060 лет и старше). Заимствования из русского включают в себя не только многочисленные лексемы, но и словообразовательную морфологию вместе с сопутствующими морфонологическими процессами (*kuróg* ‘курица’ → *kuražók* курица.DIM).

Наше исследование, основанное на материале, собранном нами в поле в 2016–2017 гг., посвящено структуре именной группы (включая группы, возглавляемые «изменяемыми послелогами») в коми-язьвинском диалекте. Исследование основано на данных небольшого корпуса и на элицитации, в ходе которой проверялись контексты с разными генитивными отношениями [Кортъевскаја-Тамм 2003]. Именная группа в коми-язьвинском имеет несколько структурных отличий от других коми диалектов, которые могут быть объяснены русским влиянием:

1. «Конструкция с соположением» вида N N, в которой зависимое находится непосредственно слева от именной вершины, имеет существенно меньшее распространение, чем во всех

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 16-24-17003.

остальных пермских идиомах. Контексты, в которых она допустима, ограничиваются случаями неотторжимых частей предметов: *pus prlóg* (ступенька.NOM лестница.NOM) ‘ступенька лестницы’, *kartá úgal-an* (хлев.NOM угол-LOC) ‘в углу хлева’, *skamějka pón-sl* (скамейка.NOM конец-P.3SG.ACC) ‘конец скамейки’. Во всех остальных случаях конструкция запрещается всеми или частью носителей: **?oš ku* (медведь.NOM шкура.NOM) ‘медвежья шкура’, **?kuz las-jáz* (елка.NOM ветка.NOM-PL) ‘еловые ветки’, **kága zúbka* (ребенок.NOM люлька.NOM) ‘детская люлька’, *?kan' s'ívvan* (кошка.NOM еда.NOM) ‘кошачья еда’. Если зависимое означает материал, соположение в общем случае невозможно, однако допустимы некоторые сочетания, возможно, лексикализованные в композиты: *pu zar* (дерево.NOM лопата.NOM) ‘деревянная (хлебная) лопата’; **kört zar* (железо.NOM лопата.NOM) ‘железная лопата’. При этом конструкция N N по-прежнему остается единственной возможной для вершин-«изменяемых послелогов»: *kuz ul-ón* (елка.NOM низ-LOC) ‘под елкой’.

2. В случае большинства посессивных отношений доступен заимствованный из русского атрибутивизатор *-avlj* (< -овый): *oš-avlj ku* (медведь-ATTR шкура.NOM) ‘медвежья шкура’, *kán'-avlj s'ívvan* (кошка-ATTR еда.NOM) ‘кошачья еда’, *už'ós-avlj sklbá* (дверь-ATTR ручка.NOM) ‘ручка двери’, *kasók-avlj n'idóimka* (мясо-ATTR недоимка.NOM) ‘недоимка по мясу (в колхозе)’. Вопреки тому, что утверждается в [Лыткин 1961], этот атрибутивизатор абсолютно продуктивен. Видимо, распространением сферы употребления показателя *-avlj* и отсутствием в русском языке соположения объясняется вытеснение конструкции N N.

3. В тех случаях, когда зависимое существительное является русским заимствованием, вместо атрибутивизатора *-avlj* используется русское прилагательное: *t'il'éžnlj kal'lsó* ‘колесо телеги’.

Имя в генитиве, судя по всему, может выступать только в качестве внешнего посессора, но не как зависимое в именной группе вида N-Gen N-Poss; сфера употребления генитива, вероятно, также сузилась из-за распространения показателя *-avlj*. Другие атрибутивизаторы (*-a*, имеющий в первую очередь комитативное значение; временной атрибутивизатор *-s'a*) и особенности оформления зависимых в ИГ (например, возможность присоеди-

нения показателя *-as'* ADJ.PL и возможность копирования показателей вершины на зависимом прилагательном) не имеют существенных отличий от других коми диалектов.

Литература

- Лыткин 1961 — В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Кортjevskaja-Tamm 2003 — M. Kортjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin — Ney York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621–722.

Е. В. Буденная
ИЯз РАН, Москва

ЭКСПАНСИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТОЧКА ОТСЧЕТА¹

В большинстве современных языков мира (61%, [Dryer 2011]) редуцированная субъектная референция маркируется при помощи глагольных аффиксов. К этому типу относятся и все засвидетельствованные древние индоевропейские языки, включая латинский, древневерхненемецкий и древнерусский: *a водале ми еси хамече* 'А ты дал мне полотнишко' (Берестяная грамота 644, XII в.). Тем не менее в восточнославянских языках с течением времени стратегия маркирования референции изменилась: в современном русском языке в подавляющем большинстве случаев (от 2/3 до 3/4, в зависимости от регистра [Kibrik 1996]) референция осуществляется с помощью субъектных местоимений: *Мы решили поехать на территорию университета. Видим, что машину... тормознули. Сколько штраф, мы не знаем*². Подобная местоименно-аффиксальная стратегия является крайне редкой и фигурирует лишь в единичных языках мира [Siewierska 2004]. Причины «сдвига» в сторону этой модели представляют большой интерес.

В отношении восточнославянских языков распространенной является точка зрения об утрате вспомогательного глагола в 3-м лице перфекта, впоследствии ставшего новым прошедшим временем на -л, — которая, по мнению ряда ученых [Jakobson 1971/1935: 21; Lindseth 1998: 65; Kibrik 2004], послужила основным «триггером» для всей дальнейшей экспансии местоимений. Данная теория основывается на том, что уже в самых древних текстах наблюдается утрата глагольной перфектной связки 3-го лица: *Въ лѣто 6576 индикта Глѣбъ*

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460.

² Пример из корпуса «Веселые истории из жизни», (<http://spoken corpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>).

князь мѣрилъ [не *есть мѣрилъ*. — Е. Б.] *мо<ре>*... (Тмутараканская надпись, XI в.). Со временем, согласно этой теории, утрата связки в 3-м лице повлекла за собой утрату связок 1-го и 2-го лица, что привело к неоднозначности и вызвало необходимость ввода нового референциального маркера — личных местоимений.

Тем не менее ряд положений в этой теории не столь однозначен. Так, определенные сомнения вызывает тот факт, что именно утрата глагольной связки 3-го лица перфекта стала причиной дальнейшей утраты связок 1-го и 2-го лица. Известно, что массовая утрата глагольных связок 1-го и 2-го лица перфекта началась лишь в XVI в. [Зализняк 2008: 247], что на 400 лет позже утраты глагольной связки 3-го лица. Кроме того, утрата глагольной связки 3-го лица в перфекте является чрезвычайно распространенным явлением в языках мира [Stassen 1994: 111], но не вызывает никаких дальнейших перестроек, поскольку носители однозначно интерпретируют его не как отсутствие показателя вообще, а как особый нулевой маркер 3-го лица. Именно такая стратегия наблюдается в современном польском³ и чешском языках, где связка 3-го лица в перфекте утратилась в период до XVI в., однако никакой утраты связок 1-го и 2-го лица вслед за ней не произошло, и языки сохранили древнюю аффиксальную стратегию.

В связи с этим нами было проведено детальное статистическое исследование древне- и старорусских памятников (ок. 2000 релевантных клауз), с целью выявления непосредственного «триггера» экспансии местоимений, радикально отличающего исторический путь русской референциальной системы от чешской и польской. В результате было установлено, что таким триггером является массовая утрата глагольной связки 3-го лица — но не в перфекте, а в именных клаузах. Она начинается приблизительно на 150 лет позже, чем в перфекте, и приводит к непосредственной экспансии местоимений 3-го лица в именных — после которых постепенно начинается и вся дальнейшая эволюция. Системная утрата связок 3-го лица

³ Для польского более правомерно говорить о показателе, поскольку аналитическая связка была грамматикализована.

в именных клаузах коренным образом отличает восточнославянские языки от чешского и польского, где нулевой показатель 3-го лица присутствует лишь в претерите. Таким образом, был существенно уточнен один из главных дискуссионных вопросов славистики.

Литература

- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008.
- Dryer 2011 — M. S. Dryer. Expression of Pronominal Subjects // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Chapter 101. (<http://wals.info/feature/101A>)
- Jakobson 1971/1935 — R. Jakobson. Les enclitiques slaves. Selected Writings. Vol. 2. The Hague: Mouton, 1971. P. 16–22. (Original publication: Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935.)
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // B. A. Fox (ed.). Studies in Anaphora. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 266–303.
- Lindseth 1998 — M. Lindseth. Null-subject Properties of Slavic Languages: with Special Reference to Russian, Czech and Sorbian. München: Sagner, 1998.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. Person. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Stassen 1994 — L. Stassen. Typology versus mythology: The case of the zero-copula // Nordic Journal of Linguistics 17, 2, 1994. P. 105–126.

А. И. Виняр
НИУ ВШЭ, Москва

ИНКОРПОРАЦИЯ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА И ПОДЪЕМ ПОСЕССОРА В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

В литературе, посвященной именной инкорпорации в чукотском языке, описаны конструкции «подъема посессора» (possessor raising/stranding, см. [Mithun 1984; Polinskaja, Nedjalkov 1987; Spencer 1995]). В таких конструкциях синтаксическую позицию инкорпорированного прямого объекта занимает именная группа, семантически относящаяся к инкорпорированному имени как обладатель (1a–b).

Инкорпорация прямого объекта, «подъем посессора»¹

- (1a) *ekke-ne atlay-in ʔattʔə-qey-ti*
сын-INS отец-POSS собака-DIM-NOM.PL
rə-qametwa-w-ne-na-t
TR-есть-CS-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
- (1b) *ekke-ne atlayə-n ʔattʔə-n-qametwa-w-ne-n*
сын-INS отец-NOM.SG собака-TR-есть-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
- (1c) **ekək atlay-in ʔattʔə-n-qametwa-k-wʔ-e*
сын.NOM.SG отец-POSS собака-TR-есть-CS-2/3SG.S
'Сын покормил собак отца'.

В конструкции без инкорпорации именная группа (ИГ) *ʔattʔəqey-ti* 'собака-DIM-NOM.PL' синтаксически является прямым объектом (маркирована номинативом и контролирует объектные лично-числовые индексы на глаголе), в то время как посессор 'отец' маркирован посессивом (1a). В конструкции с инкорпорацией глагол остается переходным, а «освободившуюся» позицию прямого объекта обязательно занимает посессор (ср. (1b–c)).

¹ Исследование проведено на основании данных, полученных в ходе полевой работы с носителями чукотского языка. Все примеры, представленные в этих тезисах, также собраны в ходе полевой работы.

Некоторые теоретические подходы к именной инкорпорации ([Baker et al. 2005; Barrie 2015]) рассматривают конструкции (1b) как деривацию из конструкции (1a), считая поднятый посессор частью именной группы инкорпорированного имени.

В чукотском языке, помимо конструкции «подъема посессора», встречается и конструкция подъема косвенного объекта (2c). В отличие от «подъема посессора», подъем косвенного объекта не является обязательным при инкорпорации прямого объекта (2b).

Подъем косвенного объекта (бенефицианта)

(2a) *atlay-e walə-∅ pəne-ni-n*
отец-INS нож-NOM.SG точить-3SG.A.3.O-3SG.O
enaratʔ-etə
сосед-DAT

(2b) *atlayə-n wala-mna-yʔ-e enaratʔ-etə*
отец-NOM.SG нож-точить-ТН-2/3SG.S сосед-DAT

(2c) *atlay-e wala-mna-ne-n enaratʔə-n*
отец-INS нож-точить-3SG.A.3.O-3SG.O сосед-NOM.SG
'Отец поточил нож для соседа' (нож не принадлежит соседу).

Наше исследование посвящено синтаксическому поведению конструкций подъема (посессора и косвенного объекта) при объектной инкорпорации в чукотском. Как нам удалось выяснить, в чукотском невозможна инкорпорация вершины именной группы, содержащей в себе ИГ-посессора, если в клаузе присутствует косвенный объект с ролью бенефицианта (3).

Инкорпорация с «подъемом посессора» невозможна

(3a) *atlay-e ekk-in walə-∅*
отец-INS сын-POSS нож-NOM.SG
pəne-ni-n enaratʔ-etə
точить-3SG.A.3.O-3SG.O сосед-DAT

(3b) **atlay-e ekək wala-mna-ne-n*
отец-INS сын.NOM.SG нож-точить-3SG.A.3.O-3SG.O

enaraŋ-etə

сосед-DAT

‘Отец поточил нож сына для соседа’.

Пример (3b) противоречат текущему пониманию (представленному в теоретических работах [Baker et al. 2005; Barrie 2015]) подъема посессора при инкорпорации. Если бы «подъем посессора» происходил из-за того, что ИГ-посессор является структурно ближайшей именной группой, с которой может согласоваться инкорпорирующий глагол (см. [Baker et al. 2005; Baker 2009]), то наличие в клаузе бенефициантного адъюнкта не препятствовало бы «подъему посессора». Схожим образом наши данные противоречат гипотезе [Barrie 2015] о том, что подъем посессора при инкорпорации связан со структурой именной группы, «из которой» имя было инкорпорировано.

Согласно нашим данным, в чукотском языке позицию инкорпорированного прямого объекта может занимать только ИГ, воспринимаемая как бенефициант/реципиент ситуации, обозначенной глаголом. Такой анализ объясняет невозможность инкорпорации в (3), где посессор, претендующий на «подъем», не является бенефициантом/реципиентом. Кроме того, такой подход согласуется с анализом функции номинатива [Polinskaja, Nedjalkov 1987] и инкорпорации подлежащего [Недялков 1977] в чукотском языке.

Литература

- Недялков 1977 — В. П. Недялков. Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего) // В. С. Храковский (ред.). Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука. 1977. С. 108–138.
- Baker et al. 2005 — M. Baker, R. Aranovich, L. Golluscio. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications // *Language* 81, 2005. P. 138–176.
- Baker 2009 — M. Baker. Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun // *Lingua* 119, 2009. P. 148–165.
- Barrie 2015 — M. Barrie. Two kinds of structural noun incorporation // *Studia Linguistica* 69, 2015. P. 237–271.
- Mithun 1984 — M. Mithun. The evolution of noun incorporation // *Language* 60, 1984. P. 847–893.

- Polinskaja, Nedjalkov 1987 — M. Polinskaja, V. Nedjalkov. Contrasting the absolutive in Chukchee // *Lingua* 71, 1987. P. 239–269.
- Spencer 1995 — A. Spencer. Incorporation in Chukchi // *Language* 71, 1995. P. 439–489.

А. Ю. Вознесенская

МГУ, Москва

О ВОПРОСИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЕ *b* В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В баргузинском диалекте бурятского языка частный вопрос образуется с помощью вопросительного слова и частицы *b*, присоединяющейся к главному предикату (1). Частица *b* также встречается в составе неопределенных местоимений (2).

- (1) *xэн pirog эд'-э:-b*
кто пирог есть-PRT1-Q1
'Кто ел пирог?'
- (2) *sajana ju:-fjэ-b unfa-na*
саяна что-SHYE-Q1 читать-PRS
'Саяна что-то читает'.

2. Проблема

На материале, собранном в с. Барагхан Республики Бурятия было проведено исследование, целью которого являлось выявить свойства и статус частицы *b*. Исследование опиралось на теорию вопросительных предложений, предложенную в [Cable 2007; 2010]: вопросительные частицы разных языков, ведущие себя определенным образом, он объединяет под «ярлыком» Q. Также в [Ibid.] предлагается типология для языков с Q-частицами. Таким образом, в задачи исследования входило: а) определить, обладает ли частица *b* свойствами, характерными Q-частицам; б) сопоставить дистрибуцию данной частицы с дистрибуцией вопросительных частиц *da* (сингальский) и *ka* (японский).

¹ Языковые данные были собраны при поддержке гранта РФФИ № 17-04-18036е. Дальнейшая работа над материалом осуществлялась при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

3. Данные

Первым свойством, характерным для Q, является обязательность употребления с вопросительными словами. В вопросительных предложениях, частица *b* является обязательной для будущего времени, хабутуалиса и одного из претеритов и факультативной для настоящего времени и второго претерита. В составе неопределенных местоимений, частица *b* является обязательной.

Второе свойство Q-частиц — необходимость си-командовать вопросительным словом. В баргузинском диалекте бурятского языка частица *b* не может присоединяться ни к чему кроме предиката клаузы — в вопросительном предложении и самого вопросительного слова — в случае неопределенных местоимений. Таким образом, частица *b* си-командует вопросительным словом.

Третье свойство, связанное с островными ограничениями, сложно проверить для данного языка, так как помимо ограничения сочинительной конструкции в нем отсутствуют острова.

Дистрибуция частицы *b* и частиц *da* и *ka* (данные японского языка по [Cable 2010], сингальского — [Kishimoto 2005]):

3.1. Правая периферия клаузы

b может (и должна) присоединяться к матричному предикату. Японская частица *ka* появляется на правой периферии клаузы. Сингальская *da* не может появляться на правой периферии клаузы.

3.2. Правая периферия вложенной клаузы

b может (и должна) присоединяться к предикату:

- (3) *tʁə* [xədi: konfʁtə ɛdʰ-ə:-b gəʒə] mɛdɔ-nɔ-gui
тот сколько конфета есть-PRT1-Q1 COMP знать-PRS-NEG
/**tʁə* [xədi: konfʁtə ɛdʰ-ə: gəʒə b] mɛdɔ-nɔ-gui
тот сколько конфета есть-PRT1 COMP Q1 знать-PRS-NEG
‘Он не знает, сколько конфет он съел’.

Японская *ka* и сингальская *da* появляются на правой периферии вложенной клаузы.

3.3. Между послелогом и его комплементом

Частица *b* возможна в такой позиции (только в составе неопределенного местоимения, т. к. в вопросе она всегда присоединяется к предикату):

- (4) *sajana* [ju:n-fjə-b tuxai] xə/ə-nə
Саяна что-SHYE-Q1 о говорить-PRS
'Саяна что-то говорит'.

Японская частица также возможна в такой позиции, тогда как сингальская — нет.

3.4. Между посессором и обладаемым

b присоединяется после падежа к посессору:

- (5) *xən-əi-fjə-b(-da:)* /**xən-fjə-b-əi* хн:rtik
кто-GEN-SHYE-Q1-PTCL /кто-SHYE-Q1-GEN куртка
xana-da ɯlg-ə:-təi
стена-DAT вещать-PRT1-COM
'Чья-то куртка висит на стене'.

Японская *ka* присоединяется к вопросительному слову до падежа. В сингальском *da* не может находиться в такой позиции.

4. Выводы

По свойствам частица *b* схожа с частицами, объединенными под ярлыком Q, что позволяет отнести данную частицу к этому же классу. Дистрибуция рассматриваемой частицы ближе всего к вопросительной частице японского языка. Согласно теории Кейбла, дистрибуция сингальского *da* присуща языкам, где Q является вершиной проекции QR (т. к. QR не может являться интервентом в контекстах, описанных выше). Возможность *ka* и *b* в этих контекстах объясняется тем, что в языках данного типа Q является адьюнктом некоторой проекции. Таким образом, данные позволяют отнести баргузинский диалект бурятского, как и японский, к Q-Adjunction языкам.

Литература

- Cable 2007 — S. Cable. The Grammar of Q: Q-particles and the Nature of Wh-fronting, as Revealed by the Wh Questions of Tlingit. PhD Thesis. MIT, Cambridge, Mass., 2007.
- Cable 2010 — S. Cable. The Grammar of Q: Q-particles, Wh-movement, and Pied-piping. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Kishimoto 2005 — H. Kishimoto, Hideki. 2005. Wh-in-situ and movement in Sinhala questions // *Natural Language and Linguistic Theory* 23, 2005. P. 1–51.

О. С. Волков, Д. И. Игнатенко

НИУ ВШЭ, Москва

ПОКАЗАТЕЛИ НЕПОЛНОТЫ СИТУАЦИИ, ИЛИ ЛИМИТАТИВНО-СЕМЕЛЬФАКТИВНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ЯЗЫКАХ МИРА

В докладе речь пойдет о деривации, выражающей значения семельфактива (квант мультипликативного процесса), лимитатива (фрагмент процесса) и ряд смежных значений в языках мира. Несмотря на то, что на первый взгляд эта деривация напоминает грамему перфектива (предикаты, оформленные ей, обозначают ситуации, вложенные в окно наблюдения), между ними существуют значительные отличия: описываемая нами деривация обычно находится в языках в зоне словообразования; она не обязательна для выражения; в каждом конкретном контексте она может получать несколько различных интерпретаций, в то время как у перфектива интерпретация жестко задается акциональным классом предиката.

Подобные деривации существуют во многих урало-алтайских языках, см., например, [Роббек 1982: 76–77] про эвенский суффикс *sn-*, [Сердобольская 2012] про удмуртские суффиксы *-t* и *-č'k*, [Оскольская, Стойнова 2012] про нанайский суффикс *-psij/-pseŋ*. Однако существенно, что такие деривации находятся и в других ареалах и языковых семьях (ср. (1) из кушитского языка консо; семельфактивно-лимитативная семантика выражается геминацией конечного согласного основы). При этом типологически ориентированного описания данной деривации до сих пор не существует.

КОНСО (< КУШИТСКИЕ)

- (1) *čɔf-* ‘щипать’ > *čɔff-* ‘ущипнуть’
tuk- ‘спать’ > *tukk-* ‘вздремнуть’ [Orkaydo 2013: 153]

В докладе на материале пятнадцати языков мы попытаемся описать основные свойства данной деривации. Первоочередные вопросы таковы: каков набор значений, выражаемых показате-

лями этой деривации? Какие из этих значений центральны, какие периферийны? В каких контекстах возникают какие значения? Следует ли эту деривацию описывать как аспектуальный кластер, совмещающий несколько значений, или же можно выделить у показателей какую-либо инвариантную семантику, объявив, что конкретные значения являются лишь контекстуальными интерпретациями? Какова диахрония возникновения подобных показателей?

Мы демонстрируем, что показатели данной деривации в языках мира могут помимо лимитатива и семельфактива выражать аттенуативную, инхоативную, антирезультативную семантику, а также широкий класс значений, связанных с неожиданностью и высокой скоростью протекания ситуации.

Попытка описать данную деривацию как кластер наталкивается на следующую проблему: в каждом рассматриваемом языке набор значений, которые могут выражаться показателями этой деривации, уникален. Таким образом, невозможно выделить значения, которые обязательно должны быть включены в данный кластер. Во всех рассмотренных языках деривация в некоторых контекстах выражает либо семельфактив (как, например, в тундровом ненецком или удмуртском), либо лимитатив (ср. пекинский китайский или юкагирский), либо и то и другое (консо, чувашский, нанайский, вепсский и др.), поэтому представляется, что именно два эти значения можно было бы считать ядром описываемой категории, однако опять же — одно из них может не выражаться показателем этой категории.

За инвариантную семантику можно было бы принять значение ограниченного сегмента, извлеченного из процесса, а аттенуативную, антирезультативную и инхоативную интерпретацию признать развивающимися из импликатур, возникающих у показателей лимитатива или семельфактива. С другой стороны, можно предположить, что семантический инвариант всей категории — неполнота действия; такая трактовка покрывает все вышеописанные значения.

О диахроническом развитии подобных дериваций известно немного — обычно в дескриптивных грамматиках подобным показателям посвящается совсем мало места. Кроме того, обычно их авторы не заботятся и о том, чтобы приводить примеры,

в которых интерпретация показателя будет идентифицироваться однозначно. В докладе мы чётко определяем семантику лимитатива, семельфактива, аттенуатива, антирезультатива, повышенной скорости, интенсивности и неожиданности и приводим контексты, в которых будет проявляться только одно из этих значений; таким образом, мы надеемся, что наша работа станет стимулом для более подробного и аккуратного изучения показателей данной деривации в языках мира.

Литература

- Оскольская, Стойнова 2012 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: ИЯз РАН, 2012. С. 213–230.
- Роббек 1982 — В. А. Роббек. Виды глагола в эвенском языке. Л.: Наука, 1982.
- Сердобольская 2012 — Н. В. Сердобольская. Глагольная множественность и аспект в удмуртском бесермянском: множественность показателей множественности // В. А. Плунгян (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: ипология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. 735-785.
- Orkaydo 2013 — O. O. Orkaydo. A Grammar of Konso. Utrecht: LOT, 2013.

Ф. В. Голосов
НИУ ВШЭ, Москва

**БРОСЬ, ОСТАВЬ И УЙДИ:
ЛЕГКИЕ ГЛАГОЛЫ *KOLTAŠ*, *ŠUAŠ* И *KEÄŠ*
В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ АСПЕКТУАЛЬНАЯ
СЕМАНТИКА¹**

Настоящий доклад посвящен сложным глаголам в горномарийском языке. Сложный глагол — это конструкция, состоящая из двух глагольных форм: лексического глагола в форме деепричастия и легкого глагола в финитной форме, который семантически модифицирует лексический глагол (см., например, [Саваткова 2002]). Сложный глагол отличается от обычного сочетания финитной формы и деепричастия тем, что имеет некомпозиционное значение. Данная конструкция изучена довольно слабо на настоящий момент и интересна со многих сторон, но мы сфокусируемся прежде всего на аспектуальной семантике лёгких глаголов.

Нами было рассмотрено 3 легких глагола (*keäš* ‘идти’, *kol-taš* ‘кидать’ и *šuaš* ‘оставлять’), обладающих высокой сочетаемостью. Материалы для исследования были собраны в ходе совместной экспедиции НИУ ВШЭ и МГУ им. Ломоносова в с. Микряково респ. Марий Эл в августе 2017 г.

В работе [Bradley 2016] все три глагола описываются как имеющие либо инцептивное, либо комплетивное значение (без уточнения распределения), также упоминается о моментальности и неожиданности действия. Иными словами, каждый из рассматриваемых легких глаголов обладает аспектуальным значением «вхождение в состояние».

Цель нашего доклада — проверить и в некоторых случаях дополнить уже существующие описания, в частности, [Ibid.]. Наше исследование показывает, что в сочетании с состояниями полученная конструкция действительно имеет значение инцептива:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

- (1) *Vas'a sālāklan-en kolt-āš.*
 В. грустить-CVB бросить-AOR.3SG
 'Вася загрустил/*грустил'.

В сочетании с процессами же полученная конструкция имеет значение комплетива:

- (2) *Tādä vəc *minut /minut-āšt=ok cilä vädä-m*
 тот 5 минут минут-IN=EMPH весь вода-ACC
jü-n kolt-āš.
 пить-CVB бросить-AOR.3SG
 'Он выпил всю воду *(за) пять минут'.

Однако ни моментальность свершения действия, ни его неожиданность не подтверждается собранными примерами (для каждого из глаголов):

- (3) *Tādä vəc i-štä konešno kápängält-Ø*
 тот 5 год-IN конечно взрослеть-CVB
ke-š.
 уходить-AOR.3SG
 'Конечно, он повзрослел за 5 лет'.

Перфективная функция у глаголов перемещения объекта типологически широко распространена, об этом см. [Майсак 2005]. В тюркских языках также представлены легкие глаголы-перфективаторы, формирующие аналогичную конструкцию с деепричастием [Гращенко 2015], в частности, в соседнем чувашском языке.

Каждый из описанных глаголов имеет некоторые сочетаемостные и семантические особенности. Глагол *keäš* в аспектуальном значении сочетается только с пассивными глаголами:

- (4) *Pört vəc minut-āštâ oxâr-ân keš.*
 дом 5 минут-IN пустеть-CVB уходить-AOR.3SG
 'Дом опустел за 5 минут'.
- (5) *Pi opt-alal-ân ke-š.*
 пес лаять-АТТ-CVB уходить-AOR.3SG
 'Пес, полаяв, ушел'.

Глагол *koltaš* имеет самую широкую сочетаемость среди легких глаголов, единственное ограничение — одушевленность субъекта:

- (6) *Tädä pi-m cäm-al-∅ kolt-âš.*
 тот пес-ACC пинать-АТТ-СВБ бросить-АОР.3СГ
 ‘Он пнул собаку’.
- (7) *Čaj ükš-en *kolt-âš /ke-š.*
 чай остывать-СВБ бросить-АОР.3СГ /уходить-АОР.3СГ
 ‘Чай остыл’.

Глагол *šuaš* сочетается только с переходными глаголами и имеет дополнительное значение полного охвата действия:

- (8) *Tädä pi-m iziš čäm-en kolt-âš.*
 тот пес-ACC немного пинать-СВБ бросить-АОР.3СГ
 ‘Он немного попинал собаку’.
- (9) *Tädä pi-m *iziš čäm-en šu-š.*
 тот пес-ACC немного пинать-СВБ оставлять-АОР.3СГ
 ‘Он *немного испинал собаку (до потери сознания или до смерти)’.
- (10) *Tädä putagâ-m sir-en šu-š.*
 тот бумага-ACC писать-СВБ оставлять-АОР.3СГ
 ‘Он исписал (весь) листок’.

Интересно, что такой оттенок значения, по всей видимости, является достаточно редким, в частности, он не зафиксирован у тюркских глаголов со значением ‘оставлять’ [Гращенко 2015].

Литература

- Гращенко 2015 — П. В. Гращенко. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: ЯСК, 2015.
- Майсак 2005 — Т. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Bradley 2016 — J. Bradley. Mari Converb Constructions: Productivity and Regional Variance. PhD Thesis. Universität Wien, Wien, 2016.

А. И. Груздева

МГУ, Москва

СИНТАКСИС ПОКАЗАТЕЛЯ СОЦИАТИВА *-лса* В БАРГУЗИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

В [Санжеев (ред.) 1962] утверждается, что значение изучаемого суффикса — «совместное действие», или «совместный залог». Однако при этом отмечается, что *-лса* может употребляться и в значении «взаимного залога». Суффикс *-лса* рассматривается также и в работе [Nedjalkov et al. 2007], посвященной реципрокальным, социативным, комитативным и ассистивным конструкциям в бурятском и халха-монгольском языках.

В данной работе исследуется синтаксис показателя социатива *-лса* в баргузинском диалекте бурятского языка. Материалом для работы послужили данные, собранные методом элицитации и анкетирования носителей баргузинского диалекта в ходе экспедиций в улус Барагхан Курумканского р-на респ. Бурятия в августе 2016 г. и августе 2017 г.

Суффикс *-лса* в баргузинском диалекте имеет два основных регулярных значения: реципрок и социатив. Под реципроком (1) мы будем понимать одновременное взаимное действие двух (или более) участников, каждый из которых задействован в более чем одной семантической роли. Социатив — преобразование диатезы, которое добавляет в исходную событийную структуру еще одно подсобытие, отличающееся от исходного аргументом (2) (I тип социатива) или дескриптивными характеристиками (3) (II тип социатива).

- (1a) [бадма] [дарим-ые] таал-аа
Бадма Дарима-АСС целовать-PRТ1
'Бадма поцеловал Дариму'.

¹ Языковые данные были собраны при поддержке гранта РФФИ № 17-04-18036е. Дальнейшая работа над материалом осуществлялась при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

- (1b) [бадма дарима-тай] таала-лс-аа
 Бадма Дарима-COM целовать-SOC-PRT1
 ‘Бадма с Даримой поцеловались’.
- (2a) [дугар] энээ-нэ
 Дугар смеяться-PRS
 ‘Дугар смеется’.
- (2b) [дугар бадма-тай] энээ-лсэ-нэ
 Дугар Бадма-COM смеяться-SOC-PRS
 ‘Дугар смеется с Бадмой {т. е. поддерживает смех Бадмы}’.
- (3a) дугар яблока аб-аа
 Дугар яблоко.ACC брать-PRT1
 ‘Дугар купил яблок’.
- (3b) дугар гэр-т-ээ ошо-жо бай-ха-д-аа,
 Дугар дом-DAT-REFL ходить-CONV1 быть-POT-DAT-REFL
 яблока аба-лс-аа
 яблоко брать-SOC-PRT1
 ‘Дугар, идя домой, еще и купил яблок’.

В этом исследовании мы сконцентрируемся на синтаксической структуре реципрокальных и социативных клауз с *-лса* с множественным аргументом. Прежде всего нас будет интересовать синтаксическая позиция именной группы в комитативе. В русском языке конструкции с комитативом анализировались в [Ionin, Matushansky 2003; Vassilieva, Larson 2005]. Существует две логические возможности:

Анализ 1: комитативный участник входит в именную группу (Рис. 1).

Анализ 2: комитативный участник входит в глагольную группу (Рис. 2) или в составляющую, которая содержит в себе глагольную группу (Рис. 3).

Чтобы выяснить, какие из структур на Рис. 1–3 доступны для бурятских дериватов на *-лса*, социативная и реципрокальная конструкции были проверены разными критериями на выделение составляющих.

Рисунок 1



Рисунок 2

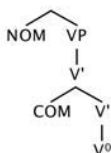
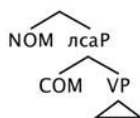


Рисунок 3



Критерий сочинения

Этот критерий проверяет возможность сочинения предполагаемой составляющей, состоящей из глагольной группы и комитативного участника, с другой глагольной группой (непроизводным глаголом). Если комитативный участник входит в именную группу с номинативным (Рис. 4), событие, обозначаемое непроизводным глаголом будет относиться к ним обоим, а если в глагольную (Рис. 5) — то только к участнику в номинативе.

Рисунок 4

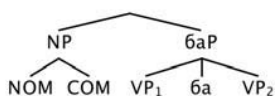
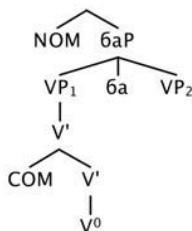


Рисунок 5



- (4) дугар дарима-тай таала-лс-аа ба яб-аа
 Дугар Дарима-COM целовать-SOC-PRT1 и идти-PRT1
 ‘Дугар с Даримой поцеловались и ушли’
 ‘Дугар поцеловался с Даримой и ушел’.

Приведенный пример допускает две интерпретации: 1) глаголы относятся к множественному субъекту, выраженному именной группой, состоящей из номинативного и комитативного участников (Рис. 4); 2) глагол относится только к номинативному участнику *Дугар*, а комитативный участник входит в глагольную группу с первым глаголом (Рис. 5). Таким образом, критерий на сочинение показывает, что возможны обе конструкции, изображенные на рисунках.

Помимо критерия на сочинение были использованы следующие критерии:

- выделение фокусными элементами ганса ‘только’ и *-л* ‘же, именно’;
- автономность (fragment answers);
- возможность быть антецедентом для связывания;
- возможность быть антецедентом для местоименного глагола тиихэ ‘делать так’;
- порядок слов.

По результатам этих критериев мы делаем вывод о том, что при реципроке и социативе с множественным аргументом комитативный участник может входить как в глагольную группу, так и в именную.

Литература

- Санжеев (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- Ionin, Matushansky 2003 — Т. Ionin, O. Matushansky. DPs with a twist: A unified analysis of Russian comitatives // W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova, D. Zec (eds.). Proceedings of FASL 11. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2003.
- Nedjalkov et al. 2007 — V. P. Nedjalkov, E. K. Skribnik, E. A. Kuzmenkov, N. S. Yakhontova. Reciprocal, sociative, comitative, and assistive constructions in Buryat and Khalkha-Mongol // V. P. Nedjalkov, Z. Guéntcheva, E. Š. Geniušienė (eds.). Reciprocal Constructions. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 1281–1350.
- Vassilieva, Larson 2005 — M. Vassilieva, R. K. Larson. The semantics of the plural pronoun construction // Natural Language Semantics 13, 2, 2005. P. 101–124.

Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина

МГУ, Москва

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЭЛАТИВНОГО МАРКЕРА В ЗНАЧЕНИИ ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ: ДАННЫЕ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В данной работе мы рассмотрим семантику и синтаксис горномарийских конструкций с элативным послелогом *gäc*, который развивает некоторые употребления, не вполне ожидаемые при его исходной семантике. Данные собраны в ходе полевого исследования в с. Кузнецово и окрестных деревнях Горномарийского р-на респ. Марий Эл в 2017 г. В первую очередь нами использован метод анкетирования носителей, учтены также данные корпуса экспедиционных текстов (на текущий момент около 20 тыс. словоупотреблений).

Помимо базовых элативных контекстов (1), послелог *gäc* развивает некоторые типологически предсказуемые употребления (см. [Ганенков 2002а: 82–108]), используясь в контекстах точки отсчета, пассивного источника (2), выбора из множества (3) и некоторых др.

- (1) *tädä šärgö gäc tol-än*
он лес EL идти-PFV
'Он пришел из леса'.
- (2) *män' podark -äm pet'a-n äzä(-žä)*
я подарок-ACC Петя-GEN старший.брат-POSS.3SG
gäc näl-än-äm
EL брат-PFV-1SG
'Я получил от Петиного брата подарок'.
- (3) *väc türelkä gäc iktä -žä pädârg-en*
пять тарелка EL один-POSS.3SG биться-PFV
'Из пяти тарелок одна разбилась'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-04-18036е.

Однако помимо них у послелого *gäc* распространено, на первый взгляд, совершенно неожиданное значение, по сути противоположное элативному — ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ (4). В типологических работах, суммирующих основные сведения о средствах выражения пространственной семантики (см., например, [Ганенков 2002a; Creissels 2006; 2008]), такое сочетание значений не описано. Отметим, что послелог *gäc* не описывает конечную точку движения (о средствах выражения указанного значения в горномарийском языке см. [Давидюк, Козлов 2016] и приводимые там ссылки).

- (4) *pi pet'a-m /*pet'a-n kid(-šš) gäc*
 собака Петя-ACC Петя-GEN рука(-POSS.3SG) EL
pârâl-ân
 кусать-PFV
 ‘Собака укусила Петю за руку’.

В [Ганенков 2002б] отмечается, что развитие такого значения типологически возможно для пролатива. Однако к нашему случаю этот сценарий неприменим, поскольку у послелого *gäc* нет значения ПУТЬ:

- (5) *pet'a kornâ mâč-kâ /#gäc tol-eš*
 Петя дорога конец-ILL2 EL идти-NPST.3SG
 ‘Петя идет по дороге (с дороги)’.

В употреблении послелого *gäc* в значении ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ существуют некоторые семантические и синтаксические ограничения. В первую очередь, описываемая конструкция может возникать только при переходных глаголах, предполагающих физический контакт Агенса и Пациенса (глаголы типа *šâpšalaš* ‘целовать’, *seväläš* ‘бить’, *niältäš* ‘гладить’, *käčäš* ‘ловить, держать’, *pârâlaš* ‘кусать’ и др., но не *šuaš* ‘бросать’, *lüäš* ‘стрелять’, *levedäš* ‘накрыть чем-л.’ и др.). Прямое дополнение и послеложная группа с *gäc* должны быть связаны посессивным отношением. Конструкция с послеложной группой, но без выноса посессора в позицию прямого объекта невозможна (4).

Мы предполагаем, что значение ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ у элативного послелого развивается из значения ВЫБОР ИЗ МНОЖЕСТВА: семантически в этом случае из целого (пред-

ставленного в позиции прямого объекта) выделяется именно та часть, с которой осуществляется контакт. Такая трактовка поддерживается, в частности, инвентарем посессивных отношений (проверявшихся по [Кибрик 2003]), возможных для конструкции с *gəc* ('посессор-АСС + обладаемое EL'): это отношения «Обладатель — часть тела», «Обладатель — обладаемое» (относится только к надетой на Пациенса одежде – данное отношение отдельно указывается, в частности, в [Haspelmath 1999]), «Целое — часть», но не отношения «Родство», «Социальное отношение», «Членство», что не противоречит типологическим данным о конструкциях с внешним посессором (см., например, [König 2001]).

У единицы с элативной семантикой значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ развивается и в некоторых других уральских и алтайских языках: диалектах финского [Федотов 2012: 420–424], мордовских [Цыганкин 1980: 164–166], энецком [Сорокина 2010: 88–93], тундровом ненецком [Терещенко 1947: 88], лесном ненецком [Кошкарева 2005: 171–185], калмыцком [Холодилова 2009]. В докладе мы представим выявленные нами сходства и различия горномарийского материала с данными указанных языков.

Список условных сокращений

АСС — аккумулятив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL2 — иллатив (только для серийных послелогов); NPST — непрошедшее время; PFV — перфектив («2-ое прошедшее время»); POSS — посессивность; SG — единственное число.

Литература

- Ганенков 2002а — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Ганенков 2002б — Д. С. Ганенков. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С. 35–56.
- Давидюк, Козлов 2016 — Т. И. Давидюк, Л. С. Козлов. Латив в горномарийском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 49–52.

- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Кошкарева 2005 — Н. Б. Кошкарева. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск: Б. и, 2005.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- Федотов 2012 — М. Л. Федотов. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII, 1, 2012. С. 371–445.
- Холодилова 2009 — М. А. Холодилова. Конструкция с периферийным обладаемым в калмыцком языке // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН V, 2, 2009. С. 76–93.
- Цыганкин 1980 — Д. В. Цыганкин. Грамматика мордовских языков. Саранск: Издательство Мордовского государственного университета, 1980.
- Creissels 2006 — D. Creissels. Encoding the distinction between localization, the source of motion, and the direction of motion?: A typological study // M. Hickmann, S. Robert (eds.). *Space in Languages*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 19–28.
- Creissels 2008 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, E. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 609–625.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective // L. D. Payne, I. Barshi (eds.). *External Possession*. [Typological Studies in Language 39]. Amsterdam: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- König 2001 — E. König. Internal and external possessors // M. Haspelmath, E. König, W. Österreicher, W. Reible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. Vol. 2. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 970–978.

К. Ю. Дойкина

МГУ, Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ СЯ В ДУХОВНЫХ И ДОГОВОРНЫХ ГРАМОТАХ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ XIV–XV ВВ.

Как известно, в древнерусском языке (ДРЯ) существовала система энклитик, которая подчинялась закону Вакернагеля: энклитики располагались после первой тактовой группы клаузы. Они образовывали цепочку, внутри которой действовала строгая иерархия в соответствии с местом (рангом) энклитики. Рангов в ДРЯ было 8: 1. *же* 2. *ли* 3. *бо* 4. *ти* 5. *бы* 6. местоименные энклитики Д.п. (*ми, ти, си, ны, вы*), 7. местоименные энклитики В.п. (*мя, тя, ся, ны, вы*), 8. связки перфекта (*есмь, еси, есмь* и их варианты) [Зализняк 2008]. Энклитики с 1-го по 5-й ранг называются сильными, энклитики 6-го ранга были переходными, 7-й ранг — слабые, 8-й ранг — слабейшие. Среди энклитик 7-го ранга особую судьбу имела энклитика *ся*, в процессе эволюции она не заменялась на свой полноударный вариант *себе*, а перемещалась в постпозицию к глаголу. А. А. Зализняк в своей книге приводит данные об утрате энклитики *ся* по Духовным и договорным грамотам [Там же: 199–200], однако детального анализа в ней нет. Нашей задачей являлось выявление динамики эволюции данной энклитики, а также рассмотрение особенностей ее функционирования.

Было доказано, что позиция энклитики *ся* зависит от сложности клаузы: чем проще клауза, тем вероятнее сохранение энклитикой «вакернагелевской» позиции. Эта тенденция реализуется последовательно в грамотах XIV и XV в. Более того, в грамотах XIV — первой половины XV в. препозиция относительно глагола сохраняется даже там, где возникает полуобязательный ритмико-синтаксический барьер: <...>, *а ва^н ся*, // *брате, не*

имати за до^м с(вя)т(о)го Сп(а)са № 59а¹. Однако уже в середине века конкуренцию такому порядку составляют случаи, где *ся* вследствие наличия данного барьера, примыкает к глаголу справа: ⟨...⟩, и ва^а брате, // печаловати *ся* по наше^н животъ № 59б. Что касается позиции *ся* в осложненных клаузах (содержащих две и более актантажных групп или неоднородную актантажную группу), здесь наблюдается совсем иная ситуация: действие барьеров (полуобязательных и факультативных) будет максимальным. Хорошо виден этот эффект на примере одной фразы: ⟨...⟩, ни въ его ти *ся* имя съ своею землею не дати № 76а (энклитика стоит в верной позиции) и а въ е^о(о) ти имя // съ своею землею // не дати *ся* № 79а. Во втором случае реализуются все ритмико-синтаксические барьеры, что позволяет энклитике избежать первой тактовой группы.

До середины XV в. в текстах обнаруживается много примеров, где энклитика *ся* входит в длинную цепочку энклитик. Вся цепочка, как правило, помещается в предбарьерную часть клаузы: ⟨...⟩, и што ми *ся* еси, г(осподи)не, о^м ступи^а Бежицко^о(о) Верху № 58б. С середины XV в. наблюдается новое явление, так называемое разделение энклитик, когда часть энклитик оказывается левее барьера, а другая — правее: Та^к же ми, г(осподи)не, ни с-ыны^м ни с кт^м не ссылати *ся* № 81б. Более сильная энклитика *ми* остается на своей законной позиции, *ся* же перемещается к глаголу. Думается, что тяготение *ся* к глаголу настолько сильно, что оно преодолевает ту связь, которая была в цепочке между энклитиками.

При изучении грамот выявилась динамика утраты энклитики *ся* в пределах памятника. В XIV — первой половине XV в. отделимость *ся* крайне высока, в том числе и в многоактантных (т. е. содержащих несколько актантажных групп) клаузах. Ощутимый перелом происходит с середины XV в.: увеличивается количество отклонений в простых клаузах. К концу XV — началу XVI в. нормой становятся такие примеры, как: и то^м суди^м *ся* со мною № 100, ⟨...⟩, что сошли *ся* с Новгород^оскими землями № 77.

¹ Цитаты из грамот сопровождаются ссылкой на номер грамоты в издании [Духовные и договорные грамоты 1950].

Отделимость *ся* по данным грамот была уже достаточно низкой и поддерживалась во многом стандартными формулами.

Литература

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: ЯСК, 2008.

Источники

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подготовил к печати Л. В. Черепнин, под ред. С. В. Бахрушина. М. — Л.: Издательство АН СССР, 1950.

А. Ф. Душина

РГГУ, Москва

ТИПОЛОГИЯ СЕРИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ СИНО-ТИБЕТСКОЙ СЕМЬИ

В данной работе представлено исследование сериальных конструкций (СК) с точки зрения их морфосинтаксических и семантических свойств в 17 сино-тибетских языках. Материалом исследования стали общие научные работы о таком языковом явлении, как СК, и по их общей типологии (см., среди прочего, [Sebba 1987; Givón 1991; Stewart 2001; Aikhenvald, Dixon, 2006; Foley, William 2010]), работы по сериальным конструкциям в китайском [Li, Thompson 1981; Chang 2007; Zhang 2012] и грамматики языков сино-тибетской семьи. Типологические классификации были взяты в [Sebba 1987] и [Aikhenvald, Dixon (eds.) 2006].

Итогом работы стали сводные таблицы (см. Приложения 1 и 2), демонстрирующие, какие типы СК зафиксированы в рассматриваемых сино-тибетских языках. Проанализировав их, удалось сделать ряд выводов, представленных ниже. Однако список не полный, таблицы позволяют расширять и дополнять его.

Как и ожидалось, в изолирующих, или почти изолирующих, языках СК встречаются чаще (почти в два раза), их семантика более разнообразна.

Симметричные СК более характерны изолирующим языкам, в то время как асимметричные встретились в достаточном количестве и в не изолирующих.

При этом можно наблюдать интересную тенденцию в не изолирующих языках (хотя из-за небольшого материала сложно сказать наверняка): если в языке присутствует три и более видов асимметричных СК, то симметричных нет в принципе, и наоборот, если есть явная склонность к симметричным, то асимметричных практически нет.

Самым распространенным видом СК оказались направительные, они встречались одинаково часто в обеих группах

языков. В некоторых языках (двух не изолирующих и одном изолирующем) встретились только они. При этом если в не изолирующем языке есть только один вид СК, то это направительные СК, в изолирующих такой тенденции не наблюдается.

Литература

- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2006 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds). *Serial Verb Constructions: A Cross- Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Chang 2007 — J. Chang. Linking semantics and syntax in Mandarin serial verbs: A role and reference grammar account // *Language and Linguistics* 8, 1, 2007. P. 235–266.
- Foley, Olson 1985 — W. A. Foley, M. Olson. Clausehood and verb serialization // J. Nichols, A. Woodbury (eds.). *Grammar Inside and Outside the Clause*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Li, Thompson 1981 — Ch. N. Li, S. A. Thompson. *Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley: University of California Press, 1981.
- Sebba 1987 — M. Sebba. *The Syntax of Serial Verbs*. Amsterdam: John Benjamins, 1987.
- Stewart 2001 — O. T. Stewart. *The Serial Verb Construction Parameter*. New York — London: Garland Pub., 2001.
- Zhang 2012 — M. Zhang. *Serial Verb Constructions (SVCs) in Mandarin Chinese*. Master Thesis. Norwegian University of Science and Technology, Trondheim — Gjøvik — Ålesund, 2012.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Наличие/отсутствие сериальных конструкций определенной семантики в не изолирующих языках

	Darma	Magar	Manange	Tshangla	Guiqiong	Tibetan	Na
Асимметричные							
Направительные	+	+	+	-	+	+	+
Аспект, смена состояния	+	-	+	-	-	-	-
Повышение валентности	-	-	-	-	-	-	-
Модальные	+	-	+	-	-	-	-
Действие — характеристика действия	-	-	-	-	-	-	-
Казуативные	-	-	+	-	-	-	-
Директивные	-	-	-	-	-	-	-
Симметричные							
Последовательные действия	-	-	-	+	-	-	+
Причина — эффект	-	-	-	+	-	-	+
Одновременные события	-	-	-	+	+	-	-
Действие — цель	-	-	-	-	-	-	-

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 2. Наличие/отсутствие сериальных конструкций определенной семантики в изолирующих языках с низким уровнем синтеза

	Mizo	Eastern Kayah	Geba Karen	Kayah Monu	Kayan Lahta	Hkongso	Lisu	Ersu	Nuosu	Chinese
Асимметричные										
Направительные	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+
Аспект, смена состояния	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Повышение валентности	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+
Модальные	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Действие — характеристика действия	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Казуативные	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
Директивные	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Ковербные	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Симметричные										
Последовательные действия	-	+	+	+	+	-	-	-	+	+
Причина — эффект	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
Одновременные события	-	-	+	+	+	-	+	-	+	+
Действие — цель	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+

В. В. Дьячков
ИЯз РАН, Москва

**ВКЛАД АСПЕКТУАЛЬНЫХ АФФИКСОВ
В АКЦИОНАЛЬНУЮ КОМПОЗИЦИЮ
ДЕАДЪЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ:
аргументы против теории шкал¹**

Акциональная композиция деадъективных глаголов (т. е. глаголов, образованных от прилагательных) является темой обширных дискуссий в лингвистической литературе. Считается, что акциональные свойства деадъективных глаголов зависят от типа шкалы прилагательного. Если признак, обозначаемый прилагательным, может иметь максимальное значение (как, например, в случае прилагательного ‘пустой’), то такое прилагательное называется прилагательным закрытой шкалы и образуемый от него деадъективный глагол пределен. Напротив, для признаков типа ‘высокий’ нельзя определить максимальное значение, поскольку не существует «абсолютно высокого» объекта. Соответствующие прилагательные называются прилагательными открытой шкалы, и глаголы, образуемые них, являются обычно неопредельными (см. обсуждение в [Hay, Kennedy, Levin 1999; Kennedy, McNally 1999; Harley 2005; Kearns 2007; Kennedy, Levin 2008; Deo, Francez, Koontz-Garboden 2013]).

В теории структуры события Дж. Рэмчанд [Ramchand 2008] считается, что семантический признак [+res], который ответствен за способность глагола встраиваться в проекцию результирующего состояния resP, у деадъективных глаголов отсутствует. Это означает, что у деадъективных глаголов нет результирующего подсобытия, а его (не)предельность определяется только типом шкалы исходного прилагательного.

Мы, однако, показали в [Дьячков 2017], что прямой зависимости между типом шкалы прилагательного и акциональными свойствами глагола в том виде, в котором это было сформули-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

ровано в вышеупомянутых работах, базирующихся прежде всего на материале английского языка, обнаружить не удастся. Есть большое количество эмпирических данных, позволяющих утверждать, что многие деадъективные глаголы в языках мира могут иметь признак [+res]. Так, например, в коми-зырянском языке прилагательное *скӧр* ‘сердитый’ образует два разных деадъективных глагола, различающихся по своим акциональным свойствам:

- (1) *Вася *кык минут /кык минут-эн скӧр-м-ис.*
 В. 2 минута /2 минута-INS сердитый-INCH-PST.3
 ‘Вася *две минуты/за две минуты рассердился’.
- (2) *Вася кык минут /*кык минут-эн скӧр-ал-ис.*
 В. 2 минута /2 минута-INS сердитый-IPFV-PST.3
 ‘Вася две минуты/*за две минуты сердился’.

Поскольку в данном случае мы имеем дело с одним и тем же прилагательным, а (не)предельная интерпретация возникает при присоединении разных суффиксов, можно сделать вывод, что суффикс *-м-* вводит признак [+res], в то время как суффикс имперфектива *-ал-* его не вводит, что представляется логичным: имперфектив не вводит результирующее подсобытие.

В хантыйском языке есть инхоативные адъективные конструкции, являющиеся аналогом деадъективных глаголов и образующиеся с помощью вспомогательного глагола *jiti* ‘идти, приходиться’. Даже если эта конструкция включает в себя прилагательное открытой шкалы, она не может быть неопредельной и всегда имеет только предельную интерпретацию:

- (3) *Vas'a kättäl elti /*kät täl kûl-a*
 В. 2 год на /2 год открытый-DAT
ji-s.
 идти-PST.3SG
 ‘Вася за два года растолстел/*Вася два года толстел’.

Мы предполагаем, что предельная интерпретация возникает благодаря наличию в событийной структуре глагола *jiti* признака [+res], что попытаемся обосновать в нашем докладе.

Помимо описанных выше случаев, известно, что в некоторых языках результирующее подсобытие явным образом

вводится в акциональную композицию: так, в русском языке многие префиксы вводят результирующее подсобытие (см. [Татевосов 2015]), и отмечено, что значительное количество деадъективных глаголов в славянских и романских языках имеют внутренние префиксы.

В нашем докладе мы попытаемся обобщить различные данные, говорящие в пользу принципиальной возможности наличия результирующего подсобытия у деадъективных глаголов, и предложим некоторое формальное описание семантики морфем, которые вводят это подсобытие. Наше исследование будет базироваться в основном на материале русского, горномарийского, коми-зырянского и хантыйского языков, большую часть которого мы собрали в ходе полевых исследований.

Литература

- Дьячков 2017 — В. В. Дьячков. Шкалы прилагательных и аспектуальные свойства деадъективных глаголов: в поисках принципов взаимосвязи // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб: Нестор-История, 2016. С. 57–59.
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: ЯСК, 2015.
- Deo, Francez, Koontz-Garboden 2013 — A. Deo, I. Francez, A. Koontz-Garboden. From change to value difference in degree achievements // T. Snider (ed.). Proceedings of the 23rd Semantics and Linguistic Theory Conference, held at the University of California, Santa Cruz, May 3–5, 2013. P. 97–115.
- Harley 2005 — H. Harley. How do verbs get their names? Denominal verbs, manner incorporation, and the ontology of verb roots in English // N. Erteschik-Shir, T. R. Rapoport (eds.). The Syntax of Aspect: Deriving Thematic and Aspectual Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Hay, Kennedy, Levin 1999 — J. Hay, C. Kennedy, B. Levin. Scalar structure underlies telicity in “degree achievements” // T. Mathews, D. Strolovitch (eds.). Proceedings of SALT IX. Ithaca, NY: CLC Publications, Cornell University, 1999. P. 127–144.
- Kearns 2007 — K. Kearns. Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua* 117, 2007. P. 26–66.

- Kennedy, Levin 2008 — C. Kennedy, B. Levin. Measure of change: The adjectival core of degree achievements // L. McNally, C. Kennedy (eds.). *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156–182.
- Ramchand 2008 — G. Ramchand. *Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

В. В. Дьячков, М. О. Стрыгина

ИЯз РАН, МГУ, Москва

**ГЛАГОЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ
В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ
КОНКУРЕНЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ**

В настоящее время аспект является предметом изучения многих лингвистов, однако работ, посвященных исследованию количественных аспектуальных значений, все еще немного. Тем не менее, существует несколько точек зрения на то, как организована семантическая зона глагольной, или предикатной множественности. Наиболее полными типологическими исследованиями этой области являются [Храковский (ред.) 1989] и [Шлуинский 2006].

Значения глагольной множественности в языках мира могут выражаться специализированными средствами. Такие показатели представлены и в горномарийском языке, причем их несколько. Некоторые сведения о том, как организована сфера глагольной множественности в горномарийском языке, уже содержатся в литературе (например, в [Серебренников 1960: 180–188; Саваткова 2002: 211–215]), однако в указанных работах не описываются подробно семантические различия показателей.

В ходе нашей полевой работы с говором с. Кузнецово Горномарийского р-на респ. Марий Эл было выявлено не менее 6 различных показателей глагольной множественности (неточность подсчета вызвана проблемой алломорфии показателей, которую мы отдельно затронем в докладе). Некоторые суффиксы выражают итеративное значение:

- (1) *ivan pos'olok tãčkã tãngeš-aneš mašinã*
Иван поселок по туда-сюда машина
dono kãdal-ãšt-ãn
с ехать-MULT-PFV.3SG
'Иван ездил туда-сюда на машине по поселку'.

- (2) *pet'a šären ät'a-ävä-žž-m*
 Петя часто отец-мать-POSS.3SG-ACC
altal-ed-en
 обманывать-MULT-PFV.3SG
 'Петя часто обманывал своих родителей'.

Другие суффиксы служат для счета ситуаций. Суффикс *-alt-* является показателем количественного счета (согласно терминологии [Храковский (ред.) 1989: 50–52]) для ситуаций, которые можно посчитать. При этом *-alt-* может считать как количество эпизодов во внутренней структуре ситуации (3), так и количество самих ситуаций, удаленных друг от друга (4):

- (3) *pet'a kok gänä kačâr-alt-en*
 Петя два раз кашлять-MULT-PFV.3SG
 'Петя два раза кашлянул'.
- (4) *vas'a kok gänä sanatori-štä kân-ült-en*
 Вася два раз санаторий-IN отдыхать-MULT-PFV.3SG
 'Вася два раза отдохнул в санатории'.

Суффикс *-(ä)kal-* также обозначает множество ситуаций, удаленных друг от друга во времени:

- (5) *män'-än äzä žep-än-žep-än okn'a-škâ*
 я-GEN брат время-GEN-время-GEN окно-ILL
anž-âkal-en
 смотреть-MULT-PFV.3SG
 'Мой брат периодически посматривал в окно'.

Наконец, некоторые суффиксы, в частности, *-äl-*, могут означать либо единичность, либо множественность ситуаций (о причинах этой полисемии мы поговорим подробно в докладе):

- (6) *Vas'a kängäž gač ik gänä nüšt-äl-än*
 В. лето через один раз купаться-MULT-PFV.3SG
 'Вася за лето один раз искупался'.
- (7) *mašinä pädârg-äl-än*
 машина ломаться-MULT-PFV.3SG
 'Машина частенько ломалась'.

В нашем докладе мы предложим модель, которая позволит объяснить наличие нескольких суффиксов глагольной множественности с идентичным или похожим значением в горномарийском языке. Эта модель опирается на идеи, высказанные в работах, посвященных формальной семантике глагольной множественности (см., например, [Lasersohn 1995; Romanova 2006; Kratzer 2007]), и базируется на допущении, что в синтаксической структуре предложения имеется три проекции, ответственные за разные типы семантической модификации исходного глагола. Этим проекциям соответствует три типа множественности: 1) множественность, в сфере действия которой находятся интервалы ситуации; 2) множественность, в сфере действия которой находятся единичные ситуации; 3) множественность, в сфере действия которой находятся множества единичных ситуаций. Мы предложим формальное описание для каждого типа множественности и попробуем впервые для горномарийского языка сформулировать, чем отличаются друг от друга значения суффиксов. Наша модель позволит также объяснить сочетаемость суффиксов множественности друг с другом и такие описываемые в грамматиках эффекты, как пейоративное значение некоторых суффиксов, а также ярлыки для этих суффиксов, используемые в описаниях («незначительное непрерывное действие», «беспорядочное действие» и др.).

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; MULT — показатель глагольной множественности; PFV — перфектив; POSS — посессор.

Литература

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2006.
- Kratzer 2007 — A. Kratzer. On the plurality of verbs // J. Dölling, T. Heyde-Zybatow, M. Schäfer (eds.). *Event Structures in Linguistic Form and Interpretation*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 269–300.
- Lasersohn 1995 — P. Lasersohn. *Plurality, Conjunction and Events*. Dordrecht: Kluwer, 1995.
- Romanova 2006 — E. Romanova. *Constructing Perfectivity in Russian*. PhD Thesis. University of Tromsø, Tromsø, 2006.

И. А. Ершов
НИУ ВШЭ, Москва

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящем докладе мы предложим описание лингвистического функционирования цветовых обозначений в горномарийском языке.

Наиболее распространенная методология исследования цветовых обозначений, выведенная в [Berlin, Kay 1969] и [Majid, Jordan, Dunn 2011: 5–30] и заключающаяся в описании семантики т. н. «базовых» слов со значением цвета в терминах физического цветового спектра, сталкивается с проблемами в целом ряде языков [Вежбицкая 1996: 231–291], и поэтому мы разрабатываем собственную методологию на материале русского и английского языков, которую затем применяем для анализа цветообозначений в горномарийском языке.

Мы предлагаем метод описания цветообозначений, опирающийся на их лингвистическое поведение (ср. близкий подход в работе [Рахилина 2008: 168–196]). Во-первых, мы считаем необходимым вывести наиболее полный цветовой инструментарий данного языка: найти все возможные цветовые обозначения в данном языке и способы их образования. Во-вторых, необходимо описать лингвистический механизм модификации цветового значения.

(1) Согласно нашей методологии, цветовые обозначения делятся на те, которые образованы путем деривации, и те, которые дериватами не являются (ср. *изумруд* — *изумрудный*, но *красный*). Цветообозначения второго типа делятся по тому, насколько много классов объектов они могут описывать. Так, например, *красный* может описывать цветовое свойство частей тела, природы, артефактов, в то время как *румяный* может описывать исключительно цвет лица.

В горномарийском языке мы выделяем следующий цветовой инструментарий: *ošâ* ‘белый’, *šimâ* ‘черный’, *jakšargâ* ‘красный’, *klovoj* ‘синий’, *âžargâ* ‘зеленый’, *sarâ* ‘желтый’, *ludâ*

‘серый’, *kärän* ‘коричневый’, *rozovij* ‘розовый’, *fioletovij* ‘фиолетовый’, *oranževij* ‘оранжевый’, *kova* ‘гнедой’, *kük* ‘черный’, *hâva* ‘серый’, *ala* ‘пятнистый’, *rongâž* ‘седой’, *södoi* ‘седой’ (русское заимствование), *häräs* ‘кашатновый (о волосах)’, *narânzâ* ‘цвет кожи человека’; *simsâ* ‘~синий’, *cärödämä* ‘бесцветный’).

Деривация цветовых обозначений осуществляется путем сочетания лексемы *valg* (оттенок), употребленной с показателем проприетива *-an*, с именем объекта, цветовое свойство которого концептуализируется (*tâl valgan* ‘цвет огня’).

(2) Для модификации цветовых обозначений в русском и английском языках используются аттенуативы и сочетание модифицируемой лексемы цвета с другой лексемой цвета (*red and green*, *красно-зеленый*) или лексемой, обозначающей то свойство, по которому модифицируется данный цвет (*светло-желтый*, *light yellow*).

В горномарийском языке есть два аттенуатива: *-ike* и *-algâ*.

Если в объекте наблюдается смешение нескольких цветов, то для его описания используется сочетание этих цветообозначений вместе с показателем аттенуатива: *saralgâ jakšargâ* (желто-красный). Если в объекте наблюдается несколько цветовых обозначений, распределенных пропорционально, то используется конструкция *X don Y*: *jakšargâ don âžargâ* ‘красный с зеленым’.

Цветовое значение модифицируется лексемами *osâ* ‘белый’, *šimâ* ‘черный’, *pâc* ‘темный’, *sotâ* ‘светлый’, которые употребляются по той же стратегии, что и смешение цветов: *sotalgâ jakšargâ* (‘светло-красный’).

Наша методология позволяет наиболее полно описать лингвистическое функционирование цветовых обозначений. Во-первых, без применения данной методологии невозможно было бы обнаружить и описать горномарийские аттенуативы *-ike* и *-algâ*, которые употребляются исключительно с прилагательными цвета. Во-вторых, многие горномарийские цветовые прилагательные не могут быть корректно описаны в терминах соответствующего им физического спектра: таковы, например, лексемы *narânzâ* ‘цвет кожи человека’; *simsâ* ‘синий (о воде или небе)’. Информация о сочетаемости цветовых обозначений с определенным классом объектов может стать основой для дальнейших лексико-типологических исследований в этой области.

Литература

- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. М.: Язык. Культура. Познание, 1996.
- Рахилина 2008 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
- Berlin, Kay 1969 — B. Berlin, P. Kay. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Majid, Jordan, Dunn 2011 — A. Majid, F. Jordan, M. Dunn. Evolution of Semantic Systems: Procedures Manual. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2011.

А. Н. Закирова
НИУ ВШЭ, Москва

ГОРНОМАРИЙСКИЙ МОДАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ -*šaš*, ПАРАМЕТР СУБЪЕКТИВНОСТИ И УЧАСТНИКИ РЕЧЕВОГО АКТА

1. Введение

В нашем докладе речь пойдет о модальном показателе *-šaš* в горномарийском языке: мы опишем контексты его употребления и рассмотрим любопытное ограничение на использование *-šaš* в вопросительных предложениях. Материал исследования собран в 2016–2017 гг. в селах Кузнецово и Микряково Горномарийского р-на респ. Марий Эл.

2. Контексты употребления формы на *-šaš*

Согласно [Саваткова 2002: 103–104], показатель *-šaš* выражает «необходимость в совершении действия в будущем», в [Alhoniemi 1993] его значение описывается как футурально-долженствовательное.

Мы считаем основным употреблением показателя *-šaš* оптативное: говорящий считает ситуацию желательной, но в общем случае не контролирует ее наступление [Гусев 2005].

Для описания желательной ситуации, которая в принципе может иметь место (реальный оптатив), употребляется форма на *-šaš*:

- (1) *jur cārñ-äšäš!*
дождь останавливаться-ОПТ
'Хоть бы дождь перестал!'

Если речь идет о невозможной ситуации (ирреальный оптатив), то используется конструкция типа *-šaš + ä'l'ä/älân*, где *ä'l'ä/älân* — показатель ретроспективного сдвига, в сочетании с финитными формами глагола выражающий значение прекращенного прошлого (подробнее см. [Воронов, Мордашова 2016]):

- (2) *kačk-āndal-šas* *āl'ā* ([#]*mälām*) *lem-ām*
 есть-АТТ-ОРТ быть-АОР я.DAT суп-АСС
opt-en *pu*)
 класть-СВВ дать.ИМР
 'Поесть бы!' {[#]'Дай мне супа'}

Итак, в общем случае форма на *-šas* в утвердительных предложениях обозначает действие, которое говорящий не контролирует. Однако если желательная ситуация реальна, а субъект формы на *-šas* совпадает с говорящим, то она может обозначать контролируемое действие: так, произнося (3), говорящий может выразить своё не только желание, но и намерение/необходимость отправиться в магазин. Возможно, что в таких случаях мы имеем дело уже не с волитивной модальностью, а с деонтической.

- (3) *lapka-š* *ke-šās*
 магазин-ИЛЛ уйти-ОРТ
 'Пойду-ка я в магазин'.

Таким образом, в оптативных высказываниях говорящий обладает особым статусом: являясь субъектом формы оптатива, он может добавлять «контролируемое» прочтение.

3. Форма на *-šas* в вопросах

В утвердительных предложениях субъект формы на *-šas* может быть любой: не-локутор (1), говорящий (2) или адресат (4):

- (4) *xot'* *bā* *irgodām* *xala-š* *ke-n*
 хоть бы завтра город-ИЛЛ идти-СВВ
tolšas
 прийти-ОРТ
 {Что ты дома сидишь?} 'Хоть бы завтра в город съездил!'

Однако в вопросительных предложениях форма на *-šas* может реферировать только к говорящему:

- (5) *ma-m* *āšt-āšās?*
 что-АСС делать-ОРТ
 'Что мне делать?' /[#]'Что ему делать?' /[#]'Что нам делать?'

Это ограничение, по-видимому, объясняется тем, что в вопросах выступает только «контролируемое» деонтическое прочтение формы на *-šaš*, а оно доступно только для субъекта-говорящего. В самом деле, вопрос (5) интерпретируется следующим образом: ‘Что мне, по твоему мнению, *следует* делать?’

Мы предполагаем, что разное поведение деонтического и оптативного модальных значений в вопросе можно объяснить с помощью параметра субъективности: субъективная модальность характеризуется наличием носителя модального отношения — ассессора, который берет на себя ответственность за это модальное отношение [Nuyts 2006]. Объективная модальность, напротив, этого не требует: модальное отношение может быть разделено между участниками речевого акта. Мы считаем, что «контролируемое» деонтическое значение *-šaš* является субъективной модальностью, а оптативное — объективной.

Из исследований модальности и эвиденциальности известно, что ассессор не всегда совпадает с говорящим: в вопросительных предложениях ассессором обычно становится адресат [Lehmann 2008]. Так дело обстоит и с деонтическим значением *-šaš*: (интерпретация (5) как ‘Что мне, *по твоему мнению*, *следует* делать?’)

Оптативный оператор *-šaš* не может претерпеть такой сдвиг, так как в его семантике отсутствует носитель модального значения. Как следствие, он не интерпретируется в вопросах.

Литература

- Воронов, Мордашова 2016 — М. К. Воронов, Д. Д. Мордашова. Горномарийские глагольные конструкции с *əl'ə/ələn* в зоне «сверх-прошлого» и за ее пределами // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 36.
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ, М., 2005.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.

- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske Verlag, 1993.
- Lehmann 2008 — C. Lehmann. Speech act participants in modality. Paper presented at International Conference on Discourse and Grammar, Universiteit Gent, 23–25 October 2008.
- Nuyts 2006 — J. Nuyts. Modality: Overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). *The Expression of Modality*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 1–26.

Д. М. Зеленский, П. О. Россыйкин

МГУ, Москва

АСИММЕТРИЯ ПО ПОЛЯРНОСТИ ПЕРФЕКТИВНЫХ ПРИЧАСТИЙ БАРГУЗИНСКОГО ДИАЛЕКТА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹

В баргузинском диалекте бурятского языка существуют четыре продуктивных отрицательных показателя — *-gni*, *bn* =, *=bɔʃ* и *=ugi*., — первые три из которых используются для отрицания глагольных форм. В качестве стандартного отрицания [Рауне 1985] используется суффикс *-gni* (1):

(1a) *bair unta-na*

Баир спать-PRS

‘Баир спит’.

(1b) *bair unta-na-gni*

Баир спать-PRS-NEG

‘Баир не спит’.

В рассматриваемом нами диалекте представлено типологически широко распространенное явление асимметрии глагольной парадигмы по полярности. В отличие от трех строго индикативных глагольных форм (настоящее время (1) и две формы прошедшего времени), многие причастия, способные и к финитному употреблению, и деепричастия не имеют отрицательных противопоставлений.

¹ Исследование проведено на материале данных, собранных в ходе экспедиции ОТиПЛ МГУ в улус Барагхан респ. Бурятия летом 2017 г. Языковые данные были собраны при поддержке гранта РФФИ № 17-04-18036е. Дальнейшая работа над материалом осуществлялась при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

Таблица 1. Возможность стандартного отрицания причастий в финитном употреблении в баргузинском диалекте

отрицание грамматично	отрицание неграмматично
хабитуалис, будущее время, постоянное причастие, многозначное причастие	объектный и субъектный резульативы, перфект, причастия возможности, континуатив

Асимметрия глагольного отрицания в баргузинском диалекте является парадигматической и относится к типу А/Cat/TAM/Neutr по классификации [Miestamo 2005], то есть в отрицательной парадигме не находят отражения (нейтрализуются) некоторые показатели TAM. Неотрицаемые причастия можно разделить на две группы: причастия с перфективной семантикой и причастия, образованные с помощью падежных показателей. В данном докладе мы остановимся на несимметричности отрицания причастий с перфективной семантикой. Выдвинутые ранее объяснения данному явлению, такие как стативная семантика отрицательных форм, прагматическая избыточность их кодирования показателями TAM, невозможность их локализации во времени [Schmid 1980; Matthews 1990; Miestamo 2005; Miestamo, van der Auwera 2011] будут соотнесены с имеющимися у нас данными.

Нейтрализация ряда глагольных форм в отрицательной парадигме подразумевает более широкую применимость оставшихся форм. В баргузинском диалекте в качестве универсальной отрицательной глагольной формы используется отрицание первого прошедшего времени *-A:-gni* (2).

(2a) *xьbь:n unta-han*
 мальчик спать-PFCT
 ‘мальчик заснул’

(2b) *xьbь:n *unta-han-gni /^{OK}unt-a:-gni*
 мальчик спать-PFCT-NEG /спать-PRT1-NEG
 ‘мальчик не поспавший’

В зависимости от контекста эта форма может интерпретироваться и в прошедшем (2b), и в настоящем (3), и в будущем времени.

- (3) *rintʃin nom unʃ-a:-gʷi basaga xara-na*
Ринчин книга читать-PRT1-NEG девочка смотреть-PRS
1) ‘Ринчин, не читая, смотрит на девочку’
2) ‘Ринчин смотрит на девочку, которая не читает’

Кроме того отрицание первого прошедшего времени является единственной в баргузинском диалекте глагольной формой, способной выступать и в позиции причастия (интерпретация 2 в (4)), и в позиции деепричастия (интерпретация 1 в (4)).

Отметим, что в классификации [Miestamo 2005] рассматриваются примеры утраты финитности в отрицательной форме. В данном случае финитность сохраняется в обоих случаях, однако синтаксическая дистрибуция отрицательной формы расширяется. Отличие категориального статуса утвердительной и отрицательной форм подталкивает нас к тому, чтобы постулировать совмещение в баргузинской отрицательной парадигме двух разновидностей асимметрии по полярности: A/Cat/TAM/Neutr и A/Fin/.

В нашем докладе мы предложим объяснение использованию формы первого прошедшего времени в качестве универсального отрицания с неопределенной временной семантикой. Также нами будут рассмотрены возможные причины уникальной для баргузинского диалекта транскатегориальности формы *-A:-gʷi*. Кроме того, мы соотнесем синтаксические и семантические свойства отрицательной формы первого прошедшего времени с нашими выводами о нейтрализации перфективных форм.

Список условных сокращений

NEG — отрицание; PFCT — перфект; PRS — настоящее время; PRT1 — первое прошедшее время.

Литература

Matthews 1990 — S. Matthews. A Cognitive Approach to the Typology of Verbal Aspect. PhD Thesis. University of Southern California, Los Angeles, 1990.

- Miestamo 2005 — M. Miestamo. *Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. *Negation and perfective vs. imperfective aspect // Cahiers Chronos 22*, 2011. P. 65–84.
- Payne 1985 — J. R. Payne. *Negation // T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. 1: Clause Structure*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 197–242.
- Schmid 1980 — M. A. Schmid. *Co-Occurrence Restrictions in Negative, Interrogative, and Conditional Clauses: A Cross-Linguistic Study*, PhD Thesis. SUNY Buffalo, New York, 1980.

М. М. Зимин

РГГУ, Москва

НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ, ВОВЛЕКАЮЩИЕ КОРОНАЛЬНЫЕ ПУЛЬМОНИЧЕСКИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НЕСИБИЛЯНТЫ

В докладе представляются промежуточные результаты исследования эволюции ряда шумных согласных (пульмонические центральные корональные несибиллянты, согласные интердентального ряда и эволюционно связанные с ними сегменты — ден- тальный, интердентальный и постальвеолярный аппроксиманты) на материале языковых групп Евразии и Северной Африки, большая часть изучаемых сегментов широко известна под коллективным названием “th-sounds”.

При исследовании на уровне фонетическими сегментов были выявлены новые типологические данные, частично опровергающие традиционно принятое мнение об эволюции корональных несибиллянтов.

В проекте используются аудиозаписи базы online-словарей Lingvodoc, созданной при поддержке гранта РФФ № 15-18-00044.

На настоящий момент база данных проекта содержит 424 идиома, из которых 345 современных идиомов, являющихся непосредственными входами базы. На основании этих данных делаются выводы о возможных предках корональных несибиллянтных (24 разных типа), их потомках (20 типов), о сопутствующих эволюции несибиллянтов изменениям в системе сегментов (11 типов), об ареальных и генетических особенностях изучаемого материала. Особый интерес представляют собранные типологические данные, например, касающиеся распространения и устойчивости несибиллянтов: пара звонкий и глухой обнаружена в 30% идиомов, а одиночный звонкий/аппроксимант в 40% (хотя парные по звонкости традиционно считаются более частотными, ср. [Коряков 2008]); несибиллянты сохраняются в сегментном наборе в течение 900–2000 лет минимум (традиционно рассматриваются как неустойчивый тип сегментов, ср. [Коряков 2008]).

Исследование проводится на уровне фонетических сегментов, т. е. регистрируются несибилантные реализации любой фонемы, даже гласной (случаи зеландских, гетских, уппландских, восточно-норвежских скандинавских и валлийских диалектов — традиционно эти гласные считаются типичными для Юго-Восточной Азии). При включении в базу того или иного идиома мы руководствуемся следующими принципами:

а) если сам идиом не имеет несибилантов, а в его ближайших установленных родственниках он бесспорно существует, то он включается в базу — как в случае с фарерским, северно-бретонским, джерскийским о. Сарк, крымскотатарским и бразильским португальским;

б) если для древнего идиома реконструируются несибиланты, но ни в одной из групп его потомков их нет, то такой идиом не включается в базу на основании экспериментальной непроверяемости сведений о нем — как в случае с якутским, сибирскими тюркскими, бурятским, праанатолийским, древнееврейским и многими другими;

в) если только ряд диалектов некоторого языка обладают несибилантами, то в базу включаются все диалекты, для каждого создается отдельный вход — как в случае с галисийским, рибаргорским и многими другими;

г) если данные об идиоме скудны и отсутствуют записи речи носителей, то мы вынуждены не включать его/всю его подгруппу в базу — как в случае с новоарамейскими, центрально- и верхненемецкими;

д) если в идиомах перцептивно очевидно существование несибиланта, но ни классические источники, ни артикуляционные исследования не сообщают об этом, весь такой ареал не включается в базу — как в случае ареала славянских, нанийских, рюкюйских, северо-кавказских и мадьярских идиомов;

е) для каждого входа описывается не только эволюция подсистемы несибилантов, но и изменения в подсистемах наиболее частых потомков несибилантов — глоттальных (щелевых), центральных аппроксимантов, латеральных, губных и многоударных;

ё) изменение на временной глубине свыше 7000 лет не рассматриваются по причине скудности данных о точных артикуля-

торных качествах сегментов праязыков того периода (праэкимо-алтайский, праевразийский, праафразийский, праностратический, прабаскско-северокавказский, праохотский, прааглонкин-охотский).

На дальнейшем этапе планируется анализ эволюции сегментных систем целиком и составление алгоритмов, позволяющих точно определить наличие в идиоме несибилантов. Такой подход к изучаемой проблеме даст возможность дать типологическую и вероятностную оценку таким теориям, как реконструкция $*\theta$ для праиндо-хеттского [Kassian et al. 2015], “thorn”-гипотеза для праиндо-европейского, реконструкция $*\theta$ в языках циркумбайкальского союза, реконструкция $*\delta$ для прачукотско-камчатского Майкла Фортескью и реконструкция промежуточной стадии $*\theta$ в изменениях типа $*s > h$, $*s > f$, v и $*t > s$, $*\delta$ для $*d > \emptyset$, $*d > r$ и $*C > V$.

Литература

- Коряков 2008 — Ю. Б. Коряков. К типологии межзубных согласных // А. В. Архипов (ред.). Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: ЯСК, 2008.
- Kassian et al. 2015 — A. Kassian, M. Zhivlov, G. Starostin. Proto-Indo-European — Uralic comparison from probabilistic point of view // Journal of Indo-European Studies 43, 3–4, 2015. P. 301–347.

А. С. Золотухина
НИУ ВШЭ, Москва

ИМЕННАЯ ПРЕДИКАЦИЯ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В исследовании рассматриваются различные типы именной предикации в горномарийском языке: предикаты характеристики, локализации, таксономии, идентификации, а также предикаты с бытийной семантикой [Арутюнова, Ширяев 1983].

При рассмотрении именных предикаций в языках мира одним из наиболее обсуждаемых вопросов является вопрос о необходимости связки или о ее факультативном/обязательном отсутствии. Соответственно выделяют несколько основных стратегий для оформления именной предикации: когда есть связочный элемент (*copula*), принимающий на себя глагольные показатели; когда связочного элемента нет, и предикат тоже не принимает соответствующие показатели (*nominal strategy*); когда именно предикат выражает категории, обычно выражаемые глаголом (*verbal strategy*) [Turunen 2009]. Близкородственные марийскому языку мокшанский и эрзянский используют в разной мере все три стратегии, выбор зависит от конкретных условий (теморематической структуры в мокшанском и времени в эрзянском) [Kholodilova 2016; Turunen 2009]. В марийском мы рассчитывали обнаружить сходную ситуацию, однако это ожидание не оправдалось.

В процессе опроса информантов было выявлено, что глагольная стратегия (*verbal strategy*) в горномарийском языке полностью отсутствует. Также очевидно, что прошедшее, а также в некотором роде и будущее время требуют стратегии наличия копулы (в предложениях с семантикой будущего времени *âlaš* заменяется на *liäš*, и этот глагол уже невозможно опустить). Это

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

работает в т. ч. для предложений, в которых временная семантика эксплицитно выражена с помощью наречия времени:

- (1) *mä student-vlä *(âl-ân-na)*
мы студент-PL быть-PRF-1PL
'Мы были студентами'.
- (2) *tengečë măn' cever *(âl-ân-am)*
вчера я красивый быть-PRF-1SG
'Вчера я был красивым'.

Наиболее актуален вопрос о необходимости связи в предикациях, относящихся к настоящему времени. В горномарийском нами были выявлены следующие тенденции.

В предложениях характеристики в настоящем времени наиболее распространена стратегия использования связочного глагола, который в отдельных случаях может быть опущен:

- (3) *măn' tâmdâšâ (âl-a-m)*
я врач быть-NPST-1SG
'Я врач'.
- (4) *tân' cever *(âl-a-t)*
ты красивый быть-NPST-2SG
'Ты красивый'.

Не до конца ясно, что влияет на выбор стратегии в настоящем времени. Гипотеза о влиянии лица (в 3 лице *âlaš* опускается более охотно, чем в 1 и 2 лице) не подтверждается: у большинства информантов корреляции не наблюдалось. В то же время наблюдается некоторая корреляция с частеречной принадлежностью подлежащего и предиката. Предикат-прилагательное чаще требует присутствия копулы, чем предикат-существительное; то же касается подлежащего, выраженного местоимением. При наличии показателя множественного числа на предикативном имени связка свободно опускается и даже может быть признана избыточной. При этом, если она присутствует, показатель *-vlä* также может опущен:

- (5) *mä cever-vlä*
мы красивый-PL

- (6) *mā cever âl-â-na*
 мы красивый быть-NPST-1PL
 ‘Мы красивые’.

Выбор стратегии при прилагательных, кажется, зависит от несколько более сложных факторов, нежели при существительных. В частности, у нас существует гипотеза, что обязательность глагола *âlaš* при предикате-прилагательном может зависеть от принадлежности прилагательного к тому или иному семантическому классу (иерархия ‘посессивные’ > ‘количественные’ > ‘порядковые’ > ‘оценка’ > ‘размер’ > ‘форма’ > ‘цвет’ > ‘национальность’, [Cinque 1994]). Эта гипотеза требует дальнейшей более тщательной проверки.

В предложениях локализации копула опускается свободно:

- (7) *šarf škap-âštâ (âl-eš)*
 шарф шкаф-IN быть-NPST[3SG]
 ‘Шарф в шкафу’.

Бытийные предложения в настоящем времени требуют присутствия связки *ulâ*, а в прошедшем — *âlaš*. При этом в прошедшем времени согласование глагола *âlaš* может происходить как по безличной модели (8), так и в соответствии с предикативным именем (9):

- (8) *mân'-ân šukâ madâš-vlâ-em âl-ân*
 я-GEN много игрушка-PL-POSS.1SG быть-PRF[3SG]
- (9) *mân'-ân šukâ madâš-vlâ-em âl-ân-ât*
 я-GEN много игрушка-PL-POSS.1SG быть-PRF-3PL
 ‘У меня было много игрушек’.

Наконец, в предложениях идентификации и таксономии копула может быть опущена с сохранением грамматичности только тогда, когда в предложении присутствует местоимение *tidâ*:

- (10) *âškal tidâ vol'âk (âl-eš)*
 корова это домашнее.животное быть-NPST[3SG]
- (11) *âškal vol'âk âl-eš*
 корова домашнее.животное быть-NPST[3SG]
 ‘Корова это домашнее животное’.

Как видно из приведенных выше примеров, в горномарийских именных предикатах в основном реализуется стратегия использования копулы, а также, частично, номинативная стратегия (*nominal strategy*).

Литература

- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение: Бытийный тип. М.: Русский язык, 1983.
- Cinque 1994 — G. Cinque. On the evidence for partial N-movement in the Romance DP // G. Cinque, J. Koster, J.-Y. Pollock, L. Rizzi, R. Zanuttini (eds.). *Paths towards Universal Grammar*. Georgetown: Georgetown University Press, 1994. P. 85–110.
- Hengeveld 1992 — K. Hengeveld. *Non-verbal Predication. Theory, Typology, Diachrony* [Functional Grammar Series 15]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Kholodilova 2016 — M. Kholodilova. Moksha non-verbal predication // K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin Languages in the Field*. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 229–260.
- Turunen 2009 — R. Turunen. A typology of non-verbal predication in Erzya // *Acta Linguistica Hungarica* 56, 2–3, 2009. P. 251–313.

В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова

Университет Амстердама, Амстердам, РГГУ, Москва

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Способы передачи чужой речи (quotatives) активно исследуются в звучащих языках [Brendel 2011], и даже для некоторых жестовых языков эти конструкции описаны [Quer 2011]. Согласно существующим исследованиям, чужая речь в жестовых языках обычно маркируется определённым набором немануальных показателей, а именно наклонами тела в сторону, поворотом головы и изменением направления взгляда [Quer 2011; Herrmann, Steinbach 2012; Lillo-Martin 2012]. Также некоторые исследователи утверждают, что данный способ передачи чужой речи в жестовых языках показывает признаки как прямой, так и косвенной речи, в частности, наблюдается смешанное поведение индексикальных элементов [Engberg-Pedersen 1995; Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2005]. Передача чужой речи в русском жестовом языке (РЖЯ) до сих пор не описана.

Мы проанализировали способы передачи чужой речи в РЖЯ в московском подкорпусе корпуса РЖЯ [Корпус русского жестового языка]. Этот подкорпус содержит спонтанные нарративы 11 носителей РЖЯ, всего около 8000 жестов, составляющих 1200 предложений. Мы выявили 277 примеров передачи чужой речи (включая также и речь рассказчика в прошлом (1)), а также 64 примера передачи чужих мыслей или оценки ситуации (всего 341 пример). Мы проанализировали каждый пример с точки зрения наличия упоминания источника речи (цитируемого персонажа) и глагола речи, поведения индексикальных элементов и наличия мануальных и немануальных маркеров чужой речи.

Мы выяснили, что чужая речь в РЖЯ может вводиться глаголом речи (например, *говорить*) (1), но чаще глагол речи

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта Российского Научного Фонда (РНФ) № 17-18-01184.

отсутствует (2), см. Таблицу 1. Упоминание источника речи возможно (1), но не обязательно (2), см. Таблицу 2. С точки зрения немануальных маркеров, чужая речь может маркироваться наклоном тела и/или изменение направления взгляда (3), однако эти маркеры тоже явно опциональны (1-2), см. Таблицу 3. Более того, мы обнаружили, что присутствие глагола речи и упоминания источника речи не показывает значимой корреляции с наличием немануальных маркеров. Другими словами, мы не нашли подтверждения гипотезе, что немануальные маркеры более активно используются в случаях, когда отсутствуют мануальные показатели чужой речи (глагол или упоминание источника речи). В довольно большом количестве примеров (37 случаев) все эти маркеры чужой речи отсутствуют.

- (1) Я ГОВОРИТЬ «Я ДА ЧЕРЕЗ МОСКВА ЕХАТЬ»
‘Я сказала: да, я еду через Москву’. (s1-s14 02:56)²
- (2) «Я ХОТЕТЬ СЕЙЧАС КУПИТЬ»
‘(А она говорит:) Я хочу сейчас его купить!’ (s1-s10 01:04)

наклон тела и взгляд вправо

- (3) «ОТЛИЧНО!»
‘(Я думаю:) Отлично!’ (s1-s18 00:38)

Мы также обнаружили, что, в примерах с индексикалами (личными местоимениями, наречиями и грамматическими показателями времени), эти элементы почти всегда (85 из 91 случаев) интерпретируются относительно контекста чужой речи (как в примере (2), где местоимение *я* относится не к рассказчице, а к женщине, чью речь она цитирует, и наречие *сейчас* относится к моменту произнесения чужой речи, а не к моменту рассказа). Таким образом, нарративы в РЖЯ явно предпочитают прямую речь косвенной. С другой стороны, нам также встретилось 7 случаев использования подчинительного союза *что* (4), свидетельствующего об использовании косвенной речи. Однако стоит заметить, что данная конструкция может быть случаем калькирования соответствующей русской конструкции.

² Код в скобках указывает на определенный файл корпуса, из которого взят пример, и на время его употребления.

- (4) РАССКАЗЫВАТЬ ЧТО Я ЛАМПОЧКА Я ОТСУТСТВОВАТЬ
 ‘Я рассказываю, что лампочки у меня нет’. (s2-s10 01:29)

Итак, для передачи чужой речи РЖЯ использует маркеры, описанные для других жестовых языков, однако использование этих маркеров в высшей степени опционально. В этом РЖЯ показывает сходство со звучащими языками, в которых чужая речь в устном дискурсе тоже не всегда маркируется регулярными грамматическими или просодическими маркерами [Buchstaller, Van Alphen (eds.) 2012; Mathis, Yule 1994].

Таблица 1. Глаголы речи

Глагол речи	
присутствует	93 (27%)
отсутствует	248 (63%)
Всего	341

Таблица 2. Источник речи

Источник речи	
упоминается	164 (48%)
не упоминается	177 (52%)
Всего	341

Таблица 3. Немануальные маркеры

Изменение направления взгляда		Наклон тела	
присутствует	194 (57%)	присутствует	175 (51%)
отсутствует	147 (44%)	отсутствует	166 (49%)
Всего	341	Всего	341

Литература

- Brendel, Meibauer, Steinbach 2011 — E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach. Exploring the meaning of quotation // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.). Understanding Quotation. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1–34.
- Buchstaller, Van Alphen (eds.) 2012 — I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives [Converging Evidence in Language and Communication Research 15] Amsterdam: John Benjamins, 2012.

- Engberg-Pedersen 1995 — E. Engberg-Pedersen. Point of view expressed through shifters // K. Emmorey, J. S. Reilly (eds.). *Language, Gesture, and Space*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 133–154.
- Herrmann, Steinbach 2012 — A. Herrmann, M. Steinbach. Quotation in sign languages: A visible context shift // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.). *Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 203–230.
- Lillo-Martin 2012 — D. Lillo-Martin. Utterance reports and constructed action // R. Pfau, M. Steinbach, B. Woll (eds.). *Sign Language – An International Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2012. P. 365–387.
- Quer 2005 — J. Quer. Context shift and indexical variables in sign languages // E. Georgala, J. Howell (eds.). *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory 15*. Ithaca, NY: CLC Publications, 2005. P. 152–168.
- Quer 2011 — J. Quer. Reporting and quoting in signed discourse // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.). *Understanding Quotation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 277–302.
- Mathis, Yule 1994 — T. Mathis, G. Yule. Zero quotatives // *Discourse Processes* 18, 1, 1994. P. 63–76.

Источники

Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс]. Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2012–2015. (<http://rsl.nstu.ru/>)

А. А. Кириллова

МГУ, Москва

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЧАСТИЦА *agâł* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В горномарийском языке, так же как и в большинстве финно-угорских, предикатное отрицание выражается с помощью конструкции отрицательный глагол + лексический глагол в форме коннегатива. Гораздо менее исследованной (см. хотя бы [Miestamo et al. (eds.) 2015]), является область отрицания отдельных составляющих (constituent negation) и контраста. В горномарийском в ней используется специальный показатель — отрицательная частица *agâł* (1). Мы рассмотрим дистрибуцию этого показателя, а также предложим гипотезы о синтаксической структуре содержащих его клауз (ранее для горномарийского и большинства других уральских языков такая задача не ставилась). Исследование основано на данных, собранных в ходе лингвистической экспедиции в с. Кузнецово Горномарийского р-на респ. Марий Эл в 2017 г.

- (1) *t'et'ä-vlä jakšar mašinä-štä agâł, a klovoj-âštâ*
ребёнок-PL красный машина-IN NEG а синий-IN
âł-ât.
быть-NPST.3PL
'Дети не в красной машине, а в синей'.

Диахронически частица *agâł* является результатом слияния отрицательного глагола в форме настоящего времени 3 лица и коннегатива глагола *âlaš* 'быть' [Saarinen 2015: 332]. В современном горномарийском исходная форма (**ak âł*) отсутствует, и в связи с этим следует выделять две омонимичные лексемы *agâł*: слитую форму отрицания глагола *âlaš*, занимающую место в полной парадигме отрицания, и отрицательную частицу. В (1)

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта № РФФИ №17-04-18036е.

отсутствие согласования по числу подтверждает, что перед нами именно частица, относящаяся к составляющей [*jakšar mašinäštä*].

Похожее переосмысление отрицания бытийного глагола кратко обсуждается в [Veselinova 2015] для родственного лугового марийского языка. Мы рассмотрим не только изменения в семантике (имеющие, кроме того, некоторые отличия от лугового марийского), но и синтаксические и коммуникативные особенности изучаемого показателя.

Частица *agâl* продуктивно используется в сфере именного отрицания, поэтому мы начали рассмотрение ее свойств именно с ИГ. Было выяснено, что частица может отрицать как ИГ целиком, так и отдельные ее составляющие (между различными типами зависимых в ИГ возникает варьирование, которое будет подробнее рассмотрено в докладе). Однако синтаксическая дистрибуция *agâl* шире, чем отрицание частей ИГ. Данный показатель может появляться даже при противопоставлении нефинитных клауз (2), а также для отрицания форм дезидератива наравне со стратегией глагольного отрицания (3).

- (2) *tädä kafe-š kačk-aš agâl, a kofe-m jü-ndäl-äš*
он(а) кафе-ILL есть-INF NEG а кофе-ACC пить-ATT-INF
ke-en.

идти-PFV

‘Она пошла в кафе не поесть, а попить кофе’.

- (3) *tädä rokolma-m šolt-âne-žä agâl*
он(а) картошка-ACC варить-DES-3SG NEG
/ä-ne-žä šolt-ä, a žar-âne-žä.
/NEG.DES-DES-3SG варить-CNG а жарить-DES-3SG

‘Она хочет не сварить картошку, а пожарить’.

Был выявлен, однако, запрет на использование частицы *agâl* для отрицания и противопоставления финитных предикатов (за исключением дезидератива). Мы предполагаем, что это ограничение является следствием незавершённой грамматикализации показателя, вызванной до сих пор сохраняющейся связью с исходной формой глагольного отрицания.

В ходе исследования мы обратились к данным венгерского языка, родственного языка, синтаксис которого подробно исследован в рамках формальных подходов (см., например, [Kiss

2002]), использующего частицу *net* для многих видов отрицания. Одним из сходств изучаемого и венгерского показателей является возможность служить маркером фокусного отрицания (4). В [Vu 2017] предложена гипотеза об идентичности структуры фокусного отрицания и отрицания составляющих на основе венгерских данных. Мы считаем, что подобная связь присутствует и в горномарийском.

- (4) *mä käckä-m pičä-štä agâl pog-en-nä.*
1PL ягода-ACC огород-IN NEG собирать-PFV-1PL
‘Мы собирали ягоды не В ОГОРОДЕ’.

В синтаксических работах отрицание и противопоставление составляющих часто рассматриваются как адьюнкция отрицательного показателя к соответствующей группе или вершине [Iatridou 1990: 574; McCawley 1991]. В нашем докладе будет предложен возможный синтаксический анализ изучаемой частицы, объясняющий её свойства и учитывающий имеющиеся исследования в этой области отрицания.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ATT — аттенуатив; CNG — коннегатив; DES — дезидератив; ILL — иллатив; IN — инессив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NPST — непростедешее время; PFV — простедешее время (перфектив); PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Iatridou 1990 — S. Iatridou. About Agr(P) // *Linguistic Inquiry* 21, 4, 1990. P. 551–577.
Kiss 2002 — K. É. Kiss. *The Syntax of Hungarian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
McCawley 1991 — J. D. McCawley. Contrastive negation and metalinguistic negation // *Chicago Linguistic Society* 27, 2, 1991. P. 189–206.
Miestamo et al. (eds.) 2015 — M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
Saarinen 2015 — S. Saarinen. Negation in Mari // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 325–352.
Veselinova 2015 — L. Veselinova. Special negators in the Uralic languages: Synchrony, diachrony and interaction with standard negation //

- M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 547–600.
- Vu 2017 — M. H. Vu. Focus negation is constituent negation in Hungarian. Poster presented at the Linguistic Society of America 2017 Annual Meeting, Austin, TX.

Е. С. Клягина

РГГУ, Москва

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЯ ЯМИТИВА В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Ямитив — термин, придуманный Э. Далем и введенный Б. Олссоном в [Olsson 2013] для обозначения пограничной зоны значений между ‘уже’ и перфектом.

Согласно Олссону, ямитивы используются в контексте «новая ситуация наступила, и она сама или её последствия имеют место в момент речи» и могут обладать следующими свойствами: возможность интерпретации, при которой после смены ситуации «состояние больше никогда не изменится», возможность одновременно интерпретировать ситуацию как законченную и как продолжающуюся, проспективное значение, сильные/слабые ожидания ситуации, несочетаемость с ‘только’, появление значения ‘больше не’ при отрицании, дополнительная дистрибуция с ‘еще не’. Все эти свойства Б. Олссон сформулировал при анализе данных пяти языков Юго-Восточной Азии (индонезийского, малайского, тайского, вьетнамского и мандаринского).

Абазинский язык вместе с близкородственным ему абхазским принадлежит к абхазской ветви абхазо-адыгской, или западнокавказской, семьи языков и обладает разветвленной аспектуально-временной системой. Особый интерес для данного исследования представляет показатель *-x'a*, который, согласно абазинским описаниям [Чкадуа 1970: 10–148; Табулова 1976: 151], выражает значение давнопрошедшего времени, но иногда используется в контекстах ближайшего будущего и имеет значение ‘уже’, а также соответствует абхазскому показателю *-x'a*, который, согласно абхазской грамматике, имеет значение перфекта и плюсквамперфекта. Кроме того, собранные уже нами данные показали, что *-x'a* в некоторых контекстах переводится

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

как ‘уже’ (1), а в некоторых выражает перфектное значение (2). Таким образом, мы предположили, что *-ha* является показателем ямитива.

- (1) *darina d-ʕa-j-x'a-t*
 Дарина 3N.ABS-DIR-прийти-IAM-DYN
 ‘Дарина уже пришла домой’.
- (2) *ánanas kárazən j-b-fa-x'á-ma?*
 ананас когда-либо 3N.ABS-2F.ERG-есть-IAM-Q
 ‘Ты когда-нибудь ела ананас?’

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проверить, насколько универсальными являются свойства и определение ямитивов, сформулированные Б. Олссоном для языков Юго-Восточной Азии, или, по крайней мере, насколько они верны для языка другого географического ареала. Материал для данной работы был собран в ходе экспедиции РГГУ и НИУ ВШЭ в аул Инжич-Чукун респ. Карачаево-Черкессия в июле 2017 г. Сбор материала проводился методом анкетирования.

В ходе исследования выяснилось, что абазинский ямитив обладает пятью из семи свойств, выделенных Б. Олссоном, а именно: возможность интерпретации, при которой после смены ситуации «состояние больше никогда не изменится» (3), возможность одновременно интерпретировать ситуацию, как законченную и как продолжающуюся (4), обязательное ожидание ситуации (5), не сочетаемость с ‘только’ (6) и дополнительная дистрибуция с ‘еще не’ (7). Такой результат если не доказывает, то по крайней мере не опровергает универсальность этих свойств.

- (3) *áwjəj a-ĉʷa b-ʕ-x'a-p*
 PROX DEF-яблоко 3N.ABS-гнить-IAM-NPST
 ‘Это яблоко сгнило’.
- (4) *sara ará-ʔa xʷə-skʷʂa s-bzáza-x'a-t*
 я PROX-LOC пять-год 1SG.ABS-жить-IAM-DYN
 ‘Я живу здесь (уже) пять лет/Я прожил здесь (уже) пять лет (больше не живу)’.

- (5) **ádam d-ʕa-j-x'a-t!*
 Адам 3Н.ABS-DIR-прийти-IAM-DYN
 [Никто Адама не ждал и тут такой сюрприз!] [#]Адам пришел!
- (6) **x-əpx'aga-k ʕaca s-rə-px'a-x'a-t*
 три-книга-PL только 1SG.ABS-3PL.IO-читать-IAM-DYN
[#]'Я прочел только три книги'.
- (7a) *sara warad s-h^wa-x'a-t*
 я песня 1SG.ERG-говорить-IAM-DYN
 'Я уже спела'.
- (7б) *sara warad g'-sə-m-h^wa-s-t*
 я песня NEG-1SG.ERG-NEG-говорить-NONDUM-DYN
 'Я еще не спела'.

Принципиальным отличием абазинского ямитива от ямитивов Юго-Восточной Азии является лишь его непривязанность к ситуации речевого акта: точкой отсчета может быть ситуация в прошлом (8).

- (8) *ruslan d-an-ʕa-j darina sahat-k*
 Руслан 3Н.ABS-REL.TEMP-DIR-прийти дарина час-UNIT
d-ʕa-h^w-x'a-n
 3Н.ABS-DIR-говорить-IAM-PST
 'Когда Руслан пришел, Дарина пела (уже) час/Когда Руслан пришел, Дарина (уже) час попела'.

В итоге, получается, что показатель *-x'a* хотя и обладает большинством признаков ямитива, не подходит полностью под его определение. Поэтому, возможно, стоит переформулировать и расширить само определение, которое принимало в расчет только несколько территориально близких языков.

Литература

- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка: Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.
- Чкадуа 1970 — Л. П. Чкадуа. Система времен и модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Olsson 2013 — B. Olsson. Iamitives: Perfects in Southeast Asia and Beyond. Master Thesis. University of Stockholm, Stockholm, 2013.

Л. С. Козлов

Москва

АБЛАТИВНО-ЛОКАТИВНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Тема доклада — распределение функций между средствами маркирования Местонахождения и Исходной точки движения в финно-пермских языках. В этой языковой группе для маркирования пространственных семантических ролей используются в первую очередь падежные показатели, которыми оформляются именные или послеложные группы. Нас будут интересовать такие падежи, как локатив/инессив/адессив (маркирующие Местонахождение) и элатив/аблатив (маркирующие Исходную точку движения). Несмотря на кажущуюся ясность семантики таких показателей, в финно-пермских языках (как, безусловно, и в других) наблюдаются многочисленные и неочевидные различия в сфере их употребления. Вместе с тем, наблюдаются и черты, характерные для многих финно-пермских языков и выделяющие их на фоне окружающих индоевропейских и тюркских. В целом можно сказать, что падежи аблативного ряда (так мы будем называть элатив и аблатив) в финно-пермских языках имеют более широкие функции, чем их аналоги в широкоизвестных индоевропейских языках. В частности, они используются при описании ситуаций, в которых отсутствует перемещение, маркируя Местонахождение неподвижных объектов. Именно так чаще всего оформляется пространственный аргумент глаголов с семантикой ‘искать’, ‘найти’, ‘купить’ во многих прибалтийско-финских, мордовских и пермских языках, ср. примеры (1)–(3) с глаголом ‘искать’.

ФИНСКИЙ

(1) *Poika ets-i laukku-a koulu-sta.*

мальчик искать-PST.3SG сумка-PART школа-EL

‘Мальчик искал сумку в школе’. [Huomo 2006: 48]

МОКШАНСКИЙ

- (2) *son veš-i panž-əta-t*
 он искать-NPST.3SG открыть-NMZ-PL
z'ep-stə-nzə
 карман-EL-3SG.POSS
 'Он ищет ключи в кармане'.

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ)

- (3) *so nall'a uš'ton-z-e*
 тот искать.PRS.3SG ключ-3SG.POSS-ACC
ž'ep-iš't-âz
 карман-EL-3SG.POSS
 'То же'.

Кроме того, падежи аблативного ряда нетривиальным образом используются при описании ситуаций восприятия. Во многих языках место, в котором находится Экспириенцер, маркируется так же, как Исходная точка (ср. *Я его увидел из дома*), однако в ряде финно-пермских языков такое маркирование получает, напротив, Местонахождение Стимула:

МОКШАНСКИЙ

- (4) *mon son' n'ej-in'ə kuctə*
 я он.OBL видеть-PST.1SG>3SG дом.EL
 'Я его увидел в доме (в доме находился только он, т. е. Стимул)'.

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ)

- (5) *mon so-je až'i magaž'in-âš'*
 я тот-ACC видеть-PST.1SG магазин-EL
 'Я его увидел в магазине'.

ФИНСКИЙ

- (6) *Nä-i-n puhelin-luettelo-sta numero-si.*
 видеть-PST-1SG телефон-список-EL номер-2SG.POSS.ACC
 'Я увидел в телефонной книге твой номер'.

[Huomo 2006: 51]

Еще одна особенность падежей аблативного ряда наблюдается, как минимум, в мордовских языках и удмуртском, и она связана с употреблением приименных зависимых в элативе. При-

именные зависимые с аналогичным маркированием можно найти во многих языках (ср. *Трое из Простоквашино*), однако в указанных языках такие зависимые употребляются шире: они могут обозначать в том числе Местонахождение объекта в данный момент (ср. (7)–(8)).

УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКОЕ НАРЕЧИЕ)

- (7) *mon jua-j skamejka vâl-âš' ad'ami-leš'*
 я спросить-PST.1SG скамейка на-EL старик-GEN2
ken'a ĉ'as
 сколько час
 'Я спросил у старика на скамейке (букв. со скамейки),
 который час'.

МОКШАНСКИЙ

- (8) *mon kiz'âft-in'ə skomn'ε-t'*
 я спросить-PST.1SG>3SG скамейка-DEF.SG.GEN
lang-stə at'ε-t' kona ĉas
 на-EL дед-DEF.SG.GEN который час
 'То же'.

Перечисленные феномены подробно описаны в финском языке, например, [Fong 1997; Nuimo 2004; 2006], однако исследователи других финно-пермских языков по большей части ограничивались беглыми замечаниями (глубоко эта тема затронута лишь на бесермянском материале в работах [Усачёва 2011; 2012]). Кроме того, нам неизвестно ни одной работы, сопоставляющей финно-пермские языки в данном аспекте. Между тем, представляется, что прибалтийско-финские, мордовские и пермские языки демонстрируют здесь существенные сходства. Особняком стоят, с одной стороны, саамские языки, где в большинстве идиомов инессив и элатив совпали, и, с другой стороны, марийские языки, где элативная семантика выражается послелогом, который не имеет показанных выше «дополнительных» функций.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DEF — определенность; EL — элатив; GEN — генитив; GEN2 — удмуртский «разделительный падеж»; NMZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная форма место-

имения; PART — партитив; PL — множественное число; POSS — посесивный показатель; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Усачёва 2011 — М. Н. Усачёва. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2011.
- Усачёва 2012 — М. Н. Усачёва. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 142–220.
- Fong 1997 — V. Fong. The Order of Things: What Directional Locatives Denote. PhD Thesis. Stanford University, Stanford, CA, 1997.
- Huumo 2004 — T. Huumo. I can see the church to my house: Directionality in expressions of visual perception in Finnish // M. Achard, S. Kemmer (eds.). Language, Culture, and Mind. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information (CSLI), 2004. P. 271–280.
- Huumo 2006 — T. Huumo. I woke up from the sofa: Subjective directionality in Finnish expressions of a spatio-cognitive transfer // M.-L. Helasvuo, L. Campbell (eds.). Grammar from the Human Perspective: Case, Space and Person in Finnish. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 41–65.

Е. В. Коровина
ИЯз РАН, Москва

СЛОВА НА НАЧАЛЬНУЮ ? В ЮКАТЕКСКИХ ЯЗЫКАХ

Практически во всех языках майя при образовании посессивных форм имен и маркировании субъекта переходных и в части времен непереходных глаголов показатели в словах, начинающихся на ?, приобретают особую форму. Так, например, в мопан при образовании этих форм от слов на начальную гортанную смычку к показателю добавляется *-w*, при этом сама смычка исчезает:

<i>pek'</i> 'собака'	Sg	Pl	' <i>otoch</i> 'дом'	Sg	Pl
1	<i>in-pek'</i>	<i>ti-pek'-(e'ex)</i>	1	<i>inw-otoch</i>	<i>tiw-otoch-(e'ex)</i>
2	<i>a-pek'</i>	<i>a-pek'-e'ex</i>	2	<i>aw-otoch</i>	<i>aw-otoch-e'ex</i>
3	<i>u-pek'</i>	<i>u-pek'-oo'</i>	3	<i>uw-otoch</i>	<i>uw-otoch-oob'</i>

[Hofling 2011: 11]

Однако иногда к словам на ? добавляется показатель характерный для слов на остальные согласные. В этом случае гортанная смычка в начале слова сохраняется. Например, в мопан:

' <i>oop</i> 'аннона'	Sg	Pl
1	<i>in-'oop</i>	<i>ti-'oop-(e'ex)</i>
2	<i>a-'oop</i>	<i>a-'oop-e'ex</i>
3	<i>u-'oop</i>	<i>u-'oop-oo'</i>

[Hofling 2011:11]

Случаи такого рода также отмечены и в других языках майя, однако наиболее распространены они в языках юкатекской группы. В работе [Durbin 1970], посвященной этому явлению в юкатекском языке и представляющей единственную попытку синхронного анализа этого явления в языках майя, различие между словами, сохраняющими начальную гортанную смычку, и словами ее теряющими состоит в том, что первые в отличие от вторых содержат в своей семантике категорию имманентности

(immanency), т. е. те, которые с точки зрения автора, или едва ли могут быть иметь хозяина, или хозяин не может их в достаточной мере контролировать, или же те, которые обозначают действия, не типичные для майя. Следует отметить, что хотя Дурбин считал, что это явление присутствует только в юкатекском, оно существует также в двух других юкатекских языках — мопан и ица, в языке лакандон слова, сохраняющие начальную гортанную смычку, в имеющемся материале отсутствуют. Также следует отметить, что список, приводимый им для юкатекского языка, в значительной степени неполон. Ниже будет сделана попытка систематизировать данные о сохранении/потере начальной смычки в юкатекских языках.

1. Слова-недавние заимствования в юкатекские языки из испанского сохраняют начальную гортанную смычку, например, юкатекский *in 'amigo* 'мой друг' [Monforte et al. 2010], *in 'ihah* 'моя дочь' [Bricker et al. 1998], мопан *in-'uule* 'моя стропа' [Hofling 2011]. Вероятно, это связано с тем, что начальная гласная в испанском интерпретируется носителями этих языков как имеющая перед собой полноценный согласный, подобное наблюдается также, например, в языке цутухиль группы киче.

2. Поведение слов на префикс *'aj-* 'классификатор мужского рода' различается в юкатекских языках, так в юкатекском он при образовании посессивных форм сохраняет начальную смычку, а в ица и мопан — теряет ее. Также в ица и мопан теряют начальную смычку слова на префикс *'ix-* 'классификатор женского рода' (в юкатекском этот префикс имеет вид *x-* в связи с чем не ясно, как бы он вел себя, если бы сохранил начальную гласную).

3. В юкатекском майя в ряде случаев наблюдается варьирование, например, *inw àab'liil* ~ *in 'ab'alil* 'моя слива (дерево)' [Bricker 1998]. Подобное варьирование, но в пределах однокоренных слов, зафиксировано также в мопан *in-'il-b'-eeb'* 'мой телескоп', но *inw-il-aj* 'я видел' [Hofling 2011].

4. Большинство слов, сохраняющих начальную смычку, совпадают в мопан, ица и юкатекском.

5. Существует минимальная пара — слова различающиеся только поведением начального смычного *in-'ak'* 'моя лоза' —

inw-ak 'мой язык' в ица и мопан и соответственно *in 'àak* — *inw àak* в юкатекском.

Эти наблюдения, как кажется, позволяют сделать вывод о том, что в языке-предке юкатекских языков уже наблюдалось описываемое противопоставление слов, которое возможно изначально действительно было связано с тем, насколько часто данные слова выступают в посессивной форме, однако впоследствии в разных языках это правило подвергалось действию различных процессов.

Литература

- Bricker et al. 1998 — E. Bricker, E. Poot Yah, O. D. de Poot. A Dictionary of the Maya Language as Spoken in Hocabá, Yucatán. Salt Lake City: The University of Utah Press, 1998.
- Durbin 1970 — M. Durbin. Morphophonemics and semantics. Papers from the 6th Regional Meeting, Chicago Linguistics Society, April 16–18 1970. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1970. P. 96–106.
- Hofling 2011 — Ch. A. Hofling. Mopan Maya–Spanish–English Dictionary. Salt Lake City, Utah: University of Utah Press, 2011.
- Monforte et al. 2010 — J. Monforte, L. Dzul, R. Gutiérrez Bravo. Naraciones Mayas. Instituto Nacional de Lenguas Indígenas (INALI), 2010.

Н. Н. Логвинова
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

**НЕПОСЕССИВНЫЕ ФУНКЦИИ
ПОСЕССИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

1. Введение

В чувашском языке аффикс принадлежности 3-го лица может передавать значение определенности [Федотов 1970], а также выступать в роли субстантиватора [Павлов, Андреев (ред.) 1975: 102]. В большинстве грамматик, как замечено в [Luutonen 2011: 55], эти функции не различаются, так что системное описание того, как в каждом значении функционирует данный показатель и как распределены его алломорфы (-*i*, -*ë*), отсутствует. Анализ данных аспектов был бы новым шагом в дискуссии о том, являются ли рассматриваемые маркеры алломорфами одной морфемы или разными показателями. Настоящее исследование ориентированно не только на описание непосессивных значений рассматриваемого маркера, но и на анализ дистрибуции его алломорфов внутри различных контекстов. Как будет показано ниже, малокарачкинский говор обнаруживает тенденцию к их дифференциации.

2. Морфонология

В исследуемом говоре маркер посессивности 3-го лица имеет три алломорфа, распределенных морфонологически.

Таблица 1. Алломорфы посессивного показателя 3-го лица

<i>-i</i>	<i>-ë/-ə</i>	<i>-jë</i>
после гласных	после согласных	после <i>-i, -u, -y</i>

Более специфицированный, в сравнении с литературным языком, набор маркеров, следует полагать, способствовал появлению отличий в их использовании.

3. Семантика

3.1. Определенность

На основе классификации в [Simonenko 2014; Hawkins 2015] был установлен круг контекстов, в которых посессивный маркер проявляет дискурсивные значения.

Таблица 2. Использование маркера принадлежности 3-го лица в функции определенности

Контекст	Посессивный маркер
Анафорический антецедент	+
Выбор из группы	+
Локальная уникальность	+/-
Глобальная уникальность	-

3.2. Субстантивация

Субстантивации могут подвергаться прилагательные, причастия и некоторые падежные формы с появлением множественного падежного маркирования. В отличие от дискурсивных употреблений посессивного показателя, где распределение маркеров соответствует Таблице 1, при субстантивации после согласного **допускается варьирование показателей** — *-ĕ/-ə* и *-i*.

4. Сочетаемость показателей в одной словоформе

Распределение алломорфов посессивного показателя в исследуемом говоре позволяет последовательного эксплицитного появления нескольких маркеров в одной словоформе, выражающей несколько значений одновременно.

- (1) *ʂor-i-jĕ*
 белый-р_3-р_3
 ‘этот белый/его белый’

В примере (1) разные грамматические значения выражены отдельными морфемами. Появление *-i* на месте *ĕ/-ə* в субстантив-

ных формах, свидетельствует о наложении в таких формах определенности на субстантивацию, которое приводит к исчезновению одного из показателей (*pizak* ‘большой’ > *pizag-a* ‘большое’ > *pizak-i* ‘то большое’).

Таблица 3. Сочетаемость маркеров субстантивности, посессивности и определенности в одной словоформе

1-й показатель	2-й показатель	
	Посессивность	Определенность
Субстантивность	+	+
Посессивность		+
Определенность		+

5. Двойная определенность

В малокарачкнском говоре были зафиксированы формы, образующиеся присоединением к аффиксу *-i*, указывающему на определенность, его алломорфа в форме *-jĕ*, отсутствующие в литературном чувашском и выражающие, по свидетельствам носителей, еще большее выделение (2):

- (2) *ku laʒ-i-jĕ eʊ z(e)-eʃ-sĕn*
 этот лошадь-Р_3-Р_3 вода есть-PC_FUT-CSL
 ‘Эта лошадь хочет пить’.

Субстантивная функция показателя *-jĕ* ограничена малым количеством прилагательных на /i/ и /u/. Отсутствие употреблений в субстантивной функции могло способствовать смещению семантики маркера *-jĕ* и последующему приобретению им значения «двойной определенности».

6. Выводы

Возможность сочетания нескольких маркеров, выражающих грамматические категории разного уровня, в одной словоформе, а также выделение особой категории «двойной определенности» являются важными особенностями малокарачкнского говора. В докладе планируется более детально обсудить свойства описанной системы и механизмы, легшие в ее основу.

Список условных сокращений

P_2SG — принадлежность второго лица единственного числа;
P_3 — принадлежность 3-го лица; PC_FUT — причастие будущего времени.

Литература

- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1898.
- Кузьменко 2014 — Ю. К. Кузьменко. К типологии суффиксации определенных артиклей // Типология Морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 84–119.
- Павлов, Андреев (ред.) 1957 — И. П. Павлов, Н. А. Андреев. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая: Морфология. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957.
- Федотов 1970 — М. Р. Федотов. Формы принадлежности 1-го и 3-го лица единственного числа в тюркских и финноугорских языках в свете урало-алтайской общности // Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. Ученые записки 49, 1970. С. 177–183.
- Hawkins 2015 — J. Hawkins. Definiteness and Indefiniteness A Study in Reference and Grammaticality Prediction. London — New York: Routledge, 2015.
- Luutonen 2011 — J. Luutonen. Chuvash Syntactic Nominalizers. On *-ki* and Its Counterparts in Ural-Altaic Languages. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). Proceedings of the 43rd Annual Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 43). Vol. 2. Amherst, Mass.: GLSA, 2014. P. 127–140.

И. В. Макачук

МГУ, Москва

ГЛАГОЛЬНЫЙ АТТЕНУАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад посвящен семантике и синтаксису глагольных дериватов с показателями Аттенуатива² *-al-/-alal-/-âldal-* в горномарийском языке. Эти показатели распределены по морфонологическим правилам, которые мы подробно изложим в докладе.

Горномарийский Аттенуатив полисемичен. Дериваты могут обозначать делимитатив — непределный перфективный аспектуальный тип (ср., например, [Плунгян 2011: 397]):

- (1) *saša maša-m vâč-alal'-â dä kôktâ-n*
Саша Маша-ACC ждать-АТТ-AOR.3SG и два-ADV
ke-vă
уйти-AOR.3PL
'Саша **подождал** Машу и они пошли вдвоем'.

Другая возможная и регулярно воспроизводимая интерпретация — вхождение в «короткое» состояние (результатирующее состояние достигается, но длится недолго). Этот аспектуальный тип похож на *cyclic achievement* в терминологии У. Крофта [Croft 2012], то есть *семельфактивы*:

- (2) *ätä-m kečäväl pašteḱ to-kâ-na*
отец-POSS.1SG полдень после дом-ILL-POSS.PL

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Данные были собраны методом элицитации в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ и Школы лингвистики ВШЭ в селах Микрякове и Сосновке Горномарийского р-на респ. Марий Эл в 2016–2017 гг.

² Мы используем конвенцию, предложенную Б. Комри [Comrie 1976]. Конкретно-языковые категории мы будем писать с прописной буквы, а семантические категории, предположительно общие для всех языков, — со строчной.

pâr-alal'-â

прийти-АТТ-АОР.3SG

‘Отец по полудню **заскочил** (= зашел ненадолго) домой’.

Также Аттенуатив может указывать на слабую степень результирующего состояния:

- (3) *kängäžäm mән' oknä-vlä-m pač-âldal-ân*
летом я окно-PL-ACC открыть-АТТ-CVB
kod-em

оставить-NPST.1SG

‘Летом я всегда держу окно **приоткрытым**’.

Глагольные формы с Аттенуативом перфективны и не могут иметь актуально-длительной интерпретации:

- (4) # *ni-ma-t agâl mән'*

NEG.PRON-что-ADD NEG.3SG я

ojxâr-al-am

грустить-АТТ-NPST.1SG

‘{— Что с тобой, ты как-то грустишь?} — Да ничего, я **немножечко грущу**’.

Допустимость той или иной интерпретации зависит от структуры события, выражаемого глагольной основой. Делимитативная интерпретация возможна, только если в структуре события есть длительное подсобытие, когда как две другие интерпретации допустимы, только если в структуре события есть результирующее подсобытие.

В докладе мы покажем, что все значения, представленные выше, являются манифестациями одного значения, которое можно назвать глагольным аттенуативом, или диминутивом. Делимитатив есть не что иное как событие с «уменьшенной» длительностью всего события. Вхождение в «короткое» состояние представляет собой событие с «уменьшенной» длительностью результирующего состояния. А вхождение в состояние «слабой степени» — это событие с «уменьшенной» степенью результирующего состояния.

Также в докладе мы обсудим синтаксис рассматриваемых дериватов: взаимодействие Аттенуатива с каузативом и сложными глаголами. Рассмотрев факты горномарийского языка, мы

предложим анализ горномарийского Аттенуатива, объединяющий данные факты в одну целостную картину.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — наречный показатель; AOR — Аорист, одно из прошедших времен в горномарийском; ATT — Аттенуатив; CVB — деепричастие; ILL — иллатив; IN — инессив; NEG — отрицание; NEG.PRON — отрицательное местоимение; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — обладание; SG — единственное число.

Литература

- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Croft 2012 — W. Croft. Verbs: Aspect and Causal Structure. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Croft, Cruse 2004 — W. Croft, D. A. Cruse. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

С. К. Михайлов
НИУ ВШЭ, Москва

ЯПОНСКИЙ ИНКОМПЛЕТИВ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Инкомплетивом в [Плунгян 2011] предложено называть аспектуальный кластер, совмещающий в себе значения результата и прогрессива. Инкомплетив является довольно редким показателем в языках мира; в типологической литературе он практически не описан.

Конструкция на *-te i-*, выражающая инкомплетив в японском языке, обладает почти столетней историей изучения и обращала на себя внимание не только японских, но и западных лингвистов, однако подавляющее большинство посвященных ей работ сильно разнятся в предлагаемом анализе и не типологичны. Первой и, возможно, единственной работой с типологическим взглядом на *-te i-* является [Shirai 1998].

Нашей основной задачей было положить начало традиции типологического изучения и описания инкомплетива, установить, какие характеристики глагольной основы могут влиять на выбор того или иного прочтения, уточнить семантику и дистрибуцию каждой из инкомплетивных форм. Тем самым, мы попытались «очертить» семантическую зону инкомплетива и понять, какое место *-te i-* занимает в этой зоне.

Помимо материала японского языка (преимущественно по [Алпатов и др. 2008а; 2008б] и [Shirai 2000]) мы рассматривали материалы грамматик корейского языка, тазовского диалекта селькупского языка (южносамодийский) и языка сенека (североирокезский).

Наше исследование показало, что помимо результативного и прогрессивного значений у инкомплетива могут развиваться также значения перфекта и итеративного хабитуалиса (развитие

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

которых из результата и прогрессива соответственно является вполне регулярными). Так, например, в японском языке почти любой глагол с *-te i-* может получить перфектное (пример (1)) или хабитуальное прочтение (пример (2)) при наличии должного контекста:

- (1) *Fujisan wa mikka-mae-kara mie-te*
 Mt.Fuji TOP 3:days-before-since be.visible-CNV
i-ru
 INCM-NPST
 ‘Mt. Fuji has been visible since three days ago’.
 [Shirai 2000: 344]
- (2) *Ken wa saikin kuruma de gakkoo e it-te*
 Ken TOP lately car INS school to go-CNV
i-ru
 INCM-NPST
 ‘Ken is going to school by car these days’. [Ibid.: 333]

Мы обнаружили, какие семантические характеристики глагола влияют на его прочтение в формах инкомплетива, среди них: акциональный класс глагола, наличие значения смены состояния (в случае японского) или наличие значимых последствий у ситуации, обозначаемой глаголом (в случае сенека). Так, в сенека глаголы, подразумевающие последствия, значимые достаточно, чтобы о них регулярно говорить, в сочетании с инкомплетивом получают значение перфекта-результатива (пример (3)), глаголы, не подразумевающие подобного, получают значение прогрессива (пример (4)):

- (3) *ka-ni:yö:t-Ø*
 3SG.N.A-be.hung-INCM
 ‘it’s hanging/it’s been hung’ [Chafe 1967: 12]
- (4) *ho-ta:-’*
 3SG.M.P-talk-INCM
 ‘he’s talking’ [Chafe 2015: 25]

Кроме того, оказалось, что в корейском, японском и сенека формы инкомплетива от рефлексивных глаголов могут выражать как прогрессив, так и результатив (в японском таких глаголов

всего пять). Инкомплетивная форма от рефлексивного глагола может фокусироваться либо на действиях субъекта (прогрессивное прочтение (5a)), либо на изменениях, которые он претерпел (результативное прочтение (5b)).

КОРЕЙСКИЙ

- (5) *Yong-un naikhi sinpal-ul sin-ko iss-ta*
Yong-TOP nike shoes-ACC wear-CONN exist-DECL
a. ‘Yong is putting on NIKE shoes’.
b. ‘Yong is wearing NIKE shoes’. [Chang 1996: 125]

В сравнении с инкомплетивными формами остальных рассмотренных языков японское *-te i-* обладает самой широкой семантикой. Так, только в японском инкомплетивная конструкция может выражать значение хабитуалиса.

Суффикс *-(m)ru-*, один из двух рассматриваемых в селькупском языке, скорее принадлежит словообразованию, чем словоизменению, и, таким образом, представляет собой словообразовательный инкомплетив. Для остальных же инкомплетивных форм в целом справедливо, что они принадлежат словоизменению и являются ключевым компонентом видовременной системы своих языков.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; A — агентивный префикс; ACC — аккузатив; DECL — декларатив; CNV — деепричастие; CONN — коннектор; INCM — инкомплетив; INS — инструменталис; M — мужской род; N — средний род; NPST — непрошедшее время; P — пациентивный префикс; SG — единственное число; TOP — топик.

Литература

- Алпатов и др. 2008a — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская (ред.). Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Наталис, 2008.
Алпатов и др. 2008б — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлеская (ред.). Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Наталис, 2008.
Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

- Chafe 1967 — W. Chafe. Seneca morphology and dictionary // *Smithsonian Contributions to Anthropology* 4, 1967. P. 109–127.
- Chafe 2015 — W. Chafe. *A Grammar of the Seneca Language* [University of California Publications in Linguistics 149]. Berkeley, CA: University of California Press, 2015.
- Chang 1996 — S.-J. Chang. *Korean*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1996.
- Shirai 1998 — Y. Shirai. Where the Progressive and the Resultative meet: Imperfective aspect in Japanese, Chinese, Korean and English // *Studies in Language* 22, 3, 1998. P. 661–692.
- Shirai 2000 — Y. Shirai. The semantics of the Japanese imperfective -teiru: An integrative approach // *Journal of Pragmatics* 32, 2000. P. 327–361.

Е. В. Моргунова

МГУ, Москва

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА СЛУСИНГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Данная работа посвящена одному из видов эллипсиса клаузы в баргузинском диалекте бурятского языка — слусингу.

Слусинг представляет собой такую конструкцию, при которой эллидируется вся вопросительная клауза за исключением некоторого вопросительного слова, имеющего некоторого коррелята в клаузе-антецеденте:

- (1) *dugar xэн-dэ-b-da: bəfəg əl'gə:-gə:*
Дугар **кто-DAT-Q-PTCL** письмо.ACC **слать-PRT1**
xarin xэн-dэ msдэ-нэ-гнi-b
но **кто-DAT** **знать-PRS-NEG-1**
'Дугар послал **кому-то** письмо, но я не знаю, **кому**'.

В [Merchant 1999] предполагается, что подобные конструкции образуются следующим образом: сначала вопросительное слово перемещается в Spes,CP из своей изначальной позиции в клаузе, а затем происходит удаление составляющей IP. Это удаление на фонологическом уровне лицензируется свойством E, которое находится на вершине C° (или I°).

Однако возникает вопрос относительно того, применим ли этот анализ к похожим на случай слусинга конструкциям в языках без передвижения вопросительных слов (языкам *wh-in-situ*).

На материале японского языка, который, подобно бурятскому, относится к языкам *wh-in-situ*, предлагается так называемый клефтовый анализ (Merchant 1998). При данном анализе предполагается, что конструкции, подобные слусингу, в японском порождаются с помощью удаления части клефтовой конст-

¹ Материалы были получены в ходе полевой работы летом 2017 г. в с. Барагхан Баргузинского района Республики Бурятия. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-04-18036е «Экспедиция по сбору данных алтайских и уральских языков».

рукции. Достоинством данного анализа является тот факт, что при нем вопросительное слово не претерпевает передвижения, нетипичного для языка *wh-in-situ*.

Хотя клефтовый анализ применим к данным японского, существуют другие языки *wh-in-situ*, для которых этот анализ является неподходящим (см., среди прочих, [Тоосарвандани 2008] (фарси), [Şener 2012] (турецкий), [Sakamoto 2012] (монгольский)). В докладе мы продемонстрируем, что бурятский также относится к их числу.

Клефтовая конструкция в бурятском языке выглядит следующим образом:

- (2) *sajan-i:n ədi-hən-i:nʲ morozʹəno bai-ga:*
 Саяна-GEN есть-ПФСТ-3 мороженое быть-ПРТ1
 ‘Тем, что съела Саяна, было мороженое’.

Существует несколько аргументов в пользу того, что в бурятском языке слусинговая конструкция не может быть образована из клефта. Приведем ниже лишь некоторые из них.

Во-первых, в то время как при слусинговых конструкциях возможно сохранение более одного слова из эллидируемой структуры (пример (3)), в клефтовых конструкциях бурятского языка невозможно фокусирование более чем одной сущности (пример (4)). Следовательно, как минимум к конструкциям типа (3) не может быть применен клефтовый анализ.

- (3) *sajana xən-də-b-da: ju-b-da: bəlgə-l-ə:*
 Саянакто-DAT-Q-ПТCL что-Q-ПТCL дарить-ПРТ1
xarin bi hana-na-gɯj-b xən-də ju:
 но я знать-PRS-NEG-1 кто-DAT что
 ‘Саяна кому-то что-то подарила, но я не знаю, кому что’.

- (4) **ʈiŋgis-əi ugə-hən-i:nʲ ojuna-da nom-u:d*
 Чингис-CNT1 давать-ПФСТ-3 Оюна-DAT книга-PL
 Ожидаемое значение: ‘То, что Чингис дал, было Оюне книги’.

Во-вторых, в клефтовых конструкциях невозможно фокусирование адъюнкта глагола (пример (5)). Это доказывает, что конструкции типа (6), в которых от эллидированной клаузы

остается лишь вопросительное слово, являющееся адьюнктом, не могут быть получены путем удаления части клефта.

- (5) **sajan-i:n zurag zura-han-i:n' ɯstʌr*
Саяна-GEN картина.ACC рисовать-PFCT-3 **вчера**
bai-ga:
быть-PRT1
Ожидаемое значение: ‘То, что Саяна рисовала картину, было **вчера**’.
- (6) *dugar xʌzʌ:-b-da: pariʒ so: bai-ga:-n,*
Дугар когда-Q-PTCL Париж в быть-PRT1-3
ba xʌzʌ: hana-na-gui-b
и **когда** помнить-PRS-NEG-1
‘Дугар когда-то был в Париже, но я не помню, **когда**’.

Помимо доказательств в пользу неприемлемости клефтового анализа по отношению к данным бурятского языка, в докладе мы приведем основные свойства изученных нами слусинговых конструкций, а также другие гипотезы об их образовании.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CNT1 — 1-ый коннектив; DAT — датив; GEN — генитив; NEG — отрицание; PFCT — перфективное причастие; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT1 — 1-е прошедшее время; PTCL — частица; Q — вопросительная частица.

Литература

- Merchant 1998 — J. Merchant. ‘Pseudosluicing’: Elliptical clefts in Japanese and English // A. Alexiadou, N. Fuhrhop, P. Law, U. Kleinhenz (eds.). ZAS Working Papers in Linguistics 10. Berlin: Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft, 1998. P. 88–112.
- Merchant 1999 — J. Merchant. The Syntax of Silence: Sluicing, Islands, and Identity in Ellipsis. PhD Thesis. University of California, Santa Cruz, 1999.
- Sakamoto 2012 — Y. Sakamoto. A Study of Sluicing and Cleft in Mongolian: A Comparison with Japanese. MA Thesis. Tohoku University, Sendai, 2012.
- Şener 2012 — S. Şener. ‘Sluicing’ without movement // U. Ozge (ed.). Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics

- (WAFLL8) [MIT Working Papers in Linguistics 67]. Cambridge, MA: MIT, 2012. P. 311–324.
- Toosarvandani 2008 — M. Toosarvandani. Wh- movement and the syntax of sluicing // *Journal of Linguistics* 44, 2008. P. 677–722.

Д. Д. Мордашова

МГУ, Москва

К ТИПОЛОГИИ ИМПЕРАТИВА: СЕМАНТИКА ПРИИМПЕРАТИВНЫХ ЧАСТИЦ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Работа посвящена семантике горномарийских частиц *-jä*, *-aj*, *-ok* и *-äta*, присоединяющихся к форме императива. Все они модифицируют степень категоричности императивной формы, что приводит к возникновению различных семантических эффектов в зависимости от выбора частицы. Материал собран в ходе полевой работы в с. Кузнецово респ. Марий Эл и окрестных деревнях летом 2017 г. Мы сочетали методы анкетирования информантов и анализа экспедиционного корпуса текстов.

Зона категорического/некатегорического императива наиболее проблемна для строгого определения и последовательного описания в типологических работах (см. [Гусев 2005: 73–74, 77–78]). Мы надеемся внести вклад в имеющиеся типологические данные об императивных конструкциях и предложить анализ семантики приимперативных частиц с учетом разнообразных лингвистических и социолингвистических факторов (тип речевого акта, социальная дистанция между говорящим и адресатом, ср. обсуждение взаимодействия этих факторов в [Бирюлин, Храковский 1992: 16–18], источник импульса каузации в понимании [Храковский, Володин 1986/2002: 136] и др.)

Мы покажем, что широкий круг употреблений частиц в большинстве случаев можно свести к некоторому инвариантному значению. Так, в [Саваткова 2002: 191] функция частицы *-jä* (1)–(2) формулируется довольно общо: «усиление значения побуждения». Наши данные позволяют конкретизировать семантику данной частицы как ‘каузирование отмены некоторой ситуации’ в рамках иллокутивного акта просьбы.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

- (1) *poka mән'ә či-em, kәdež-eš*
 пока я одеваться-NPST.1SG комната-LAT
i-t pârâ-jä!
 IMP.NEG-2SG входить-PTCL
 'Не заходи в комнату, пока я одеваюсь!'
- (2) *pištä-dä-jä oxâra-m lem-eš!*
 класть-IMP.2PL-PTCL луковица-ACC суп-LAT
 (обращение к повару) 'Положите луковицу в суп!'
 *(кулинарный рецепт) 'Положите луковицу в суп'.

Для примера (1) большинство информантов дают дополнительный комментарий к описанной ситуации: *it pârâjä* уместно сказать в том случае, когда адресат уже заходит в комнату/показался в дверном проеме и т. п. Пример (2) невозможен в инструктивном контексте (в терминах [Храковский, Володин 1986/2002: 139]) кулинарного рецепта, однако допустим при обращении к повару, который не собирается добавлять луковицу в суп, а помощники уговаривают его это сделать, поскольку иначе суп окажется невкусным.

Частица *-aj*, согласно [Саваткова 2002: 190], выражает «просьбу с оттенком ласки, благосклонного отношения к собеседнику», однако наши данные позволяют дополнить круг употреблений частицы контекстами речевых актов разрешения, предложения и совета (по [Храковский, Володин 1986/2002]), зачастую выражающими незаинтересованность говорящего в ситуации (ср. «disinterested permission» в [Aikhenvald 2010: 115] в связи со схожими употреблением русск. *ну*).

- (3a) *ävi, mäläm mad-aš ke-äš li-eš?*
 мама.KIN я.DAT играть-INF идти-INF стать-NPST.3SG
- (3b) *ke-ø-äj, kü tән'-әм kәč-a.*
 идти-IMP.2SG-PTCL кто ты-ACC удерживать-NPST.3SG
 'Мам, а можно я поиграть пойду? — Да иди, кто тебя держит'.

За императивом *keäj* в (3) большинство информантов усматривает ситуацию, при которой мать «хочет отделаться» от ребенка, т. к. он постоянно путается под ногами и т. д. С другой

стороны, употребление *-aj* возможно и в контексте вежливой просьбы:

- (4) *knigä-m veremä-eš pu-ø-aj.*
книга-ACC время-LAT дать-IMP.2SG-PTCL
'Одолжи мне, пожалуйста, книгу'.

Частицы *-äma* и *-ok* также демонстрируют любопытные семантические эффекты в комбинации с императивом (в докладе они будут проанализированы подробно). По-видимому, *-äma* тяготеет к маркированию совета, в то время как *-ok* имеет более широкую сочетаемость с разными типами речевых актов и может снижать степень категоричности высказывания за счет сближения социальной дистанции между участниками коммуникации. В докладе будет показано, что данная функция *-ok* вписывается в инвариантное значение «эмфатического утверждения идентичности» (см. [König 1991]), которое возникает при взаимодействии этой частицы с другими типами грамматических конструкций (именные и послеложные группы, конвербы, коррелятивы и пр.).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; IMP — императив; INF — инфинитив; KIN — особый маркер для терминов родства; LAT — латив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PTCL — частица; SG — единственное число.

Литература

- Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории. // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5–50.
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ, М., 2005.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Храковский, Володин 2002 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: Едиториал УРРС, 2002. (1-е изд. Л.: Наука, 1986.)

- Aikhenvald 2010 — A. Aikhenvald. Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- König 1991 — E. König E. Identical values in conflicting roles: The use of German *ausgerechnet*, *eben*, *genau* and *gerade* as focus particles. // W. Abraham (ed.). Discourse Particles. Descriptive and Theoretical Investigations on the Logical, Syntactic and Pragmatic Properties of Discourse Particles in German. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Pub. Co., 1991. P. 11–36.

Г. А. Мороз, И. А. Зибер

НИУ ВШЭ, Москва

К ТИПОЛОГИИ СИСТЕМ СИБИЛЯНТОВ: ПАРАМЕТРЫ ВАРИАТИВНОСТИ [S]

1. Введение

Акустические характеристики фрикативных не раз становились предметом сравнительного изучения на материале многих языков, родственных и неродственных, например, [Nartey 1982; Dart 1991; Gordon et al. 2002]. В этих и других работах неоднократно отмечалась сильная вариативность альвеолярного фрикативного [s] у разных дикторов, предполагалось также, что для сибилантов и вовсе невозможно выделить общезыковой акустический инвариант, только относительное расположение на спектральной картине (обзор см. [Haley et al. 2010]). Причина этого в более сильном, чем у других согласных, влияние на спектр [s] особенностей строения тех участков речевого аппарата, которые задействованы в его производстве [Lammert et al. 2011]; в ряде работ (обзор см. [Fuchs et al. 2010]) обсуждались социофонетические и физиологические причины гендерных различий в произношении [s] в некоторых языках. Сибиланты также подвластны сильнейшему контекстному влиянию [Hughes, Halle 1956].

В то же время собственно вариативность [s] никогда количественно не оценивалась ни в речи нескольких дикторов, ни в речи одного диктора. Кроме того, акустические свойства сибилантов некоторых языков либо никогда прежде не становились предметом исследования, либо анализировались на материале речи одного диктора.

2. Исследовательская задача

Задача исследования – проанализировать акустическую вариативность [s] в речи одного диктора и в речи нескольких дикторов на материале генетически родственных и неродственных языков и выявить зависимость вариативности от различ-

ных факторов, в частности, от объема фонологической системы сибилантов.

3. Материал и методы исследования

Анализировались экспериментальные и полевые записи речи носителей языков России: русского (литературного), адыгейского (бжедугский и шапсугский диалекты), кабардинского, нанайского (найхинский и джуенский диалекты), удмуртского (бесермянский диалект) и чукотского (амгуэмский и анадырский говоры), а также вымершего убыхского, последние носители которого жили на территории Турции. Языки принадлежат к пяти языковым семьям и различаются по составу подсистемы фрикативных и, в частности, по числу различающихся глухих сибилантов (от одного до семи) и их дифференциальных признаков (локальный ряд, палатализация, веляризация, лабиализация, наличие второго фокуса).

Анализовалось качество [s] в интервокальной и начальной позициях перед открытым гласным; гласные выбирались таким образом, чтобы [s] не подвергался перед ними позиционной лабиализации или палатализации. Учитывались ближайший контекст, фразовая позиция, место по отношению к ударению, в ряде случаев — освоенность слова. Всего были проанализированы более 1000 произнесений 45 дикторов — носителей разных языков.

Спектральный анализ производится на основе двух сглаживающих преобразований: сглаживания при помощи кодирования с линейным предсказанием (LPC smoothing) и кепстрального сглаживания (cepstral smoothing). Кроме того, в качестве параметра вариативности рассматривался спектральный центр масс (spectral centre of gravity, COG). Автоматически анализировались центральные 60% звука.

4. Результаты и перспективы

Предварительные результаты анализа позволяют утверждать, что в спектральной картине [s] у разных дикторов в разных языках есть как относительно устойчивые составляющие, так и высоко вариативные. В частности, представляется,

что наличие или отсутствие высокоинтенсивного шума в промежутке от 0 до 5–6 кГц является основным параметром вариативности.

Рисунок 1. Сглаживание при помощи кодирования с линейным предсказанием: нанайский язык

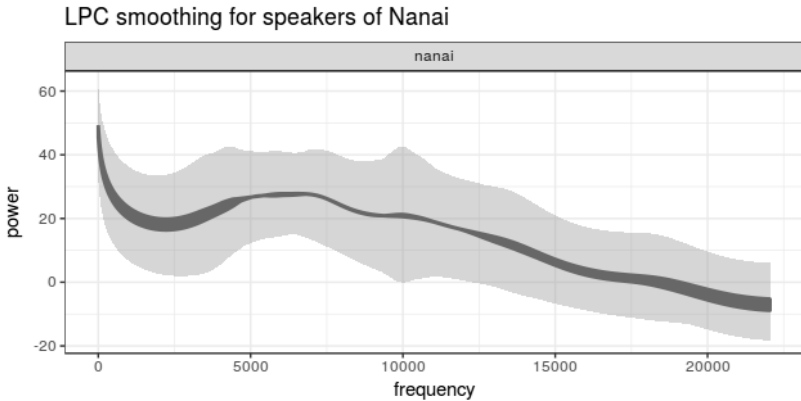
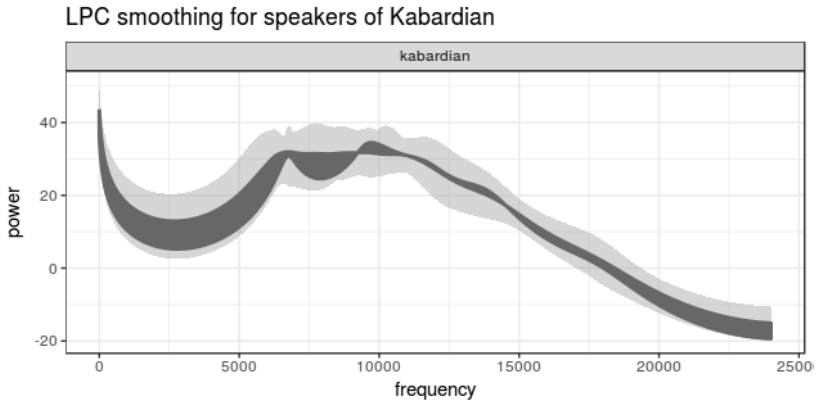


Рисунок 2. Сглаживание при помощи кодирования с линейным предсказанием: кабардинский язык



На Рис. 1 и 2 представлены результаты LPC-сглаживания спектра [s] в произношении носителей нанайского и кабардинского языков.) Возможно, мы можем предполагать некоторую зависимость степени вариативности от объема подсистемы сибии-

лянтов в языке. Так или иначе, несомненно тенденция к большей вариативности [s] в одних языках, чем в других, и многие причины этого распределения еще предстоит исследовать.

Литература

- Dart 1991 — S. Dart. Articulatory and Acoustic Properties of Apical and Laminal Articulations // *UCLA Working Papers in Phonetics* 79, 1991. P. 1–155.
- Fuchs, Toda 2010 — S. Fuchs, M. Toda. Do differences in male versus female /s/ reflect biological or sociophonetic factors? // A. Alexiadou, T. A. Hall (eds.). *Turbulent Sounds: An Interdisciplinary Guide*. Vol. 21. Berlin — New York, NY: Walter de Gruyter, 2010.
- Gordon, Barthmaier, Sands 2002 — M. Gordon, P. Barthmaier, K. Sands. A cross-linguistic acoustic study of voiceless fricatives // *Journal of International Phonetic Association* 32, 2002. P. 141–174.
- Haley, Seelinger, Mandulak, Zajac 2010 — K. L. Haley, E. Seelinger, K. C. Mandulak, D. J. Zajac. Evaluating the spectral distinction between sibilant fricatives through a speaker-centered approach // *Journal of Phonetics* 38, 4, 2010. P. 548–554.
- Hughes, Halle 1956 — G. W. Hughes, M. Halle. Spectral properties of fricative consonants // *Journal of the Acoustical Society of America* 28, 1956. P. 303–310.
- Ladefoged, Maddieson 1996 — P. Ladefoged, I. Maddieson. *The Sounds of the World's Languages*. Oxford: Blackwell, 1996.
- Lammert, Proctor, Katsamanis, Narayanan 2011 — A. Lammert, M. Proctor, A. Katsamanis, S. Narayanan. Morphological variation in the adult vocal tract: A modeling study of its potential acoustic impact // *Proceedings of Interspeech*, 2011. (<http://sail.usc.edu/care/pdfs/lammert2011morphological.pdf>)
- Nartey 1982 — J. N. A. Nartey. *On Fricative Phones and Phonemes*. PhD Thesis. University of California, Los Angeles, 1982.

М. А. Нагорная

МГУ, Москва

БУРЯТСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *ТЭРЭ*: УКАЗАТЕЛЬНОЕ ИЛИ АНАФОРИЧЕСКОЕ?¹

1. Введение

Местоимение *тэрэ* принято относить к классу указательных местоимений, т.к., находясь в именной группе с существительным в вершине, оно принимает значение ‘тот’: *тэрэ хун* ‘тот человек’. Тем не менее, как справедливо указано в грамматиках [Рорре 1960; Санжеев (ред.) 1962], *тэрэ* может употребляться и самостоятельно, заменяя отсутствующее в бурятском языке местоимение третьего лица. В таком случае оно обнаруживает определённые анафорические свойства, напоминающие свойства прономинала [Chomsky 1981].

2. В простом предложении

Находясь в позиции субъекта простого предложения, местоимение *тэрэ* получает референта дискурсивно и не может быть кореферентно выраженным участникам предложения:

- (1) *Бадм-ы-н аха-да тэрэ*
Бадма-CNT2-GEN брат-DAT тот
хайхашаа-гда-на
признавать.хорошим-PASS-PRS
‘Брату_i Бадмы_j нравится он(а)_{i*j}’.

Если *тэрэ* занимает несубъектную позицию, его референция также определяется дискурсивно, причем в этом случае оно не может быть кореферентно ни субъекту предложения, ни

¹ Данные были собраны в ходе лингвистических экспедиций в с. Барагхан респ. Бурятия в 2015–2017 гг. при поддержке гранта РФФИ № 17-04-18036е. Дальнейшая работа над материалом осуществлялась при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00536а.

прямому или дативному дополнению, ни посессору именной группы:

- (2) *Бадм-ы-н* *хамган тэрээн-дэ дура-тай*
Бадма-CNT2-GEN жена тот-DAT любовь-COM
'Жена Бадмы_i любит его*_i'.

3. В сложной предикации

В случае с номинализацией (3) местоимение *тэрэ* не может быть кореферентно ни субъекту внутренней, ни субъекту внешней предикации. В случае с финитной зависимой предикацией (клауза с комплементаризером *гэжэ*), кореферентность *тэрэ* субъекту матричной предикации возможна, причем с аккумулятивным подлежащим внутренней клаузы разрешается носителями охотнее, чем с номинативным (4):

- (3) *Түмэн Сэлмэг-эй тэрэн-ии-е*
Түмэн Сэлмэг-CNT тот-CNT2-ACC
зура-х-ы-е-нь *мэдэ-нэ*
рисовать-POT-CNT2-ACC-3 знать-PRS
'Түмэн хочет, чтобы Сэлмэг нарисовала его/ее (*Түмэна, *Сэлмэг)'.

- (4) *Түмэн Сэлмэг-ы-е тэрэн-ии-е зур-аа*
Түмэн Сэлмэг-CNT2-ACC тот-CNT2-ACC рисовать-PRT1
гэ-жэ *ханана*
говорить-CONV1 думать-PRS
'Түмэн хочет, чтобы Сэлмэг нарисовала его/ее (^{OK}Түмэна, *Сэлмэг)'.

4. Возможность семантического связывания

Если подлежащее матричной клаузы выражено кванторной ИГ, предложение с *тэрэ* может получить в том числе такую интерпретацию, при которой не имеет смысла говорить о кореферентности местоимения какому-либо референциальному выражению:

- (5) *Аха бүхэ-мни Дарима тэрээн-дэ дура-тай*
брат каждый-1SG Дарима тот-DAT любовь-COM

ГЭ-ЖЭ

ҺАНА-НА

говорить-CONV1 думать-PRS

‘Каждый мой брат думает, что Дарима его любит’.

В данном случае местоимение *тэрэ* может выступать в качестве связанной переменной, принимающей все значения из рассматриваемого множества учеников, в результате чего возможна такая интерпретация:

- (6) ‘Бадма_i думает, что Дарима любит его_i’;
‘Дугар_j думает, что Дарима любит его_j’;
И т. д.

В докладе мы также покажем, что *тэрэ*, находясь во вложенной клаузе, может быть кореферентно посессору субъекта матричной предикации, и в таком контексте также можно наблюдать семантическое связывание, несмотря на описанные в [Reinhart 1983] ограничения на синтаксический приоритет антецедента.

В целом, наши данные свидетельствуют о том, что местоимение *тэрэ* не только может употребляться в предложении самостоятельно, выражая кореферентность дискурсивно заданному участнику, но и в определенных контекстах может иметь антецедентом *с*-командующего участника (4) и получать интерпретацию связанной переменной (6).

Таким образом, мы приходим к выводу, что местоимение *тэрэ* следует рассматривать, прежде всего, как анафорическое местоимение третьего лица, обнаруживающее свойства прономинала.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; CONV1 — деепричастие; CNT/CNT2 — коннектив; COM — комитатив; DAT — датив; GEN — генитив; PASS — пассив; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT1 — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Санжеев (ред.) 1962 — Г. Д. Санжеев (ред.). Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1962.

- Chomsky 1981 — N. Chomsk. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris, 1981.
- Poppe 1960 — N. Poppe. Buriat Grammar [Uralic and Altaic Series 2]. The Hague: Indiana University Publications, 1960.
- Reinhart 1983 — T. Reinhart. Coreference and bound anaphora: A restatement of the anaphora questions // *Linguistics and Philosophy* 6, 1, 1983. P. 47–88.

П. Л. Наследкова, И. В. Неткачев

НИУ ВШЭ, Москва

ОБРАЗОВАНИЕ ПОРЯДКОВЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В нахско-дагестанских языках широко распространена особая стратегия образования порядковых числительных — с помощью причастной формы глагола «сказать»:

ЛЕЗГИНСКИЙ

(1) *q'wed lah-ay*

два сказать.AOR-AOP

‘второй’

[Haspelmath 1993: 233]

ХВАРШИНСКИЙ

(2) *q'wene-iʃʃ-u*

два-сказать-PTCP.PST

‘второй’

[Khalilova 2009: 175]

В настоящей работе мы предлагаем возможный сценарий распространения этой грамматикализации среди языков нахско-дагестанской семьи.

Способ образования порядковых числительных с помощью глаголов говорения типологически редок. Чтобы установить это, мы рассмотрели 20 неродственных языков из пяти ареалов (Азия, Америка, Африка, Европа, Полинезия). Только в одном языке из этой выборки порядковые числительные образуются с помощью аффикса, который, возможно, возводится к глаголу ‘сказать’ (суффикс *-wa* в языке ятмул [Jendraschek 2012: 139]).

Далее мы классифицировали порядковые числительные в нахско-дагестанских языках по способу образования:

1. образованные с помощью причастной формы ‘сказать’ (derived from ‘say’)

2. образованные с помощью атрибутивного суффикса (attributivization)

3. заимствованные (borrowed marking)

4. образованные с помощью суффикса с неизвестной этимологией (non-derivable)

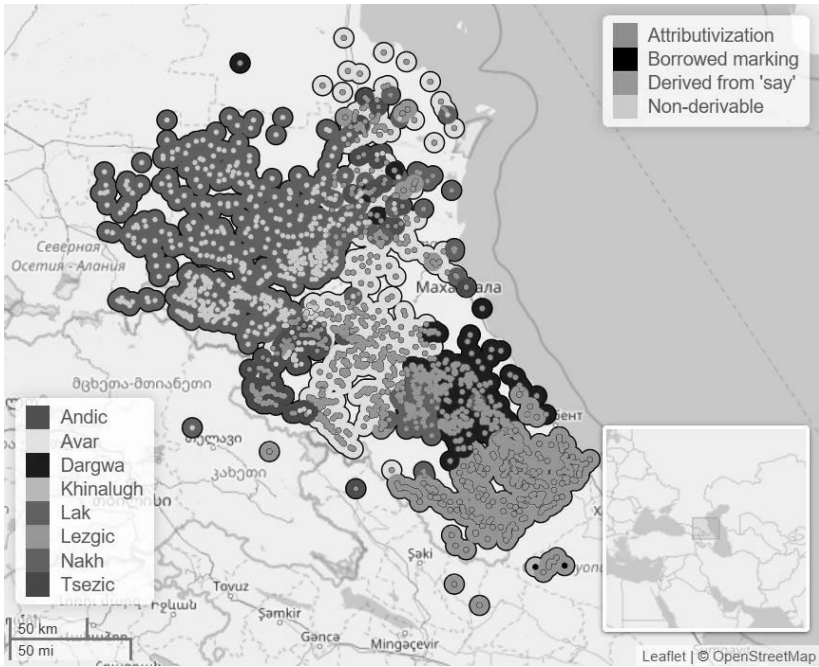
В группу «заимствованные» входят как языки с полностью заимствованными порядковыми числительными (например, хиналугский — см. [Дешериев 1959: 136]), так и с заимствованными аффиксами: *-umži/-unži* в удинском ([Schulze, ms.: 280], азербайджанское заимствование).

С помощью пакета *lingtypology* для R [Moroz 2017] мы создали карту на базе нашей классификации — см. Рис. 1.

Стратегия образования порядковых числительных с помощью глагола говорения, вероятно, не могла быть унаследована из пранахско-дагестанского языка: например, согласно [Starostin 2015], *luhun* ‘сказать’ в лезгинском восходит к праформе **=iʔwV*, а *ila* ‘сказать’ в хваршинском возводится к праформе **HiL_V* (~ *-ä-*). Более того: этимология форманта порядковых числительных в большинстве случаев прозрачна, и причастная форма от ‘сказать’ как минимум в части случаев может употребляться отдельно. Если бы стратегия с глаголом ‘сказать’ была унаследована из праязыка, то глаголы говорения в формантах порядковых числительных, вероятно, возводились бы к одному корню; они были бы менее морфологически анализируемы.

В работе [Майсак 2016] рассматриваются примеры грамматикализации, общие для лезгинских языков; грамматикализация глагола говорения в показатель порядковых числительных рассматривается как ареальный ‘тренд’ языков лезгинской ветви [Там же: 615]. Исходя из ареального распределения языков, использующих стратегию со ‘сказать’, мы предполагаем, что стратегия с глаголом говорения получила распространение в результате языковых контактов (в терминах [Heine, Kuteva 2010: 97] наш ареал можно считать т. н. “grammaticalization area”), а общее происхождение и структурное сходство нахско-дагестанских языков ускорило распространение грамматикализации [Heine, Kuteva 2005: 184].

Рисунок 1. Классификация нахско-дагестанских языков по способу образования порядковых числительных



Список условных сокращений

AOP — aorist participle; AOR — aorist; PST — past; PTCP — participle.

Литература

- Дешириев 1959 — Ю. Д. Дешириев. Грамматика хиналугского языка. М.: Издательство АН СССР, 1959.
- Майсак 2016 — Т. А. Майсак. Типологическое, внутригенетическое и ареальное в грамматикализации: данные лезгинских языков // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XII, 1, 2016. С. 588–618.
- Jendraschek 2012 — G. Jendraschek. A Grammar of Iatmul. Regensburg: University of Regensburg, 2012.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A Grammar of Lezgian. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1993.

- Heine, Kuteva 2005 — B. Heine, T. Kuteva. *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Heine, Kuteva 2010 — B. Heine, T. Kuteva. *Contact and Grammaticalization* // R. Hickey (ed.). *The Handbook of Language Contact*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. *A Grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT, 2009.
- Moroz 2017 — G. Moroz. *Lingtypology: Easy Mapping for Linguistic Typology*. (<https://ropensci.github.io/lingtypology/>)
- Schulze, ms. — Schulze, W. *A functional grammar of Udi*. Manuscript.
- Starostin 2015 — S. Starostin. *The Tower of Babel: An Etymological Database Project. Sino-Caucasian Etymology. North Caucasian Etymology* (<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\cauc\caucet&first=1>).

В. И. Наумов, А. А. Козлов

*НИУ ВШЭ — Филипповская школа, ИЯз РАН — НИУ ВШЭ,
Москва*

МОЖНО И НУЖНО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИМПЕРАТИВ В ЧУКОТСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Настоящий доклад посвящен способам выражения деонтических вопросов в чукотском языке. Под *деонтическими вопросами* мы понимаем речевые акты (а) испрашивания позволения ('Могу ли я?') и (б) осведомления о долженствовании ('Должен ли я?'). Специфика выражения «деонтических вопросов» в чукотском состоит в том, что в обеих этих функциях выступают формы, которые употребляются в утвердительных предложениях совсем в других значениях.

Для выражения **вопроса о долженствовании** употребляется форма **императива 1 лица**. В чукотском языке морфологическая парадигма императива включает в себя, помимо канонических форм второго и третьего лица, форму первого лица единственного числа. Она является основным средством для выражения будущего действия говорящего и составляет в этой функции конкуренцию обычной форме будущего времени. В нулевом контексте (при отсутствии временных наречий) высказывание с формой императива, в отличие от формы футурума, порождает импликацию о немедленном совершении действия [Волков и др. 2016], ср. (1a) и (1b):

(1a) *tə-r-ajmə-γʔa*

1SG.S/A-FUT-ходить.за.водой-TH
'Схожу за водой'.

(1b) *m-ajmə-γʔa-k*

1SG.S/A.IMP-ходить.за.водой-TH-1SG.S
'Схожу за водой (сейчас)!'

То, что это действительно императив 1 лица, а не форма со значением намерения, как трактует ее В. П. Недялков [Nedjalkov 1994], показывают жесткие ограничения на появление этой фор-

мы в зависимых предикациях — например, она невозможна в фативных сентенциальных актантах — в вложенной клаузе при безличном матричном глаголе *ləyi* ‘известно’ (2), а также в придаточных причины (3).

- (2) *ənan ləyi, iŋqun eryatək*
 он.INS известно, что завтра
 **mə-lqət-yʔe-k* /^{OK}*t-re-lqət-yʔe*
 1SG.S/A.IMP-идти-ТН-1SG.S /1SG.S/A-FUT-идти-ТН
nəmnəm-etə
 поселок-DAT
 ‘Он знает, что я поеду завтра в поселок’.

- (3) *eryatə-k qəram mə-miysiretə-k, qeluk*
 завтра NEG.FUT 1SG.S/A.IMP-работать-1SG.S, потому.что
 **m-ekwet-yʔe-k*
 1SG.S/A.IMP-отправляться-1SG.S
 /^{OK}*t-r-ekwet-yʔe* *elyə-qanjaw-etə*
 /1SG.S/A-FUT-идти-ТН белый-овраг-DAT
 ‘Я не смогу завтра работать, потому что поеду в Эгвекиног’.

Ср. поведение русского интенционального глагола *собираться*, который может возглавлять любые зависимые предикации: ^{OK}*Он знает, что я собираюсь поехать завтра в поселок.*

Для анализа семантики этой формы легче всего было бы применить теорию П. Портнера [Portner 2004], согласно которой обычная императивная клауза второго лица обозначает действие, которое слушающий должен добавить в так называемый “TO-DO list”. Тогда императив 1 лица представляет собой перформативное высказывание, произнося которое, в свой собственный “TO-DO list” добавляет действие сам говорящий.

Однако при появлении специфической вопросительной интонации императив 1 лица означает вопрос о долженствовании:

- (4) *m-utsitku-yʔe-k?*
 1SG.S/A.IMP-колоть.дрова-ТН-1SG.S
 ‘Мне надо наколоть дров?’

Для выражения вопроса о деонтической **возможности** употребляется аналитическая форма **оптатива**. Оптатив в чукот-

ском языке во всех трёх лицах выражается с помощью сочетания тех же форм императива и частицы *iwke*:

- (5) *iwke mə-qametwa-yʔa-k!*
ОПТ 1SG.S/A.IMP-есть-ТН-1SG.S
'Поесть бы мне!'
- (6) *iwke q-uŋet-y-i*
ОПТ 2.S/A.IMP-ходить.за.хворостом-IRR-2/3SG.S
'Вот бы ты сходил за хворостом!'

В вопросительном предложении форма оптатива 1 лица употребляется для испрашивания разрешения:

- (7) *iwke mə-qeŋt-uwiswetə-k?*
ОПТ 1SG.S/A.IMP-мяч-играть-1SG.S
'Можно я поиграю в мяч?'

С типологической точки зрения употребление императивной формы в вопросе не ожидается (ср. выводы А. Звики и Г. Садока [Zwicky, Sadock 1985]). Эти интуиции легко формализовать: если, согласно Портнеру, императивная клауза обозначает действие, которое субъект императива (в случае императива 2 лица — слушающий, а в случае 1 лица — говорящий) должен добавить в "TO-DO list", то императивное высказывание представляет собой совсем другой объект, чем декларативное — с семантической точки зрения оно является свойством, а не пропозицией; поэтому императивы и не могут употребляться в вопросах — в соответствии с общепринятым анализом вопросительных предложений [Hamblin 1973; Rooth 1995] любой вопрос обозначает множество пропозиций, являющихся возможными ответами на него. Следовательно, анализ П. Портнера в применении к чукотскому материалу нуждается в пересмотре.

Таким образом, чукотские формы императива и оптатива демонстрируют довольно неожиданную полифункциональность. В докладе мы представим и разовьём анализ, объясняющий такую, на первый взгляд, радикальную реинтерпретацию модальных форм в вопросительных клаузах.

Литература

- Волков и др. 2016 — О. С. Волков, И. В. Наумов, М. Ю. Пупынина. Показатели футурально-перспективной зоны в чукотско-камчатских языках. Устный доклад на «Рабочем совещании по типологии футурально-перспективной семантической зоны», ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2016 г.
- Hamblin 1973 — Ch. L. Hamblin. Questions in Montague English // *Foundations of Language* 10, 1973. P. 41–53.
- Nedjalkov 1994 — V. Nedjalkov. Tense-aspect-mood forms in Chukchi // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 47, 1994. P. 278–354.
- Portner 2004 — P. Portner. The semantics of imperatives within a theory of clause types // K. Watanabe, R. Young (eds.). *Proceedings of SALT XIV*. Ithaca, NY: CLC Publications, Cornell University, 2004.
- Rooth 1992 — M. Rooth. A theory of focus interpretation // *Natural Language Semantics* 1, 1992. P. 75–116.
- Sadock, Zwicky 1985 — J. M. Sadock, A. M. Zwicky. Speech act distinctions in syntax // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1: Clause Structure. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. P. 155–196.

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, ИРЯ РАН, Москва

КОНКУРЕНЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГЛАГОЛЬНОГО ОТРИЦАНИЯ В ЗОНЕ ПРОШЛОГО В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Нанайский язык (< тунгусо-маньчжурские) обладает богатой системой средств выражения глагольного отрицания, см. [Аврорин 1961; Оскольская, Стойнова 2016], причем эта система не симметрична куда более бедной положительной ни формально, ни семантически. Особенное разнообразие отрицательных показателей наблюдается в зоне прошедшего времени. К зоне прошлого относится не менее пяти основных конструкций, а также их модификации:

(A) *əčʲiə* V-NEG(-PERS)

əčʲiə niru-ə-ni
'не написал'

(A') *əčʲiə*=EMPH V-NEG

əčʲiə=də niru-ə
'(еще) не написал'

(A'') *əčʲiəl* V-NEG

əčʲiəl niru-ə
'пока не написал'

(B) V-NEG-PST-PERS

niru-ə-čʲi-ni
'не написал'

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 16-34-01015a2 «Отрицание в башкирском, калмыцком и нанайском языках и его взаимодействие с видом и временем».

- (B') V-NEG-EMPH-PST-PERS
niru-ə-də-č'i-ni
 'даже не написал'
- (C) əm V-NEG делать-PST-PERS
əm niru-ə ta-xa-ni
 'не написал'
- (C') əm V-NEG быть-PST-PERS
əm niru-ə bi-č'i-ni
 'не написал'
- (D) V-CVB.SIM=dA нет-(PERS)
niru-m=də aba(-ni)
 'не написал'
- (E) V-NEG-PRS быть-PST
niru-ə-si bi-č'i
 'раньше не писал'

Цель доклада — установить, как именно распределены все эти единицы. Первичный анализ показывает, что а) достаточно широка область свободного варьирования, б) выбор конструкции не всегда предопределяется семантикой, а в том случае, когда семантические различия есть — они достаточно тонкие, в) правила использования конструкций и сам их инвентарь различаются как по говорам, так и по отдельным носителям.

Исследование основано на данных двух наиболее сохранных говоров — джуенского и найхинского, собранных методом элицитации в 2016–2017 гг.

2. Отдельные предварительные результаты

Наиболее нейтральной конструкцией для отрицания ситуации в прошлом является конструкция А.

В найхинском говоре также зафиксированы конструкции А', В, В', D. Конструкции В' и D требуют специального эмфатического контекста. Конструкция А' употребляется в контексте

‘еще не’. Конструкция С носителями найхинского говора не признается.

Конструкция В употребляется в нейтральных контекстах, так же, как и конструкция А. Однако конструкция В допускается не всегда. Для того, чтобы выяснить, что может влиять на допустимость этой конструкции, носителям предлагалось оценить возможность ее употребления для около 40 различных глаголов. Полученные данные не выявили предполагаемой корреляции допустимости конструкции В с акциональной характеристикой глагола. При этом наблюдается взаимосвязь с уровнем компетенции носителя: более пожилые носители чаще допускают употребление глаголов в этой конструкции.

В джуенском говоре конструкции В и D малоупотребительны. Сочетание конструкции А с эмфатической частицей =dA (A') не конвенционализировано в отдельную конструкцию со значением ‘еще не’. Это значение выражается другой конструкцией — с частицей əciəl (A"). В джуенском говоре также зафиксированы две схожие конструкции С и С' и конструкция Е, формально симметричная положительной конструкции имперфекта. Конструкция Е, ожидаемым образом, закреплена за привычными и прогрессивными контекстами. Конструкции С и С' отличаются от нейтральной конструкции А дополнительные компоненты а) нарушение ожиданий (‘должен был, но не V’) и б) импликация о дальнейшей нереализации ситуации (‘не сделал V и, вероятно, не будет делать V’). В большинстве употреблений С и С' взаимозаменяемы. Наблюдаются, однако, следующие предпочтения, связанные с классом глагола и с аспектуальной интерпретацией глагольной формы. 1) Значение отсутствия результата (‘начал делать, но так и не сделал’) выражается конструкцией С для неконтролируемых глаголов и конструкцией С' для контролируемых. 2) Генерическую или экспериенциальную интерпретацию (‘никогда раньше такого не делал’, ‘раньше такого не делали’) может иметь конструкция С', но не С. 3) Для некоторых глаголов конструкция С предпочитается С' в контекстах отказа от намерения (‘хотел было, но не стал делать’). Перечисленные обобщения сделаны на материале данных элицитации по около 30 глаголам, различающимся акциональными и семантическими свойствами.

В докладе представленные параметры будут рассмотрены более подробно, также будут обсуждаться некоторые дополнительные факторы, такие как морфологический тип глагола. Приведенные данные будут обобщены и проанализированы с точки зрения диалектного разнообразия, а также в контексте языковых изменений и социолингвистической ситуации постепенной утраты языка.

Список условных сокращений

CVB — деепричастие; EMPH — эмфатическая частица; NEG — отрицание; PERS — лично-числовой показатель; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SIM — одновременность; V — глагол.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Наука, 1961.
- Оскольская, Стойнова 2016 — С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке // М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции. Москва: МПГУ, 2016. С. 211–231.

РЕФАКТИВ(Ы?) В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В грамматике абазинского языка [Табулова 1976: 205–206] говорится о двух показателях рефактива: суффиксе *-x-* и префиксе *-ata-*. Семантика суффикса *-x-* была подробно описана в работе [Авидзба 1968], однако оставалось непонятным, какое значение добавляет регулярно появляющийся с *-x-* префикс *-ata-*. В данной работе, основанной на материале, собранном в июле 2017 г. в ходе экспедиции НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукур Абазинского р-на респ. Карачаево-Черкессия, я покажу, что в абазинском языке существует два показателя рефактива и разница между ними заключается в сфере действия. Один из рефактивов выражается суффиксом *-x-*, а другой — комбинацией префикса *-ata-* с суффиксом *-x-* (далее *-ata-+-x-*).

Рефактив *-ata-+-x-* имеет репетитивное значение («сделать еще раз» [Стойнова 2013: 35]) (1), причем внутренняя структура ситуации, обозначаемой глаголом, для *-ata-+-x-* не видна.

- (1) *a-çəjs* *a-ʕʷara* *j-ata-ʕa-pssʕa-x-t*
DEF-птица DEF-гнездо 3N.ABS-RE.EMP-DIR-лететь-RE-DYN
‘Птица опять прилетела в гнездо’.

Рефактив *-x-*, напротив, может модифицировать внутреннюю структуру ситуации, в частности, глаголы с *-x-* регулярно получают значение редитива («вернуться в исходную точку» [Стойнова 2013: 35]) или комплетива («завершить») (2).

- (2) *a-çəjs* *a-ʕʷara* *j-ʕa-pssʕa-x-t*
DEF-птица DEF-гнездо 3N.ABS-DIR-лететь-RE-DYN
‘Птица вернулась в гнездо’/‘Птица долетела до гнезда’.

В случае, если семантика глагола не допускает редитивной или комплетивной интерпретации, глагол с *-x-* получает репетитивное значение и, соответственно, разница между двумя рефактивами нейтрализуется (3).

- (3) *a-š j-ata-pč-x-t*
 DEF-дверь 3N.ABS-RE.EMP-ломаться-RE-DYN
 /*j-pčə-x-t*
 /3N.ABS-ломаться-RE-DYN
 ‘Дверь опять сломалась’.

Значения двух рефактивов могут совмещаться. Рефактив *-x-* с релативным значением в этом случае оказывается в сфере действия рефактива *-ata-* + *-x-* с репетитивной интерпретацией (4а). Однако морфологически этот случай не отличим от чистого рефактива *-ata-* + *-x-* (4б), поэтому такие формы полисемичны.

- (4) *awəj a-h^wrapšza j-ata-jə-s-t-x-t*
 DIST DEF-цветок 3N.ABS-RE.EMP-3M.ERG-давать-RE-DYN
 а. ‘Я опять вернула ему цветок’.
 б. ‘Я опять дала ему цветок’.

В работе будут также рассмотрены сочетания рефактивов с другими деривационными аффиксами, на некоторые из которых наложены ограничения. В частности, суффикс рефактива *-x-* всегда предшествует показателю итератива *-la-* (5) и обратный порядок с соответствующей сферой действия невозможен (6).

- (5) *sara a-knəjga s-ata-px'a-x-l-əj-t*
 я DEF-книга 1SG.ERG-RE.EMP-читать-RE-ITER-PRS-DYN
 ‘Я часто перечитываю эту книгу’. (итератив > рефактив)

- (6) **aslan j-axš'a l-pnə*
 Аслан 3M.IO-сестра 3F.IO-к
d-ata-ša-j-la-x-t
 3N.ABS-RE.EMP-DIR-идти-ITER-RE-DYN
 #‘Аслан снова стал часто приходить к сестре’. (*рефактив > итератив)

В целом же, рефактивы в абазинском языке представляют собой интересный пример минимальной пары по критерию доступности для аффикса информации о внутренней структуре ситуации, что можно описывать как различие в сфере действия.

Литература

- Авидзба 1968 — З. Х. Авидзба. Функция суффикса -х- в глаголах абхазского и абазинского языков // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института V, 1968. С. 141–157.
- Стойнова 2013 — Н. М. Стойнова. Показатели рефактива. М.: Аст-пресс, 2013.
- Табулова 1976 — Н. Т. Табулова. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.

А. Ч. Пиперски

НИУ ВШЭ — РГГУ, Москва

**ОПОМНИСЬ, БОГ С ТОБОЮ:
ВАРИАТИВНОСТЬ ТИПА МНОЙ/МНОЮ ОБУСЛОВЛЕНА
ФОНОЛОГИЧЕСКИ И ГРАММАТИЧЕСКИ¹**

Посетитель сайта Gramota.ru спрашивает:

Скажите, пожалуйста, как пишется: *издаваемом мной журнале* или *издаваемом мною журнале*? Речь идет о мужчине.

Редакторы отвечают:

Предпочтительна форма *мной*. Вариант *мною* считается устаревшим. [Gramota.ru: Справочное бюро]

Проверим, насколько такое указание соответствует современному узусу. По счастью, нормативные предписания в этом вопросе не слишком жестки, так что письменные тексты могут служить достоверным источником знаний о том, как употребляются вариативные формы творительного падежа личных местоимений: *мной/мною, тобой/тобою, ей/ею*.

На первый взгляд эта вариативность кажется свободной или стилистической: ср. выше «считается устаревшим»; «[в]арианты *мною* и *тобою* встречаются в особых условиях, главным образом, в стихотворной речи, где выбор их бывает обусловлен ритмическими и мелодическими требованиями» [Грамматика-1960: I, 387]. Однако исследователи обращали внимание на различную частотность форм на *-ю* и *-й* у разных местоимений: Л. К. Граудина и др. [2001: 342–344] указывают, что в письменной речи используются почти исключительно форма *ею*. Кроме того, отмечается также предпочтение форм на *-ю* при пассиве [Там же; Dunn, Khairov 2009: 149].

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

Чтобы проверить и уточнить эти утверждения, мной(-ю) было проведено корпусное исследование. Материалом для него послужил корпус *Araneum Russicum Maximum* объемом 11 млрд словоформ [Benko 2014]. Корпусные контексты для местоимений *мною/мною, тобой/тобою, ей/ею* были разделены на три типа:

1) **пассивный** — творительный падеж агенса при пассиве или при номинализации: *сделано мной/мною, рассмотрение мной/мною заявлений*;

2) **приглагольный** — творительный падеж управления глаголов (а также прилагательных), не обусловленный пассивной конструкцией: *восхищаться мной/мною, доволен мной/мною*;

3) **припредложный**: *со мной/мною* и т. п.

Величина корпуса такова, что не позволяет проанализировать все примеры вручную. Поэтому я разметил по 200 примеров для форм *тобою, тобой, мною, мной* и *ею*, 1000 примеров для формы *ей* (т. к. значительная часть из них не относится к творительному падежу), а также обработал частотные списки сочетаний «предлог + *ней/нею*», что позволило получить следующие оценки частотности:

Таблица 1. Частотность употребления разных форм в зависимости от контекста

	Контекст			Всего
	Пассивный	Приглагольный	Припредложный	
<i>тобою</i>	10 тыс. (32%)	4 тыс. (20%)	43 тыс. (11%)	57 тыс. (13%)
<i>тобой</i>	21 тыс. (68%)	16 тыс. (80%)	352 тыс. (89%)	389 тыс. (87%)
<i>мною</i>	156 тыс. (59%)	12 тыс. (33%)	56 тыс. (8%)	224 тыс. (22%)
<i>мной</i>	108 тыс. (41%)	24 тыс. (67%)	668 тыс. (92%)	800 тыс. (78%)
<i>(н)ею</i>	122 тыс. (92%)	208 тыс. (72%)	82 тыс. (8%)	412 тыс. (29%)
<i>(н)ей</i>	11 тыс. (8%)	79 тыс. (28%)	921 тыс. (92%)	1011 тыс. (71%)

Видно, что доля форм на *-ю* растёт при движении сверху вниз (от *тобою* к *ею*) и справа налево (от припредложных

контекстов к пассивным)². Таким образом, пассивные контексты действительно предпочитают формы на *-ю*. А неодинаковые частоты у разных местоимений объясняются соображениями фонологического веса: короткое местоимение *ей* (3 звука) более склонно приобретать дополнительный звук, чем более длинные *мной* (4 звука) и тем более *тобой* (5 звуков).

В некотором смысле можно даже сказать, что в русском языке есть по крайней мере три разных творительных падежа. Если пользоваться идеей однопадежного ряда А. А. Зализняка [1967: 40], но уточнить, что в контекст подставляются не словоформы, а функции вероятности для словоформ, получаем:

«эргативный»: *Дом строится рабочими, матерью*, {*мной*: 41%; *мною*: 59%}, {*тобой*: 68%; *тобою*: 32%}, {*ей*: 8%; *ею*: 92%}, ...

«приглагольный»: *Петя восхищается рабочими, матерью*, {*мной*: 67%; *мною*: 33%}, {*тобой*: 80%; *тобою*: 20%}, {*ей*: 28%; *ею*: 72%}, ...

«припредложный»: *Я стою рядом с(о) рабочими, матерью*, {*мной*: 92%; *мною*: 8%}, {*тобой*: 89%; *тобою*: 11%}, {*ней*: 92%; *нею*: 8%}, ...

В духе [Marantz 1991] можно было бы говорить об одном зависимом и двух лексических падежах — но и без этого факт остается фактом: варьирование типа *мной/мною*, которое на первый взгляд кажется свободным или стилистическим, на самом деле обусловлено фонологически и грамматически.

Литература

- Грамматика-1960 — В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов (ред.). Грамматика русского языка. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Граудина и др. — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи: стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2001.
- Зализняк 1967 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

² Единственное исключение — слишком высокая доля припредложного *тобою*, но это объясняется тем, что значительная часть таких форм отсылает к христианскому богу (*пред Тобою*, *с Тобою* и т. п.).

- Benko 2014 — V. Benko. Aranea: Yet another family of (comparable) web corpora // P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala (eds.). Text, Speech and Dialogue: 17th International Conference, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Cham: Springer, 2014. P. 247–256.
- Dunn, Khairov 2009 — J. A. Dunn, S. Khairov. Modern Russian Grammar: A Practical Guide. New York: Routledge, 2009.
- Gramota.ru: Справочное бюро. Вопрос № 239405. (<http://new.gramota.ru/spravka/buro>)
- Marantz 1991 — A. Marantz. Case and licensing // G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae (eds.). Eastern States Conference on Linguistics, Baltimore. Columbus: Ohio State University, 1991. P. 234–253.

П. С. Плешак

МГУ, Москва

НЕМАРКИРОВАННЫЕ ЗАВИСИМЫЕ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Одним из именных зависимых в мокшанском языке (финно-угорский, уральский) является неоформленное имя, распространённое и в других уральских языках [Цыганов 1964]. Однако собранные нами в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в с. Лесное Цибяево и Лесное Ардашево (Темниковский р-н, Мордовия) данные показывают, что в современном мокшанском конструкции с неоформленными именами являются маргинальными, ограниченными семантически и должны анализироваться как композиты (типологический обзор последних см. в [Bauer 2006]).

Референтные зависимые, такие как посессоры, маркируются в мокшанском определённым генитивом, а генерические — неопределённым (1).

- (1) *ava-t'* *sumka-c* */#ava-n'*
женщина-DEF.SG.GEN сумка-3SG.POSS.SG /женщина-GEN
sumka-s' *pra-s'*
сумка-DEF.SG упасть-PST.3SG
'Сумка женщины /#женская сумка упала'.

При выражении некоторых отношений, таких как часть-целое (2), субстанция (*пишная каша*), место (*полевой цветок*), качество (*солнечный свет*), неоформленное зависимое конкурирует с генитивным.

- (2) *kelu* */*keluf-t* *lopa-n'ε-t'n'ə* *salava-n'ε*
береза /береза-PL лист-DIM-DEF.PL тихо-DIM
pra-j-t'
падать-NPST.3-PL
'Березовые листья медленно падают'.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-24-17003.

Немаркированные зависимые обладают особыми морфосинтаксическими свойствами: они не могут присоединять показатели числа (2) или посессивности, не имеют собственных зависимых (3) и не отделимы от вершины.

- (3) *mon mol'-ən'* (**pičə*) *vir' ki-va*
 я идти-PST.1SG сосна лес дорога-PROL
 'Я шел по (*сосново) лесной дороге'.

Одушевленные зависимые в нормальном случае не бывают немаркированными.

- (4) *id'-(ə'n')* *ked'-s'* *jomla-n'ε*
 ребенок-GEN рука-DEF.SG маленький-DIM
 'Детская рука маленькая'.

В мокшанском языке есть также следующая тенденция: в качестве собственных модификаторов генитивные зависимые чаще имеют неоформленные имена. В этом случае возможными становятся даже неоформленные одушевлённые зависимые (ср. (4) и (5)).

- (5) *šugar-t'* *lank-s* *lac'* *id'-OK(ə'n')*
 песок-DEF.SG.GEN на-ILL остаться.PST.3SG ребёнок-GEN
ked'lapa-n' *vastə*
 рука-GEN место
 'След детской руки остался на песке'.

Относительно возможности быть немаркированными, зависимые делятся на три группы, соответствующие определенным группам семантических отношений:

- 1) зависимое может быть немаркированным только как модификатор зависимого в неопределенном генитиве (ср. (4) и (5));
- 2) зависимое должно быть немаркированным как модификатор зависимого в неопределенном генитиве (ср. (2) и (6))
- 3) зависимое не может быть немаркированным (например, отношение материала в (7)).

- (6) *vas'ε t'i-s'* *keluv-(ə'n')* *lopa-n'* *nastojka*
 Вася делать-PST.3SG береза-GEN лист-GEN настойка
 'Вася сделал настойку из березовых листьев'.

- (7) *šufta-*(n')* *s'ec'* *pal-s'*
 дерево-GEN мост.DEF.SG гореть-PST.3SG
 'Деревянный мост сгорел'.

В структурном плане немаркированные зависимые являются неветвящимися именными вершинами — наименьшей структурой в ИГ. Похожая ситуация наблюдается в татарской первой изафетной конструкции (ИК-1) [Лютикова, Перельцвайг 2015].

В [Harley 2009] предлагается анализировать композиты как инкорпорацию одной именной вершины в другую. В свою очередь Мукай [Mukai 2015] на материале рекурсивных композитов отказывается от инкорпорации, предлагая анализ с позиции Теории Фаз, где именные корни надстраиваются над вершиной, образуя иерархическую структуру. Мы покажем, что для мокшанского наиболее логичным оказывается анализ композитов с инкорпорацией.

Литература

- Лютикова 2015 — Е. А. Лютикова, А. М. Перельцвайг. Структура именной группы в безартиклых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания 3, 2015. С. 52–69.
- Цыганов 1964 — Н. Ф. Цыганов. Абсолютная (внепадежная) форма // Ученые записки 43. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1964. С. 179–191.
- Harley 2009 — Н. Harley. Compounding in distributed morphology // R. Lieber, P. Stekauer (eds.). The Oxford Handbook of Compounding. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 129–144.
- Bauer 2006 — L. Bauer. Compound. Linguistics and Philosophy, 17. 2006, P. 329–342.
- Mukai 2015 — M. Mukai. Word formation in Phase Theory // A. Biggs, M. Li, A. Wang, C. Zhang (eds.). The Second Asian and European Linguistic Conference Proceedings. Newcastle: Newcastle University, 2015. P. 84–95.

Д. М. Рахман
НИУ ВШЭ, Москва

ВЛИЯНИЕ НЕАККУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ НА СИСТЕМУ ЦЕЛЕВЫХ КЛАУЗ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Факторами, влияющими на возможность опущения или, наоборот, поверхностного выражения субъекта целевых клауз в языках мира, являются 1) форма глагола придаточной клаузы (далее ПК); 2) наличие в главной клаузе (далее ГК) участника, кореферентного субъекту ПК, и 3) семантическая роль этого участника [Shmidtke-Bode 2009].

Горномарийские целевые инфинитивные клаузы, на первый взгляд, противоречат этому наблюдению, и демонстрируют наличие дополнительного фактора, влияющего на возможность опущения субъекта. В данном исследовании это предположение оспаривается, а также предлагается альтернативное описание системы, разрешающее противоречие между типологическими ожиданиями и языковыми данными.

Горномарийская целевая инфинитивная клауза в первую очередь необычна тем, что содержит ненулевое подлежащее в дательном падеже, которое в ряде случаев может опускаться². Наблюдению [Shmidtke-Bode 2009] противоречат (на первый взгляд) целевые клаузы с подлежащим, кореферентным объекту ГК.

¹ Исследование проведено при поддержке программы 16-06-00536 А — «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

² О подлежащем характере дативного актанта (или заменяющего его нуля) в подобных клаузах свидетельствует его способность контролировать референцию рефлексива, нулевого подлежащего деепричастного оборота и PRO сентенциального актанта, а также обязательность его поверхностного выражения в некоторых случаях. О маркированности нуля дативом свидетельствуют конструкции с интенсификатором, принимающим падеж своего контролера: при контролируемости нулем интенсификатор маркирован дативом.

В таких конструкциях подлежащее может быть опущено только при неаккузативном глаголе ПК (1a), что является типологически неожиданным фактором:

(1a) (*tädälän*) *uraš manân mән' püšängä-m*
 он-DAT упасть-INF чтобы я дерево-ACC
ro-e-m
 рубить-NPST-1SG
 ‘Я рублю дерево, чтобы оно упало’.

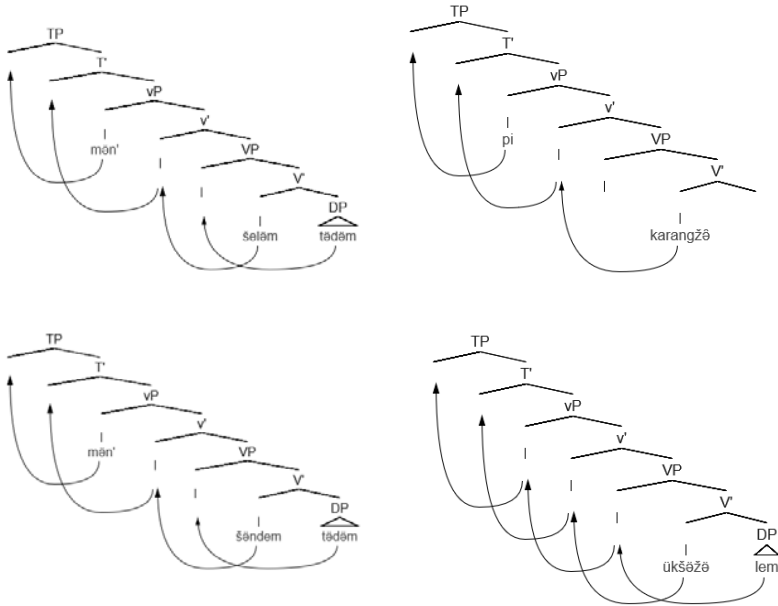
(1b) *(*tädälän*) *karang-aš manân mән' pi-m*
 он-DAT отойти-INF чтобы я собака-ACC
šel-ä-m
 ударить-AOR-1SG
 ‘Я ударил собаку, чтобы она отошла’.

Для того, чтобы показать, что зависимость возможности опустить подлежащее ПК от неаккузативности глагола ПК не противоречит наблюдению Schmidtke-Bode, рассмотрим примеры (2a–b). В них цель выражается с помощью императивной клаузы, структура которой в той или иной степени совпадает с финитной.

(2a) [*lem ükšä-žä manân*] *mән' tädä-m/∅*
 суп остыть-IMP.3SG чтобы я он-ACC
xolodil'nik-äš šänd-e-m
 холодильник-ILL убрать-NPST-1SG
 ‘Я уберу суп в холодильник, чтобы он остыл’.

(2b) [*pi karang-žä manân*] *mән' tädä-m/*∅*
 собака отойти-IMP.3SG чтобы я он-ACC
šel-äm
 ударить-AOR-1SG
 ‘Чтобы собака отошла, я ее ударил’.

В примере (2a) прямой объект ГК может быть заменен нулевым анафорическим местоимением, а в примере (2b) — нет. В обоих примерах прямой объект ГК появляется в комплементе V — в позиции прямого объекта. Однако в примере (2b) подлежащее ПК появляется только в SpescvP, в то время как в (2a) оно изначально появляется в позиции прямого дополнения и лишь затем перемещается в SpescvP.



Таким образом, в (2a) возможность использования нулевого местоимения может объясняться совпадением позиции объекта ГК и изначальной позиции субъекта ПК, чего мы не наблюдаем в (2b). Это свидетельствует о том, что субъекты неаккузативных глаголов в горномарийском языке сохраняют часть свойств, присущих объектам переходных глаголов — например, способность приводить к эллиптическому сокращению прототипического объекта ГК. Кроме того, субъекты неаккузативных глаголов сами могут быть опущены в результате такого сокращения (3a), в отличие от субъектов не-неаккузативных глаголов (3b).

- (3a) *ärä-zä* *manəŋ mən' šəšer-əm*
 согреться-IMP.3SG чтобы я молоко-ACC
ergä-län-em *anzâc-ok* *lâkt-â-m*
 сын-DAT-POSS.1SG заранее-EMPH достать-AOR-1SG
 'Я достал сыну молоко заранее, чтобы оно согрелось'.

- (3b) **vär-əm ənžä* *zanimajê manəŋ mən'*
 место NEG.IMP занимать чтобы я

täng-län-em gitar-âm pu-en-äm
друг-DAT-POSS.1SG гитара-ACC дать-PRF-1SG
'Я отдал другу гитару, чтобы она не занимала место'.

Принимая во внимание это свойство субъекта неаккузативного глагола, можно рассматривать конструкции типа (1a) как аналогичные конструкциям типа (2a) и (3a). Такое решение снимает типологическое противоречие — влияние неаккузативности глагола на возможность опущения единственного аргумента ПК при кореферентности объекту ГК обуславливается объектными свойствами такого аргумента, а не особенностями системы целевых конструкций в горномарийском языке.

Литература

Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A Typology of Purpose Clauses [Typological Studies in Language 88]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

А. А. Россиус

РГГУ, Москва

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ПОСЕССОРОВ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Предлагаемый вниманию доклад представляет собой предварительные результаты исследования нетривиальных свойств релятивизации посессоров в абазинском языке. Абазинский язык относится к абхазо-абазинской группе, входящей в абхазо-адыгскую семью.

Данные для исследования были собраны в ходе экспедиции в аул Инжич-Чукун, состоявшейся в июле 2017 г. Было проанализировано примерно 100 примеров, собранных методом элицитации. Было получено описание основных стратегий релятивизации в абазинском языке (о понятии стратегии релятивизации см. [Keenan, Comrie 1977]). Различные роли релятивизируемых именных групп были рассмотрены в соответствии с иерархией Лемана [Lehmann 1984: 219–220; de Vries 2002: 33].

Большая часть результатов соответствует современным представлениям о релятивизации в абхазо-адыгских языках (подробнее см. [Hewitt 1979; 1987; Kibrik 1992; Ландер 2009; 2012]), однако в случае с релятивизацией посессоров в абазинском языке наблюдается значительное своеобразие. При релятивизации посессоров абсолютива непереходного двухвалентного и переходного глаголов используется механизм, отличный от механизма релятивизации посессора непереходного одновалентного глагола. Посессор абсолютива непереходного одновалентного глагола релятивизируется путем замены личного посессивного префикса относительным посессивном префиксом (замена личного префикса релятивизируемого объекта релятивным префиксом вообще является стандартной стратегией для абхазо-адыгских язы-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках» (РГГУ, рук. В. И. Подлесская).

ков), индексирующий абсолютивный аргумент сказуемого же не изменяется.

- (1) *z-ába arápx'aʕʷ-ta dǎ-nxa-wa*
REL.IO-отец учитель-ADV **3H.ABS-LOC**-работать-IPF
a-sabáj a-ʕʷ-rá bzáj
 DEF-ребенок DEF-писать-MSD хорошо
j-bjáj-t
 3M.ERG-любить-PRS-DCL
 ‘Ребенок, чей отец работает учителем, любит рисовать (букв. писать)’.

При релятивизации посессора абсолютива непереходного двухвалентного или переходного глагола возможна вариативность. Индексирующий абсолютивный аргумент сказуемого может как оставаться неизменным, так и заменяться относительным префиксом.

- (2a) *d-abár awáj a-phʷəs z-phá fatájma*
 3H.ABS-вот DIST DEF-женщина **REL.IO**-дочь Фатима
dǎ-l-pš-wá
3H.ABS-3F.IO-смотреть-IPF
 ‘Вот женщина, чья дочь смотрит на Фатиму’.

- (2б) *d-abár awáj a-phʷəs z-phá fatájma*
 3H.ABS-вот DIST DEF-женщина **REL.IO**-дочь Фатима
jǎ-l-pš-wá
REL.ABS-3F.IO-смотреть-IPF
 ‘Вот женщина, чья дочь смотрит на Фатиму’.

- (3a) *arjáj a-phʷəs l-áqʷ-p z-pá sará*
 PROX DEF-женщина 3F.IO-COP-DYN **REL.IO**-сын я
d-ʕasá-wə-z
3H.ABS-найти-IPF-PST
 ‘Вот женщина, чьего сына я нашел’.

- (3б) *arjáj a-phʷəs l-áqʷ-p z-pá sará*
 PROX DEF-женщина 3F.IO-COP-DYN **REL.IO**-сын я
j-ʕasá-wə-z
REL.ABS-найти-IPF-PST
 ‘Вот женщина, чьего сына я нашел’.

В ходе полевой работы встречались примеры, где замена глагольного префикса была обязательной (4), а также примеры, где, наоборот, замена была недопустима (5).

- (4) *z-ába* *jacá* *jə-ɬ-bá-z*
REL.IO-отец вчера REL.ABS-1PL.ERG-видеть-IPF
/**də-ɬ-bá-z* *a-sabáj* *táwp š'ardá*
/ЗН.АБС-1ПЛ.ЕРГ-видеть-ИПФ ДЕФ-ребенок мяч много
d-ás-əj-t
3М.АБС-бить-ПРС
‘Ребенок, чьего отца мы вчера видели, много играет в мяч’.
- (5) *á-ph^wəs* *z-qáça* *d-s-pqá-z*
DEF-женщина REL.IO-муж ЗН.АБС-1СГ.ЕРГ-бить-ПСТ
/**j-s-pqá-z* *á-çla*
/REL.ABS-1СГ.ЕРГ-бить-ПСТ ДЕФ-дерево
j-lá-l-ça-t
3Н.АБС-ЛОК-3Ф.ЕРГ-сажать-ДЫН
‘Женщина, чьего мужа я побил, посадила дерево’.

Интересно, что механизм релятивизации посессора в примерах (2б), (3б) имеет сходство со стратегией релятивизации посессора эргатива, в которой, помимо замены посессивного префикса ИГ на релятивный, наблюдается замена глагольного префикса релятивным эргативным префиксом *z-*.

Интерес представляет и релятивизация посессоров непрямого и локального объектов. Поскольку непрямым и локальным объектам в иерархии Лемана находятся на ступень ниже эргатива, ожидается, что к ним неприменима стратегия, используемая при релятивизации посессора абсолютива. Однако эти роли релятивизируются по тому же самому механизму, что и посессор абсолютива одновалентного глагола.

Литература

Ландер 2009 — Ю. А. Ландер. Множественная релятивизация: подлинная и мнимая // Я. Г. Тестелец (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 612–653.

- Ландер 2012 — Ю. А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ, М., 2012.
- Hewitt 1979 — B. G. Hewitt. The relative clause in Abkhaz (Abžui dialect) // *Lingua* 47, 1979. P. 151–188.
- Hewitt 1987 — B. G. Hewitt. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry* 8, 1977. P. 63–99.
- Kibrik 1992 — A. A. Kibrik. Relativization in polysynthetic languages // *International Journal of American Linguistics* 58, 1992. P. 135–157.
- Lehmann 1984 — C. Lehmann. *Der Relativsatz*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984.
- de Vries 2001 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. Utrecht: LOT, 2001.

**ДИСТРИБУЦИЯ КВАНТОРОВ С ОСНОВОЙ *POR* ‘ВСЕ’
В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ГОВОРЕ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА**

Объектом исследования в данной работе являются универсальные кванторные слова в малокарачкинском говоре чувашского языка: *porda* ‘все’ и *por* ‘все’. Квантор *porda* состоит из *por* и клитики *=da* (*ta/te*), которая может выступать в качестве союза (‘и’) и аддитивной частицы. Данная клитика может как непосредственно следовать за квантором (*por=da*), так и отрываться от него (*por X=ta*), как в (1). В этом случае частица обычно следует за существительным, модифицируемым квантором. Так, в (1) клитика присоединяется не к самому квантору, а к включающей его именной группе; подобное явление можно рассматривать в терминах «эффекта крысолова» [Тестелец 2001: 140]. Тот же эффект наблюдается, когда именная группа, включающая квантор, входит в другую именную составляющую: например, в (2) клитика прикрепляется к вершине большей составляющей:

- (1) *por skol-zan=da*
все школа-PL=и
‘все школы’
- (2) *por skol-ën ate-ë-zen=de koncer-da*
все школа-GEN ребенок-P_3-PL=и концерт-LOC
xotşə-ateë
присоединяться-NPST.3PL
‘Ученики всех школ участвуют в концерте’.

В чувашском литературном языке рассматриваемые кванторы имеют следующий вид: *пур* и *пурте*. Особенности их употребления можно отразить в следующей таблице, составленной по грамматике [Павлов (отв. ред.) 1957: 141] и семантической карте [Татевосов 2002: 222]:

Таблица 1. Особенности употребления кванторов *пур* и *пурте*

	Атрибутивное употребление	Субстантивное употребление
Пур ¹ ‘все’: определенная и генерическая квантификация	+	–
Пурте ² ‘все’: определенная и генерическая квантификация	+	+
	(только в постпозиции)	

Исследование малокарачкинского говора выявило следующие различия между *porda* и *por ... ta* с неконтактным расположением квантора и клитики.

Во-первых, в отличие от *porda*, при котором обязательно множественное число, *por ... ta* может стоять также при существительных в единственном числе.

Во-вторых, квантор *por ... ta* может употребляться исключительно с существительными, тогда как *porda* — как с существительными, так и с местоимениями.

В-третьих, в высказываниях, где вершина выражена существительным, носители выбирают *porda* или *por ... ta* в зависимости от уверенности говорящего в сказанном. Для *por ... ta* характерны контексты, в которых указывается приблизительное количество участников (не обязательно все, но большинство), тогда как *porda* означает ‘исключительно все’:

(3) *atẹa-zam por=da gil-ze*
 дети-PL все=и прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’ {точно пришли все, детей пересчитали}.

(4) *por atẹa-zam=da gil-ze*
 все дети-PL=и прийти-CV_SIM
 ‘Все дети пришли’ {детей не пересчитывали, но видно, что их много – пришли все или почти все}.

В отличие от литературного чувашского, в малокарачкинском говоре возможно употребление *porda* как после вершины, так и до нее (однако во втором случае предполагается эмфаза).

¹ В малокарачкинском диалекте *por*.

² В малокарачкинском диалекте *porda*.

Также встречаются случаи неконтактного следования квантора за вершиной (5). Таким образом, можно отметить такое явление, как дрейф квантора (подробнее о теориях, описывающих дрейф квантора, см. [Гращенко 2009: 3]).

- (5) *ateā-zam gi-ze por=da*
 дети-PL прийти-CV_SIM все=и
 ‘Все дети пришли’.

В-четвертых, в составе именной группы *porda* не может следовать за демонстративом (6), тогда как основа квантора *por ... ta* может стоять как после демонстратива (8), так и перед ним:

- (6) **ku por=da ateā-zam ener gi-ze*
 этот все=и ребенок-PL вчера прийти-CV_SIM
 ‘Все те дети вчера пришли’.

- (7) ^{OK}*por=da ku ateā-zam ener gi-ze*
 все=и этот ребенок-PL вчера прийти-CV_SIM
 ‘Все те дети вчера пришли’.

- (8) *ku por ateā-zam=da ener gi-ze*
 этот все ребенок-PL=и вчера прийти-CV_SIM
 ‘Все те дети вчера пришли’.

Причисленные выше различия (суммированные в Таблице 2) можно объяснить тем, что когда *porda* не разрывается, оно не образует одну именную группу с существительным, в то время как *por ... ta*, напротив, образует ее; в том числе, это подтверждается явлением дрейфа квантора *porda*.

Таблица 2. Отличия в свойствах кванторов *por ... ta* и *porda*

	<i>por ... ta</i>	<i>porda</i>
Местоимение в вершине	–	+
Единственное число вершины	+	–
Предшествование демонстратива	+	–
Значение ‘абсолютно все’	–	+

Литература

Гращенко 2009 — П. В. Гращенко. Дрейф квантора как свидетельство существования партитивной проекции в именной группе // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов

- (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 397–425.
- Павлов (отв. ред.) 1957 — И. П. Павлов (отв. ред.). Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957.
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Е. А. Рыжкова

СПбГУ, Санкт-Петербург

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ВЕРШИН СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ В МАЛОКАРАЧКИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

В чувашском языке существуют сочетания финитных глагольных форм с конвербами на *-zA*¹, которые описывают одну ситуацию и занимают одну синтаксическую позицию в предложении.

При этом лексическое значение сочетания выражается или только конвербом, или распределяется между двумя компонентами сочетания предсказуемым образом: например, при описании движения конверб передаёт способ движения, а финитный глагол — направление. В тюркологии подобные сочетания называют сложными глаголами (например, [Юлдашев 1977: 54]). Вершины сложных глаголов могут находиться на разных этапах процесса грамматикализации, то есть образовывать более или менее свободные сочетания с конвербами.

Н. И. Ашмарин, описывая малокарачкинский диалект, указывает, что некоторые глаголы в сочетаниях с конвербами могут фонетически сливаться с ними [Ашмарин 1898: 344–392]. По данным 2017 г., в современном малокарачкинском диалекте упомянутое явление наблюдается в сочетаниях конверба на *-zA* с глаголами *jer* ‘пускать’, *jol* ‘оставаться’, *il* ‘брат’ и *uk* ‘падать’.

- (1) *vəl* *kokoli* *ci-z=er-ze*
он пирог есть-CV_SIM=пускать-CV_SIM

¹ Здесь и далее примеры из пошкёртского диалекта даются в транскрипции; заглавными буквами обозначаются гласные в сингармонирующих морфемах (суффикс конверба *-zA* в зависимости от фонологического окружения может быть представлен вариантами *-za* и *-ze*). Диалектные примеры собраны в экспедиции НИУ ВШЭ (СПб) в с. Малое Карачкино в августе 2017 г.

/ei-ze jer-ze

есть-CV_SIM пускать-CV_SIM

‘Он(а) съел(а) пирог’.

Все перечисленные единицы относятся к глаголам движения или каузации движения, то есть к типологически распространенным источникам грамматических показателей. Процессы, происходящие с подобными единицами в самых разных языках, неоднократно рассматривались в свете теории грамматикализации (например, [Майсак 2005]). При этом даже в тех чувашских диалектах, где фонетическая ассимиляция вершин сложных глаголов не зафиксирована, значения многих единиц, входящих в сложные глаголы в качестве вершины, находятся в аспектуальной зоне. [Андреев 1961: 615–616; Шлуинский 2006].

То, что вышеперечисленные глаголы подверглись фонетической эрозии, дает основания предполагать, что они являются более грамматикализованными и по другим параметрам: десемантизации, декатегоризации и клитизации. [Heine 1993: 53–58]

Таким образом, в настоящем исследовании проверялась гипотеза о том, что вершины сложных глаголов, подверженные фонетической ассимиляции, являются более грамматикализованными по сравнению с другими единицами, выступающими в той же синтаксической функции.

Для того чтобы определить степень грамматикализации разных вершин сложных глаголов, необходимо было выделить типы связи между компонентами сочетания конверба и финитного глагола:

1) свободные сочетания деепричастия и финитного глагола (*sikele-ze* *ʔop-r-ë* ‘бежал(а), подпрыгивая’; ^{OK}*sikele-r-ë=de ʔop-r-ë* ‘бежал(а) и подпрыгивал(а)’);

2) сложные глаголы с не ассимилирующейся вершиной (*ʔop-sa ka-rʲ-ë* ‘убежал(а)’; **ʔop-r-ë=de ka-rʲ-ë* ‘убежала и ушла’);

3) сложные глаголы с ассимилирующейся вершиной:

а. употребления с не ассимилированной вершиной (*ei-ze jer-ze* ‘съел(а)’);

б. употребления с ассимилированной вершиной (*ei-z=er-ze* ‘съел(а)’).

Сочетания, относящиеся к этим группам, сравнивались по следующим параметрам:

- 1) фонетическая ассимиляция;
- 2) разрыв;
- 3) место присоединения аффикса раритива;
- 4) место присоединения аффикса каузатива.

Фонетическая ассимиляция возможна для глаголов *jer* 'пускать', *jol* 'оставаться', *il* 'брать' и *uk* 'падать'. Некоторые вершины (например, глагол *an* 'спускаться'), начинающиеся на гласный или *j*, не могут фонетически ассимилироваться с зависимым конвербом, следовательно, нельзя заключить, что наблюдаемый процесс имеет исключительно фонетическую природу.

Разрыв эмфатической частицей *-Ak* невозможен в сложных глаголах с фонетически ассимилированной вершиной (**ei-z=ek-er-d-ĕm* 'я доел(а) все до конца'), во всех остальных сочетаниях это допустимо.

Аффикс раритива *-gAlA-* присоединится к рассматриваемым сочетаниям следующим образом².

Таблица 1. Раритив

	Зависимое	Вершина	Оба компонента
свободное сочетание	ОК	ОК	ОК
сложный глагол с не ассим. вершиной	ОК	?	?
сложный глагол с ассим. вершиной (а)	ОК	?	?
сложный глагол с ассим. вершиной (b)	?	?	*

В докладе система присоединения аффикса *-gAlA-* будет рассмотрена более подробно.

Анализировалось также присоединение аффикса каузатива *-dAr-* к разным типам сочетаний. Этот аффикс может модифицировать только один глагол в сочетании или же все сочетание

² Знак «?» в таблице обозначает или то, что невозможно выделить вариант, предпочитаемый информантами, или то, что глаголы одной группы или даже один глагол в разных значениях различаются по месту присоединения данного аффикса к сочетанию.

целиком, в зависимости от этого во всех сочетаниях, кроме сложных глаголов с ассимилирующимися вершинами, он присоединяется к тому или иному компоненту. В сложных глаголах с ассимилирующимися вершинами каузатив может присоединяться только к зависимому. По-видимому, это связано с тем, что вершина, с одной стороны, десемантизируется, а, с другой, теряет свободу передвижения в сочетании, закрепляясь в его абсолютном конце.

Первоначальная гипотеза о грамматическом характере изменений, происходящих с рассматриваемыми глаголами в малокарачклинском диалекте, по-видимому, подтверждается, поскольку сложные глаголы, вершинами которых являются эти единицы, отличаются от других типов сочетания конверба на *-zA* и финитного глагола не только по фонетическим, но и по морфосинтаксическим параметрам. Однако, несмотря на фонетическую ассимиляцию, которой подвергаются рассматриваемые глаголы, они сохраняют многие свойства, присущие вершинам свободных сочетаний.

Литература

- Андреев 1961 — Н. А. Андреев. Краткий грамматический очерк чувашского языка // М. Я. Сироткина (ред.). Чувашско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961.
- Ашмарин 1898 — Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник МГУ. Серия 9 Филология 1, 2006. С. 32–47.
- Юлдашев 1977 — А. А. Юлдашев. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1977.
- Heine 1993 — B. Heine Auxiliaries: Cognitive Forces and Grammaticalization. New York: Oxford University Press, 1993.

А. А. Сибирева

МГУ, Москва

КАУЗАТИВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ДВОЙНОЙ КАУЗАТИВ И СЕМАНТИКА ИНТЕНСИФИКАЦИИ

Наша работа посвящена семантике горномарийского каузатива на *-äkt-* (после передних гласных *-äkt-*). В частности, мы рассмотрим, какие семантические эффекты возникают при образовании двойного каузатива. Данные собраны в ходе экспедиции в с. Кузнецово Республики Марий Эл летом 2017 г.

Аффикс *-äkt-* является показателем дистантного каузатива. Нами были выявлены следующие его семантические свойства. Он может выражать наличие промежуточного участника ситуации с ролью агенса:

- (1) *Pet'a pič-əm sar-em-d-äkt-en*
Петя забор-ACC желтый-INCH-CAUS-CAUS.DIST-PFV
'Петя попросил кого-то покрасить забор в желтый цвет'.

Действие, совершаемое субъектом каузирующего подсобытия, может быть как волитивным, так и неволитивным:

- (2a) *Pet'a Vas'a-m lüd-äkt-en*
Петя Вася-ACC пугаться-CAUS.DIST-PFV
'Петя испугал Васю'.

- (2b) *Pet'a Vas'a-m jori agâl lüd-äkt-en*
Петя Вася-ACC нарочно NEG пугаться-CAUS.DIST-PFV
'Петя ненароком испугал Васю'.

Нас интересует, какие свойства появляются у *-äkt-* при удвоении показателя. В [Галкин 1966: 109–110, Летучий, Коломацкий 2012: 346] выделяются случаи использования двойного каузатива на *-äkt-* в луговом марийском языке для выражения двойной каузации. Согласно [Kulikov 1993], двойные каузативы в языках мира могут иметь семантику интенсификации каузации. Данное явление наблюдается в горномарийском языке, однако

клаузы с двойным каузативом демонстрируют полисемию, и их значение не сводится к семантике интенсификации:

(3a) *Pet'a Vas'a-lan kok caš äškäm-žä-m*
Петя Вася-DAT два час REFL-POSS.3SG-ACC
vâč-âkt-en
ждать-CAUS.DIST-PFV
'Петя заставил Васю ждать его два часа'.

(3b) *Pet'a Vas'a-lan kok caš äškäm-žä-m*
Петя Вася-DAT два час REFL-POSS.3SG-ACC
vâč-âkt-âkt-en
ждать-CAUS.DIST-CAUS.DIST-PFV
1. 'Петя {в приказном порядке} заставил Васю ждать его два часа'.
2. 'Петя заставил Васю ждать его два часа {причем Вася ждал Петю по своей воле}'.
3. '{Так сложились обстоятельства, что} Васе пришлось два часа ждать Петю'.

Первый из вариантов перевода (3b) — предсказываемая теорией семантика интенсификации каузации (то есть интенсификации усилий каузатора). Вторая и третья интерпретации кажутся весьма нетривиальными.

В нашей работе мы используем понятия каузальной цепочки и каузальной зависимости, введенные в [Lewis 1973], чтобы объяснить выявленные семантические эффекты. Будем считать, что событие Y каузально зависимо от события X, если Y не осуществилось бы при неосуществлении X, и что событие X каузирует событие Y, если можно построить цепочку каузально зависимых событий от X до Y.

Мы покажем, что 1) при удвоении каузативной морфемы может увеличиваться каузальная цепочка, ведущая от события X к каузируемому им событию Y, 2) двойной каузатив *-âkt-âkt-* в горномарийском языке может также маркировать случаи, когда для события Y невозможно определить, какое событие его каузировало, однако можно выстроить потенциально не ограниченную каузальную цепочку (см. перевод 3 в (3b)).

Мы считаем, что семантика двойного каузатива в горномарийском языке в некоторых случаях сводится к интенсификации

дистантности показателя *-âkt-*. Опосредованность возникает вследствие увеличения каузального пути, т. е. двойные каузативы обозначают большую дистантность по сравнению с одинарным. Данный семантический эффект мы будем называть **интенсификацией дистантности**.

Интерпретация 2 в (3b) при данном подходе также объясняется предположением об интенсификации семантики дистантности. Петино влияние на Васю в данном случае минимально, т. к. последний действует по своей воле. Данный случай мы назовем **«опосредованным директивом»**. В нашем докладе мы подробно рассмотрим все указанные семантические эффекты и попробуем объяснить их с точки зрения нашего предположения.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; CAUS.DIST — дистантный каузатив; DAT — датив; INCH — инхоатив; NEG — отрицание; POSS — поссессив; PFV — перфектив; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Галкин 1966 — И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка: морфология. Ч. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966.
- Летучий, Коломацкий 2012 — А. Б. Летучий, Д. И. Коломацкий. Повышающие актантные деривации в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Сборник статей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 340–355
- Kulikov 1993 — L. Kulikov. The “second causative”: A typological sketch // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity [Studies in Language Companion Series 23]. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 121–154.
- Lewis 1973 — D. Lewis. Causation // The Journal of Philosophy 70, 17, 1973. P. 556–567.

М. А. Сидорова

МГУ, Москва

СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Под количественными конструкциями (КК) в работе понимаются конструкции, содержащие существительное, модифицированное числительным. Объектом исследования являются КК с неточным значением (аппроксимативные КК) в хантыйском языке. Мы рассмотрим морфосинтаксические свойства ИГ с аппроксимативными числительными в сопоставлении со свойствами КК с точным значением числительного. В имеющихся описаниях хантыйского языка ([Николаева 1995; Каксин 2007] и др.) эти вопросы не обсуждались.

Материал собран в экспедициях в с. Восяхово, с. Мужы и с. Овгорт Шурышкарского р-на ЯНАО и с. Теги Березовского района ХМАО в 2016–2017 гг.

В хантыйском языке есть два конкурирующих показателя приближенности: *-ket*¹ и *-lem* (APPR). Аппроксимативные количественные числительные, являющиеся модификаторами имени, имеют вид NUM-APPR (*ñal* ‘четыре’, *ñal-lem* ‘примерно четыре’). В словарях (см., например, [Кошкарева (ред.) 2011: 56]) зафиксирована самостоятельная лексема *ket* ‘образ’, тогда как лексема **lem* отсутствует. Это позволяет предположить, что показатель *-lem* более грамматикализован, чем *-ket*.

У носителей с более сохранной системой прослеживается четкая дистрибуция данных показателей: числительные ‘один’–‘шесть’ (и отчасти содержащие их составные числительные) могут присоединять только *-lem*, тогда как все остальные — только *-ket*². Согласно [Майтинская 1979: 164], среди числительных

¹ Согласно [Кошкарева и др. 2011: 56], *-ket* в качестве маркера приближенности является послелогом, однако в [Стрелкова 2013: 79–80] данный элемент трактуется как аффикс.

² Социолингвистическая ситуация, наблюдаемая в данных идиомах, такова, что хантыйский язык активно вытесняется русским, поэто-

первого десятка лишь ‘один’–‘шесть’ возводятся к общим финно-угорским этимологиям. То есть более старый показатель (*-lem*) предпочтителен на более старых образованиях, а *-kem* — на более поздних, становясь при этом продуктивным. Кроме того, у этих показателей есть важное различие в КК с единицами измерения. Это связано с тем, что единицы измерения, как и названия контейнеров, в КК обладают квантифицирующими свойствами [Alexiadou et al. (eds.) 2007; Кортjevская-Тамм 2009] и являются частью сложного квантификатора [Yadroff 1999].

В части идиолектов в конструкциях с обычными существительными локус маркирования приблизительности ограничен числительным (*lapət-kem xojat* / *lapət xojat-kem* ‘около семи человек’), тогда как с единицами измерения (в т. ч. с окказиональными, см. (2)) возможно маркирование как числительного (*kāt-lem śos* ‘примерно два часа’), так и последнего элемента (*kāt śos-kem* ‘примерно два часа’ / *kāt śos xuwat-kem* ‘(продолжительностью) примерно два часа’), ср. (1) и (2) в наиболее строгих системах. Для выражения приблизительности не на числительном в этих конструкциях используется *-kem*, но не *-lem*³.

Типологические сведения о синтаксисе аппроксимативных КК достаточно скудны, однако можно провести некоторые параллели с корейской системой [Рудницкая, Хван 2010] и внутригенетическое сопоставление с мокшанским и горномарийским.

Во всех упомянутых языках есть особый маркер приблизительности, который может занимать позицию либо после числительного/классификатора, либо после единицы измерения. Однако есть и различия: при одной стратегии, используемой в горномарийском, такой показатель, являющийся самостоятельной словоформой, не может «разбивать» слот мер (MEAS): *NUM + APPR + N_{meas}. При другой, как в мокшанском, где APPR выражается морфологически, напротив, в конструкциях любого типа предпочтительно маркирование на числительном, тогда как единицы измерения только допускают (но не как предпочтительный вариант) отклонение от стандартной модели. Конструкции с *-kem* используют

му у многих (особенно молодых) носителей наблюдаются отклонения от описанной системы, которые мы подробнее осветим в докладе.

³ Более подробное обсуждение свойств «настоящих измеряемых» будет представлено в докладе.

первую стратегию, тогда как конструкции с *-lem* ближе ко второй, но с большими ограничениями.

Мы объясняем свойства хантыйской системы взаимодействием диахронических процессов и синтаксических ограничений. По данным рассмотренных языков, чем менее грамматикализованным или более полифункциональным является показатель, тем менее вероятно, что он сможет «разбить» MEAS, см. Таблицу 1 (стратегия, при которой показатель присоединяется к настоящему квантифицируемому, ниже не учитывается).

- (1) *păsan-ən* *əməs-əl* *jaŋ* *an* */*jaŋ*
 стол-LOC сидеть-NPST.3SG 10 чашка 10
an-kem */*jaŋ an-lem*
 чашка-APPR 10 чашка-APPR
 ‘На столе стоит примерно десять чашек’.
- (2) ^{OK}*tam* *jux* *kulat-əl* *wet* *xojat-kem*
 этот дерево толщина-3SG.POSS 5 человек-APPR
 ‘Это дерево толщиной с пять человек’.

Таблица 1. Синтаксические свойства показателей приблизительности

Язык	Показатель	Статус	NUM + APPR + Nmeas (+N)	NUM + Nmeas + APPR (+N)
хант.	<i>-lem</i>	Аффикс	OK	*
мокш.	<i>-ška</i>	Аффикс	OK	?
хант.	<i>-kem</i>	Аффикс / Послелог	OK	OK
г.-мар.	<i>Närä</i>	Послелог	*	OK

Литература

- Каксин 2007 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Издательство Полиграфист, 2007.
- Кошкарева (ред.) 2011 — Н. Б. Кошкарева (ред.). Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Николаева 1995 — И. А. Николаева. Обдорский диалект хантыйского языка. Hamburg: Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 1995.

- Рудницкая, Хван 2010 — Е. Л. Рудницкая, Со-Гён Хван. Конструкции с классификатором и аппроксимативные конструкции в корейском языке: грамматические свойства и семантические характеристики // Урало-алтайские исследования 2, 3, 2010. С. 53–71.
- Стрелкова 2013 — О. Б. Стрелкова. Имена числительные удмуртского языка. Ижевск: Удмуртский университет, 2013.
- Alexiadou et al. (eds.) 2007 — A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). *Noun Phrase in the Generative Perspective*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Коптјевскаја-Тамм 2009 — М. Коптјевскаја-Тамм. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudo-partitive nominal constructions // J. Helmbrecht, N. Yoko, S. Yong-Min, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and Function in Language Research*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 329–346.
- Yadroff 1999 — M. Yadroff. *Formal Properties of Functional Categories: The Minimalist Syntax of Russian Nominal and Prepositional Expressions*. PhD Thesis. Indiana University, Bloomington, 1999.

Ю. В. Сеницына

МГУ, Москва

О СТАТУСЕ ГОРНОМАРИЙСКОГО СУФФИКСА *-LA*¹

Горномарийский суффикс *-la* (с вариантом *-lä*) описывается в грамматиках как сравнительный падеж (или компаратив). Основное его значение — выражение сравнения действия или состояния одного предмета с действием или состоянием другого [Тужаров 1987] или, проще говоря, оформление стандарта сравнения в сравнительных конструкциях со значением равенства (терминология взята из [Haspelmath et al. 1998]), как, например, в (1). Кроме этого, в [Саваткова 2002] выделяется омонимичный наречный суффикс, который образует наречия со значением сопоставления и сравнения от существительных, прилагательных и местоимений.

- (1) *pet'a povar-la kačk-aš jämdäl-ä*
Петя повар-СМРР есть-ІNF готовить-NPST.3SG
'Петя готовит как повар'.

Опираясь на полученные в ходе полевого исследования данные, мы утверждаем, что показатель, традиционно включющийся в ряд горномарийских падежей, на самом деле таковым не является.

В пользу такого решения говорит возможность присоединения суффикса к финитным формам глагола в случае, если глагольная группа является сентенциальным актантом глаголов со значением чувственного восприятия (например, *šičaš, kajaš*) (2a). Хотя и более распространенной стратегией является присоединение суффикса к номинализации на *-mê* (2b).

¹ Данные были собраны в ходе экспедиций МГУ и НИУ ВШЭ в Горномарийский р-н респ. Марий Эл (июнь-август 2016–2017 гг.; экспедиция поддержана грантом РГНФ № 17-04-18036 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков»). Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

(2a) *mäläm tagačđ pet'a tol-eš-lä*
 я.DAT сегодня Петя прийти-NPST.3SG-CMPR
čič-eš
 казаться-NPST.3SG

(2b) *mäläm tagačđ pet'a tol-mđ-la*
 я.DAT сегодня Петя прийти-NMZ-CMPR
čič-eš
 казаться-NPST.3SG
 ‘Мне кажется, что Петя сегодня придет’.

Кроме этого, в докладе мы рассмотрим другую интересную особенность исследуемого суффикса — стратегию оформления стандарта сравнения в сравнительных конструкциях. Если стандарт сравнения находится в субъектной или объектной позиции, исследуемый суффикс присоединяется непосредственно к имени (3), при этом запрещено употребление показателя аккузатива. Если же стандарт сравнения стоит в других синтаксических позициях, то присоединение суффикса *-la* возможно в том случае, если сначала присоединить показатель атрибутива *-šđ* (4a). Таким образом, мы покажем, в чем отличия между *-la* и послелогом *gan* ‘как’, также оформляющим стандарт сравнения в сравнительных конструкциях (4b), на синтаксическом уровне.

(3) *t'et'a-vlä mör-äm kal'avongđ>(*m)-la*
 ребенок-PL ягода-ACC гриб-(*ACC)-CMPR
pog-a-t
 собирать-NPST.3-PL
 ‘Дети собирают ягоды как грибы’.

(4a) *pet'a pöken-äštä kreslo-štđ-*(šđ)-la*
 Петя стул-IN кресло-IN-*(ATTR)-CMPR
šänz-ä
 сидеть-NPST.3SG

(4b) *pet'a pöken-äštä kreslo-štđ gan' šänz-ä*
 Петя стул-IN кресло-IN как сидеть-NPST.3SG
 ‘Петя сидит на стуле как на кресле’.

Литература

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca Ceremissica*. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

А. В. Соловьёва

МГУ, Москва

ПАРТИТИВНЫЕ И ПСЕВДОПАРТИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Партитивные и псевдопартитивные конструкции (ПК и ППК) по [Kortjevskaja-Tamm 2009] — это типы количественных именных конструкций, состоящие из двух имен существительных (N1 и N2), первое из которых квантификатор, а второе имеет различные значения в зависимости от структуры:

– ПК заключают в себе подмножество единиц, отделяемое от определенного множества (*бабушкины книги, этот вкусный чай*);

– ППК описывают абстрактное подмножество, которое отделяется от неопределенного множества (*чай, цветы*).

Однако N1 также меняет свою функцию при разных интерпретациях конструкций [Борщёв, Парти 2011], а именно:

Таблица 1. Функция N1 в зависимости от интерпретации конструкции

Роль N1	Интерпретация
Мера для субстанции	‘AD HOC’ – МЕРА
Контейнер, содержащий порцию субстанции	КВАНТ
Контейнер, содержащий субстанцию	КОНТЕЙНЕР+КВАНТ

В горномарийском языке существует 5 конструкций, выражающих отношения между N1 и N2².

Конструкция с атрибутивным суффиксом, имеющим проприетивное значение (‘N1 имеющий N2’) в горномарийском однозначно не указывает, где именно находится N2 по отно-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

² Данные собраны в ходе двух совместных экспедиций МГУ и НИУ ВШЭ в с. Микряково Горномарийского р-на респ. Марий Эл летом 2017 г.

шению к N1 (внутри/на поверхности). Второе, не партитивное значение неуместно для субстанций, но возможно для предметов:

(1a) N2-PROP N1

šäšer-än stopka

молоко-PROP стакан

1. ‘стакан, имеющий молоко внутри’
2. #‘стакан, имеющий молоко на поверхности’

(2) *olma-an vedära*

яблоко-PROP ведро

1. ‘ведро, имеющее яблоки внутри’
2. ‘ведро, на котором нарисованы яблоки’

В (1b–с) представлены конструкции соположения, в которых связь между N1 и N2 не маркируется:

(1b) N1 N2

stopka šäšer

стакан молоко
‘стакан молока’

(1c) N2 N1

šäšer stopka

молоко стакан
‘стакан для молока’

Структура из примера (1d) часто встречается в устной речи, но является калькой с русского языка.

(1d) N2 *dono* N1

šäšer dono stopka

молоко с стакан
‘стакан с молоком’

В примере (1e) N1 маркируется композициональным показателем инессива *-štā* и атрибутивизатора *-šā*³.

- (1e) N1-IN-ATTR N2
štopka-štā-šā *šāšer*
молоко-IN-ATTR молоко
'молоко, находящееся в стакане'

Цель доклада — рассмотреть каждую из этих структур и показать какой интерпретации/каким интерпретациям она соответствует, может ли употребляться в ППК и/или ПК.

Также мы подробнее остановимся на синтаксической связи между N1 и N2 в (1b), так как именно структура конструкции с соположением вызывает большой интерес в разных языках. В [Alexiadou 2007] предлагается для нее два формальных анализа: подход одной проекции (ППК — проекция, где N1 — полуфункциональная, а N2 — лексическая вершины) и предикативный (предусматривает предикативное передвижение вершины/фразовой категории).

В настоящей работе будет представлено доказательство того, что ни один из этих анализов не подходит для описания ППК соположения в горномарийском языке.

В зависимости от интерпретации и падежа, в котором употреблена данная конструкция (прямом/косвенном)⁴ будут предложены различные анализы, отражающие синтаксическую связь между двумя именами существительными:

- согласно критериям, представленным в [Тестелец 2001], мы докажем, что вершиной ППК и ПК соположения N1 N2 в горномарийском языке является N2;
- для разных падежей и прочтений используются группы разных структур (DP/PossP/QP);

³ В [Плешак 2017] предполагается, что *štāšā* — единый показатель, т. к. сочетание других локативных падежей с атрибутивизатором в позиции приименного зависимого невозможно. Это решение ещё обсуждается, поэтому мы пока будем рассматривать это как два самостоятельных показателя.

⁴ Они имеют разные морфосинтаксические свойства, согласно [Плешак 2017].

• вне зависимости от падежа и интерпретации числительное и N1 формируют одну составляющую внутри конструкции.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; N1 — мера/контейнер; N2 — субстанция; ACC — аккузатив; IN — иннесив; ATTR — атрибутивизатор; PRF — перфект; PROP — проприетив; SG — единственное число.

Литература

- Борщёв, Парти 2011 — В. Б. Борщёв, Б. Х. Парти. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // «Слово и язык»: Сборник статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, С. 95–137.
- Плешак 2017 — П. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Alexiadou 2007 — A. Alexiadou. Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction // A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). *Noun Phrase in the Generative Perspective*. Berlin: de Gruyter, 2007. P. 395–472.
- Коптjevskaja-Tamm 2001 — М. Коптjevskaja-Tamm. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive constructions in the Circum-Baltic languages // М. Коптjevskaja-Tamm, Ö. Dahl, (eds.). *Circum-Baltic languages. Vol. 2 [Studies in Language Companion Series 55]*. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 523–568.

Н. М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

**(НЕДО)ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ:
ЛОКАТИВНЫЕ ИМЕНА В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

В нанайском языке (тунгусо-маньчжурские) для уточнения локализации объекта относительно ориентира используется целый ряд единиц, занимающих промежуточное положение между обычными существительными и послелогоми: *do-* IN, *oja-* AD, *ujə-* SUPER, *pəgiə-* SUB, *ʒuliə-* ANTE, *xamea-* и *ʃea-* POST, *xangea-* ULTRA, *ʒakpa-* APUD, *xoldon-* LATER, *poron-* TOP и др., см. [Авро-рин 1961: 237ff.].

Типологически наиболее интересным в них кажется тот факт, что, обладая на первый взгляд очень абстрактным, «служебным» значением, которого можно было бы ожидать скорее от послелогов, они при этом не обнаруживают очевидных признаков формальной грамматикализации и по свойствам остаются ближе к обычным существительным (о путях и стадиях грамматикализации имен в пространственные адлоги см., например, [Svoroč 1994]; ср. также описание похожей ситуации на материале энецкого языка в [Овсянникова 2015]). Ср.:

(1a) *sī takto-si* *ʒakpa-do-a-ni*
2SG амбар-2SG APUD-ESS-OBL-3SG
‘около (букв. в окрестности) твоего амбара’

(1b) *sī takto-si* *gujčə-du-ə-ni*
ты амбар-2SG крыша-ESS-OBL-3SG
‘на крыше твоего амбара’

¹ Исследование выполнено по гранту Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-3158.2017.6 «Полевое исследование контактного влияния русского языка на грамматику вымирающих языков РФ: на материале диалектов нанайского и ульчского языков».

Локативное имя *žakra-* в (1a), как и обычное существительное *guičə* ‘крыша’, оформлено пространственным падежом и посессивным аффиксом, согласуемым с существительным-ориентиром (‘амбар’). Одно и то же локативное имя способно сочетаться с аффиксами разных пространственных падежей, образуя целую серию «направление (значение падежа) + локализация (значение локативного имени)»: ср. (2):

- (2) *takto žakra-do-a-ni* /*takto žakra-če-a-ni*
 амбарAPUD-ESS-OBL-3SG /амбар APUD-DIR-OBL-3SG
 1. ‘около твоего амбара’ (букв. ‘в окрестности твоего амбара’, эссив)
 2. ‘к твоему амбару’ (букв. ‘к окрестности твоего амбара’, директив)

Более того, все локативные имена употребляются и в непространственных падежах, что исключает трактовку их как «полноценных» послелогов. Ср.:

- (3) *takto žakra-wa-ni ičə-ž-u!*
 амбарAPUD-ACC-3SG видеть-RES-IMP
 ‘Посмотри вокруг/около амбара!’ (аккузатив)

Пространственный послелог в нанайском языке один — лативный *baro-(ni)*. Как и локативные имена, он присоединяет посессивный аффикс, согласующийся с существительным-ориентиром. В отличие от локативных имен, помимо указанного различия, не имеет падежных серий, на синхронном уровне падежный аффикс в его составе вовсе отсутствует, хотя обнаруживается на уровне морфологических рефлексов.

Демаркационной линией, отделяющей локативные имена, наоборот, от обычных существительных, служит невозможность употребляться без посессивных аффиксов, ср. *saŋgar* и *aldan-* ‘щель, дыра, промежуток между’ в (4):

- (4a) *palan saŋgar-do-a-ni* /*palanaldan-do-a-ni*
 пол дыра-ESS-OBL-3SG /пол INTER-ESS-OBL-3SG
 ‘в щели в полу’

- (4b) *sangar-du* /**aldan-du*
дыра-ESS /INTER-ESS
'в щели'

Есть и другие отличия, например неспособность принимать показатель мн.ч. *-səl--sal*.

При этом между полюсами прототипических послелогов и существительных обнаруживается континуум формально и семантически разнородных случаев. В докладе будут рассмотрены отдельные параметры варьирования, по которым имена внутри локативного класса проявляют большую или меньшую степень формальной грамматикализации/отличия от обычных существительных. Данные по этим параметрам будут сопоставлены с семантическими различиями между локативными именами, в т. ч. со способностью выражать часть ориентира ('передняя сторона амбара') vs. пространство в окрестности ориентира ('перед амбаром').

Ниже перечислены основные параметры:

1) Морфологические особенности. Часть имен внутри локативного класса обнаруживают морфологическое сходство — оканчиваются на *-iə~ea*.

2) Выражение эссивного значения эссивом-датовом *-du~do* (что характерно для обычных существительных) vs. локативом *-lə~la*.

3) Набор пространственных падежей, характерных для локативного имени. Все имена сочетаются с эссивным падежом (эссивом-датовом или локативом), но не все с направлятельными. Более характерен для локативных имен латив, менее — аблатив.

4) Выбор посессивного аффикса мн.ч./ед.ч. при сочетании с существительным-ориентиром во множественном числе. Наряду с ожидаемым аффиксом мн.ч. *-č'i*, для локативных имен возможен, а для части предпочтителен аффикс ед.ч. *-ni*.

Будут использованы данные элицитации по двум говорам нанайского языка, найхинскому и горинскому, а также (в меньшем объеме) текстовые данные.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Л.: Наука. 1961.
- Овсянникова 2015 — М. А. Овсянникова. Локативные существительные в лесном диалекте энецкого языка // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XI, 2, 2015. С. 337–378.
- Svorou 1994 — S. Svorou S. The Grammar of Space. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1994.

М. Н. Усачёва

МГУ, Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС В КОМИ-ЯЗЬВИНСКОМ НАРЕЧИИ¹

На коми-язьвинском наречии говорит группа коми, проживающая в Красновишерском районе Пермского края. В результате взаимодействия с русскоязычным окружением коми-язьвинский язык заимствовал много лексических и морфологических элементов, но в то же время и сохранил ряд архаических черт в области фонетики [Harms 1983] и морфологии [Лыткин 1955]. В области пространственного дейксиса коми-язьвинский язык также архаичен. Он гораздо лучше других пермских языков сохранил разветвленную дейктическую систему финно-угорского праязыка, в котором близость обозначали основы с неогубленными гласными переднего ряда, а дальность — с огубленными гласными заднего ряда [Майтинская 1979: 198]. Известно, что в коми-язьвинском наречии противопоставление по степени близости трехчленное (есть «ближнеуказательная», «средеуказательная» и «дальнеуказательная» основы [Федюнева 2009]). Однако в [Лыткин 1955] перечислены указательные местоимения, образованные от пяти основ. Цель настоящей работы — предложить более полное описание язьвинского пространственного дейксиса. Мы рассматриваем основы указательных местоимений, а также указательные частицы.

Поскольку в текстах из [Лыткин 1955] содержится только 11 примеров употребления дейктических местоимений, с целью сбора мини-корпуса текстов в д. Ванькова (Красновишерский р-н, Пермский край) в 2016 г. нами была проведена серия экспериментов по методике референциальной коммуникации [Krauss, Weinheimer 1966]. Также от четверых носителей коми-язьвинского наречия были записаны пересказы сюжета мультфильма (урезанного нами отрывка из мультфильма «Петр и Петруша»,

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 16-24-17003.

реж. Ю. Пронин, студия «Пилот», 2006). Полученный в результате экспериментов мини-корпус содержит 207 примеров употребления дейктических местоимений. Однако среди них нет ни одного примера на употребление «дальнеуказательной» основы *ít-*. Примеры употребления местоимений с данной основой были собраны в 2017 г. методом элицитации. Проанализировав полученные в 2016–2017 гг. данные, мы пришли к следующим выводам. **Адвербиальные демонстративы.** Основа *sít-* ‘этот’ эндофорическая: она отсылает к месту, упоминавшемуся в предыдущем дискурсе. Основы *tát-* ‘этот’, *tét-* ‘тот’, *ést-* ‘этот’ и *ít-* ‘тот’ являются экзофорическими. *tét-* ‘тот’ обозначает удаленность (любой степени) от дейктического центра либо ориентацию в направлении от него (при местонахождении как в поле зрения говорящего, так и вне его), *ést-* ‘этот’ — местонахождение непосредственно в дейктическом центре, *tát-* ‘этот’ — местонахождение поблизости от дейктического центра и в поле зрения говорящего либо ориентацию в направлении говорящего, *ít-* ‘тот’ — местонахождение далеко от дейктического центра, но в поле зрения говорящего. Таким образом, градация трех степеней близости имеет место только по отношению к полю зрения говорящего.

Основы *sí-* ‘этот’ и *és-* ‘этот’ выделяются также в наречиях *siž* ‘так’ и *ež*’(i) ‘этак’.

Идентифицирующие демонстративы (в терминах [Dissel 1999]). Основных указательных частиц в коми-язьвинском две: *to* ‘вот, близко’ и *tu* ‘вон, далеко’. Они во многих отношениях ведут себя как клитики: присоединяются к словам любых разрядов (включая глаголы и адвербиальные демонстративы), допускают разрыв с опорным словом частицей *taj* ‘ведь’, однако могут употребляться и без опорного слова. В то же время идентифицирующие демонстративы проявляют признаки морфологизации в стадию показателей новых серий. Так, их сочетания с опорным словом могут модифицироваться наречиями меры и степени (*tó=kát-an* совсем (вот=где-LOC совсем) ‘совсем близко’). Кроме того, присоединение таких демонстративов может сопровождаться морфонологическими процессами (*tóguž*’i ‘вот как’ < *to* ‘вот’ + *kuž*’ ‘как’).

С некоторыми словами (*ládár* ‘сторона’, *lun* ‘день’) сочетается также частица *ta* ‘вот’.

Все **адъективные** демонстративы (*éta* ‘этот’, *éna* ‘эти’, *ítije* ‘тот’, *ínije* ‘те’) способны также употребляться как **субстантивные**. Демонстратив *éta* ‘этот’ употребляется также в эндофорической функции (‘тот, о ком я говорю’).

Литература

- Лыткин 1955 — В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М.: Издательство АН СССР, 1955.
- Майтинская 1979 — К. Е. Майтинская. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979.
- Федюнева 2009 — Г. В. Федюнева. Первичные местоимения и их производные в пермских языках. Дисс. ... д.ф.н. Коми научный центр УрО РАН, Саранск, 2009.
- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1999.
- Harms 1983 — R. T. Harms. On the nature of Jaz’va stress // *Nyelvtudományi közlemények* 85, 2, 1983. P. 335–339.
- Krauss, Weinheimer 1966 — R. M. Krauss, S. Weinheimer. Concurrent Feedback, Confirmation and the Encoding of Referents in Verbal Communication // *Journal of Personality and Social Psychology* 4, 1966. P. 343–346.

ВАРИАТИВНОСТЬ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ИДИШЕ И ЯЗЫКАХ ЕГО АРЕАЛА

Целью нашей работы является выявление факторов, влияющих на появление вопросительных частиц в общем вопросе идише и в языках, активно с ним контактировавших до середины XX в. — белорусском, литовском, польском и украинском, например (идиш):

- (1) *(Tsi) farshteyt er shpanish?*
‘Понимает ли он английский?’

Мы рассматриваем лексемы, как однозначно принадлежащие ко множеству вопросительных частиц (например, частицы ‘ли’ — бел., укр. *чи*, пол. *czy*, лит. *ar*, ид. *tsi*), так и не относимые, как правило, к вопросительным частицам — к примеру, ‘может’ (лит. *gal*, ид. *efsher* и др.) — т. е. лексемы, являющиеся вопросительной частицей только в одном из своих значений (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Исследованные вопросительные частицы

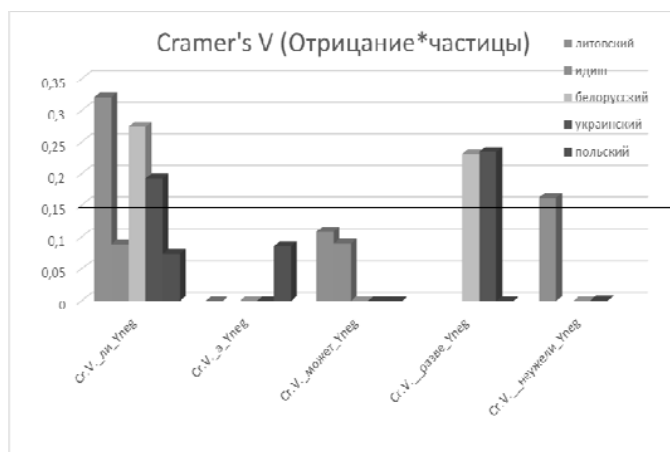
Условное значение	Рассматриваемые частицы
‘ли’	<i>ці</i> (белорусский), <i>tsi</i> (идиш), <i>ar/argi</i> (литовский), <i>czy/czyli/czyż/czyliż</i> (польский), <i>чи</i> (украинский)
‘разве’	<i>хіба</i> (белорусский), (идиш), <i>хіба</i> (украинский)
‘неужели’	<i>няўжо</i> (белорусский), <i>pejau</i> (литовский), <i>невже</i> (украинский)
‘а’	<i>a</i> (белорусский), <i>o</i> (литовский), <i>a</i> (польский), <i>a</i> (украинский)
‘может’	<i>мога</i> (белорусский), <i>efsher</i> (идиш), <i>gal</i> (литовский), <i>może</i> (польский), <i>може</i> (украинский)

Во всех рассмотренных нами языках вопросительная частица, соответствующая русской частице *ли* вне ряда грамматических конструкций (сентенциальные актанты и дизъюнкция)

является опциональной, другие частицы не являются обязательными (т. е. требуемыми грамматическими правилами) во всех случаях, а в существующих описаниях не приводится определенных правил, определяющих, в каких случаях появляются необязательные вопросительные частицы. Поэтому выявление факторов, влияющих на использование таких частиц, является актуальной задачей.

Для достижения этой цели мы использовали статистические методы, позволяющие анализировать большой объем собранных общих вопросов по унифицированным параметрам (факторам). Общие вопросы в нашей базе данных были собраны на базе литературных текстов.

Рисунок 1

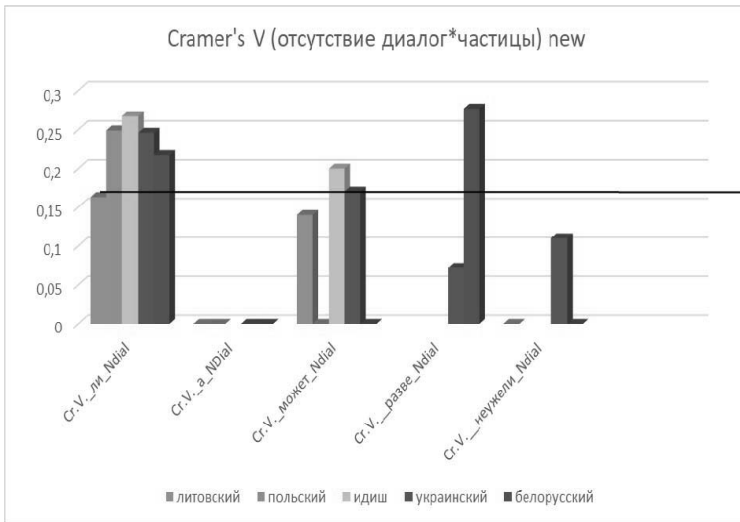


Было обнаружено, что факторами, влияющими на появление опциональной вопросительной частицы, является наличие отрицания в клаузе с частицей: с отрицанием эта частица используется чаще. Эта взаимосвязь является наиболее сильной для частиц со значением 'ли' во всех языках, за исключением идиша и польского — ср. значения коэффициента Cramer's V (на Рис. 2), выражающего связь факторов (Cramer's V >0,150 — связь значима, уровень на рисунке обозначен черной прямой). Также эта связь была обнаружена и у других частиц, но не во всех

языках и не столь сильно выраженная; некоторым исключением можно считать частицу ‘разве’.

Вторым значимым фактором является режим речи — в случае, если общий вопрос находится вне диалога (например, в авторской речи), частица появится скорее, чем если он находится в диалоге. У частиц ‘ли’ эта связь значима для всех рассматриваемых языков, однако и у некоторых других частиц (‘разве’, ‘неужели’) такая связь наблюдается.

Рисунок 2



Исходя из анализа этих двух факторов, можно также сделать вывод о том, что практически во всех последовательно различаются две группы частиц — «истинные» (‘ли’, ‘разве’, ‘неужели’) и не «истинных» вопросительных частиц (‘а’). Частицы группы ‘может’ заняли промежуточное положение.

На материалах идиша, основного объекта исследования, мы пришли к следующим выводам.

- В идише различные авторы используют частицы с разной частотой. Как представляется присутствует некоторая связь региона рождения автора с частотой вопросительных частиц в его текстах — у авторов, выросших в регионе, где

распространен литовский диалект идиша, частица встречается значительно чаще, чем у остальных.

- В целом, вопросительные частицы распространены в идише в меньшей степени, чем в остальных проанализированных нами языках.

- Отрицание не оказывает влияния на появление вопросительных частиц в идише, в отличие от других языков. Речевой режим (отсутствие диалога), как и в других языках, коррелирует с более частым использованием вопросительных частиц.

И. А. Хомченкова

МГУ, Москва

ПОКАЗАТЕЛЬ *-ge* В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОМИТАТИВ, КВАНТИФИКАТОР ИЛИ ИНТЕНСИФИКАТОР?¹

В горномарийском языке² существует показатель *-ge*, который в грамматиках называется «совместным» падежом [Саваткова 2002: 100]. По мнению Г. М. Тужарова, он «служит для выражения совместности, сопроводительного значения» [Тужаров, 1987: 89]. С данной точкой зрения не соглашается Т. Штольц, утверждая, что «*-ge* — это скорее аффикс, маркирующий число», который может привносить семантику всеобщности [Stolz et al. 2006: 70]. Значение всеобщности также кратко отмечалось в [Alhoniemi 1993: 60; Саваткова 2002: 100; Salo 2016: 197].

Мы не можем полностью согласиться ни с одной точкой зрения. Описываемые Г. М. Тужаровым функции, по нашим данным, скорее берет на себя послелог *dono* ‘с’, который и употребляется в наиболее распространенных комитативных конструкциях (КК) по [Архипов 2004; Stolz et al. 2006]³. Показатель *-ge* не может употребляться в этих конструкциях, поэтому его нельзя в полной мере назвать комитативом.

Единственной КК, в которой может использоваться *-ge* (возможен и послелог *dono*), является КК образа действия с семантикой полноты вовлеченности референта в ситуацию 0.

- (1) *maša divan-äškâ jal-ge /jal dono kuz-en*
М. диван-ILL нога-СОМ /нога с залезть-CVВ
šänž-än
сидеть-PFV
‘Маша залезла на диван с ногами’.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-04-18036е.

² Данные были собраны в с. Кузнецово (респ. Марий Эл) в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ 2017 г.

³ Подробнее будет проиллюстрировано в докладе.

В прочих конструкциях образа действия может использоваться только *dono*:

- (2) *pet'a rovo taj-a entuziazm dono*
П. работать-NPST.3SG энтузиазм с
/**entuziazm-ge*
энтузиазм-COM
'Петя работает с энтузиазмом'.

Показатель *-ge* используется также в некомитативных контекстах. Например, в количественных конструкциях он задает исчерпывающую (exhaustive) интерпретацию множества объектов:

- (3) *kok ergä-ge tokâ-štâ tol-ân-ât*
2 сын-COM домой-P.3PL прийти-PFV-3PL
'Оба сына приехали домой'.
'Два сына (из большего количества) приехали домой'.

Помимо этого, *-ge* может присоединяться к именным группам, означающим единичный объект, который можно поделить на одинаковые части 0 и множество однородных объектов 0:

- (4) *vas'a kagâl'-ge kačk-ân*
В. пирог-COM есть-PFV
'Вася пирог целиком съел'.
- (5) *kän-äm kečä-n klas-ge poxod-âš*
отдыхать-NMLZ день-GEN класс-COM поход-ILL
ke-ât
идти-NPST.3PL
'На выходные весь класс идет в поход'.

Из приведенных примеров может показаться, что *-ge* функционально эквивалентен универсальному кванторному слову (УКС). В литературе известна связь УКС и интенсификации [Burnett 2012], отмечалась и возможность развития значения квантификатора из аддитивных фокусных частиц [König 2002; Haspelmath 1997]. Мы предполагаем, что показатель *-ge*, который не является в полной мере ни комитативом, ни УКС, с точки зрения семантики стоит рассматривать скорее как показатель, близкий к семантическим зонам интенсификации и фокуса. Это позволяет объяснить целый ряд его свойств. Например, в 0 УКС

cilä ‘весь’ является нейтральным средством указания на то, что множество объектов охвачено целиком. Добавление *-ge* в такую конструкцию без дополнительного контекста затруднено. Оно становится возможным в 0, если подчеркнуть, что действие было выполнено полностью (т. е. яблоки съедены без остатка). В ряде употреблений прослеживается семантика выделенности объекта 0.

- (6) *ivan cilä olma-m /[?] cilä olma-ge kačk-ân*
 И. весь яблоко-ACC весь яблоко-COM есть-CVB
pätär-en
 закончить-PFV
 ‘Иван съел все яблоки’.
- (7) *ivan cilä olma-ge kačk-ân pätär-en,*
 И. весь яблоко-COM есть-CVB закончить-PFV
ärdä-žä-m=ät kod-âde
 сердцевина-P.3SG-ACC=ADD оставить-NEG.CVB
 ‘Иван съел все яблоки, даже огрызка не оставил’.
- (8) *män’ knigä-ge opt-en-äm*
 1SG книга-COM положить-PFV-1SG
 ‘{Я все сложила в сумку,} даже книгу положила’.

Приведенные примеры служат аргументом в пользу анализа *-ge* как интенсификатора/оператора, служащего для снятия прагматической неточности (slack regulator в терминологии [Lasersohn 1999]), что и будет подробно освещаться в докладе.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; COM — комитатив; CVB — конверб; GEN — генитив; ILL — иллатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; P — посессивный показатель; PFV — перфектив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

Архипов 2004 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2004.

- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка // Bibliotheca Ceremissica. Т. 5. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
- Burnett 2012 — H. Burnett. From Quantification and Intensification to Slack Regulation: Adjectival ALL // Chicago Linguistics Society (CLS) 48, 2012. P. 109–123.
- König 2002 — E. König. The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective. London — New York: Routledge, 2002.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Lasersohn 1999 — P. Lasersohn. Pragmatic halos // Linguistics and Philosophy 75, 1999. P. 522–571.
- Salo 2016 — M. Salo. On the meanings of the suffix *-nek/-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? // K. Shagal, H. Arjava (eds.). Mordvin Languages in the Field. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 187–227.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin — New York: de Gruyter, 2006.

М. О. Черемисинова

НИУ ВШЭ, Москва

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧИСЛА И ПОСЕССИВНОСТИ В ДИСТРИБУТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Настоящий доклад посвящен взаимодействию факторов числа и посессивности в дистрибутивных контекстах в горномарийском языке. Данные для этой работы были собраны в с. Микряково Горномарийского р-на респ. Марий Эл в 2017 г.

В горномарийском языке выражение категории числа является необязательным [Тужаров 1987] и подчиняется влиянию референциального статуса ИГ и ее позиции в иерархии одушевленности [Бочкова 2016]. Показатели посессивности выражают лицо и число посессора [Alhoniemi 1993]. В [Kangasmaa-Minn 1966–1969] также упоминается о возможности маркирования показателем POSS.3PL мн.ч. обладаемого. В [Плешак 2016] утверждается, что для описываемого говора это не характерно. Мы покажем, что такое прочтение возможно в дистрибутивных контекстах.

Большинство типологических работ по дистрибутивности концентрируется на квантификаторах и дистрибутивных числительных [Gil 1995; Link 1991]. Однако маркируемость существительных в дистрибутивных контекстах описана в меньшей степени [Stone 1993: 661; Зализняк, Падучева 1974].

В горномарийском языке предложения типа (1), как правило, не имеют дистрибутивного значения.

- (1) *ävä-vlä tetä-(vlä)-štä-m pukš-evä*
мать-PL ребенок-PL-POSS.3PL-ACC кормить-AOR.3PL
‘Матери покормили своих детей [каждая или по одному своему, или несколько, или всех — не известно]’.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536 А «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках».

Интересно то, что показатель мн.ч. при наличии посессивного показателя мн.ч. необязателен, хотя в последнем случае у предложения появляется два прочтения: в ед.ч. и во мн.ч.

В дистрибутивных контекстах оказывается важным параметр неотчуждаемости обладаемого. Так, части тела, родственные отношения и отчуждаемые существительные отличаются между собой первой реакцией носителей. Приоритетным вариантом для частей тела является форма без показателя мн.ч. с посессивным показателем 3 л. мн.ч.

- (2) *ärvezä-vlä vuj-âštâ-m* /^{OK}*vuj-vlä-štâ-m*
 мальчик-PL голова-POSS.3PL-ACC /голова-PL-POSS.3PL-ACC
 /^{OK}*vuj-vlä-m säk-en-ät*
 /голова-PL-ACC вешать-PRF-3PL
 ‘Мальчики опустили (повесили) головы’.

Для родственников приоритетным вариантом будет форма с показателем мн.ч. и посессивным показателем мн.ч.

- (3) *vätâ-vlä marâ-vlä-štâ-m* /^{OK}*marâ-vlä-m*
 жена-PL муж-PL-POSS.3PL-ACC /муж-PL-ACC
 /^{OK}*marâ-štâ-m vârsâ-š âžat-evä*
 /муж-POSS.3PL-ACC война-ILL проводить-AOR.3PL
 ‘Жены проводили своих мужей на войну’.

Для отчуждаемых существительных первая реакция может быть любой из возможных вариантов, все формы употребляются в равной степени.

- (4) *xala-vlä gubernator-vlä-štâ-m*
 город-PL губернатор-PL-POSS.3PL-ACC
 /*gubernator-âštâ-m* /*gubernator-vlä-m*
 /губернатор-POSS.3PL-ACC /губернатор-PL-ACC
ajâr-evä
 выбрать-AOR.3PL
 ‘Города выбрали своих губернаторов’.

Таблица 1

	первая реакция	возможны
части тела	POSS.3PL	^{ok} PL-POSS.3PL, ^{ok} PL
родственные отношения	PL-POSS.3PL	^{ok} POSS.3PL, ^{ok} PL
отчуждаемая принадлежность	^{ok} PL-POSS.3PL, ^{ok} POSS.3PL, ^{ok} PL	

Как видно из примеров, в дистрибутивных контекстах множественность обладаемого может быть выражена при помощи посессивного показателя 3л. мн.ч. без самого показателя мн.ч. При этом опустить посессивный показатель нельзя, так как тогда теряется дистрибутивное значение. Как было сказано ранее, выражение мн.ч. в конкретно-референтной ИГ обязательно, а посессивный показатель множественного числа обозначает множественность посессора, а не обладаемого, но в дистрибутивных контекстах эти условия нарушаются.

- (5) *vätä-vlä* ^{ok}*marâ-štâ-m* /[#]*marâ-m* *vârsâ-š*
 жена-PL муж-POSS.3PL-ACC /муж-ACC война-ILL
âžat-evä
 проводить-AOR.3PL
 ‘Жены проводили своих мужей/(одного) мужика на войну’.

Таким образом, необязательное выражение числа и семантика посессивного показателя дают эффект множественности обладаемого при множественном посессоре и единственности обладаемого.

Литература

- Бочкова 2016 — А. Д. Бочкова. Числовое маркирование существительных в горномарийском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Тринадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов и лекций (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 24–28.
- Зализняк, Падучева 1974 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4. М.: ВИНТИ, 1974. С. 30–35.

- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993.
- Corbett 2004 — G. G. Corbett. *Number* [Cambridge Textbooks in Linguistics]. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.
- Gil 1995 — D. Gil. Universal quantifiers and distributivity // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). *Quantification in Natural Languages I* [Studies in Linguistics and Philosophy 54]. London — Dordrecht — Boston: Kluwer Academic Publishers Group, 1995. P. 321–362.
- Kangasmaa-Minn 1966–1969 — E. Kangasmaa-Minn. *The Syntactical Distribution of the Cheremis Genitive*. Turku: Kirjapaino Polytypos, 1966–1969.
- Link 1991 — G. Link. Quantity and number // D. Zaefferer (ed.). *Semantic Universals and Universal Semantics* [GRASS Series 12]. Berlin — New York: Foris Publications, 1991. P. 133–149.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in mordvin, mari, and permic // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016. Book of abstracts. University of Naples Federico II Naples (Italy), 2016. P. 877–879. (http://sle2016.eu/downloads/BoA_v7.pdf)
- Stone 1993 — G. Stone. Sorbian (Upper and Lower) // B. Comrie, G. G. Corbett (eds.). *The Slavonic Languages*. New York: Routledge, 1993. P. 593–685.

С. С. Шарыгина
СПбГУ, Санкт-Петербург

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ И ПРОСПЕКТИВА В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ

1. Введение

В рамках данного исследования рассматриваются способы выражения значений футуральной и проспективной зон в ингерманландских говорах финского языка.

Целью исследования является выявление различных способов выражения значений вышеперечисленных семантических зон и описание контекстов их употребления.

Исследование проводилось на материале данных, полученных методом устного анкетирования в ходе полевой работы в Гатчинском и Волосовском р-нах Ленинградской области в июле 2017 г.

2. Семантическая зона будущего времени

В собранном материале встречаются следующие способы выражения значений семантической зоны будущего времени:

- использование формы настоящего времени в значении будущего, т. е. **форма непрошедшего времени** [Таран 2013];
- конструкция *käyvä* (‘ходить’, ‘идти’) + **III инфинитив смыслового глагола на -mal/-mä**.

Форма непрошедшего времени может использоваться для описания перфективной ситуации, следующей (по мнению говорящего) за моментом речи (1); относящейся к «уверенному» будущему (2); или, в случае запроса говорящим разрешения, гипотетической (3).

- (1) *Huomen tull-oo* *hyvä* *ilma*.
завтра придти-3SG хороший погода
‘Завтра наступит хорошая погода’.

- (2) *Joka tapaukse-ssa myö voita-mme.*
любой случай-INESS мы победить-1PL
'В любом случае мы победим'.
- (3) *Mina ota-n se-n kirja-n katsoo.*
я брать-1SG этот-GEN книга-GEN смотреть
'Я возьму эту книгу посмотреть?'

Аналитическая конструкция **käyvä + 3INF** используется для передачи имперфективной ситуации в будущем, при условии, что описываемое действие осуществляется одушевленным субъектом (4). В случаях, когда информантам предлагались предложения с конструкцией **käyvä + 3INF** и неодушевленным субъектом ситуации, информанты переводили их на русский язык, используя имперфективную форму глагола (5), но отмечали крайнюю нежелательность такого употребления.

- (4) *Kons sie tul-et mie käi-n*
когда ты приходить-2SG я ходить-1SG
luke-maa.
читать-3INF
'Когда ты придешь, я буду читать'
- (5) *Kiv kävviü puttoo-maa.*
Камень ходить-3SG падать-3INF
*'Камень будет падать'.

3. Семантическая зона проспектива

В собранном материале встречаются следующие способы выражения значений семантической зоны проспектива:

- форма **непрошедшего времени**;
- конструкция **olla** ('быть') + **V инфинитив смыслового глагола в форме адессива множественного числа**;
- конструкция **lähtii** ('идти, отправляться') + **III инфинитив смыслового глагола**;
- конструкция **tahtoo** ('хотеть') + **III инфинитив смыслового глагола**;

Конструкция **olla + 5INF-PL-ADESS** используется для описания подготовительной стадии некой ситуации, признаки будущей реализации которой уже очевидны для говорящего:

- (6) *Laps on itke-mäis-i-llä.*
Ребенок быть.3SG плакать-5INF-PL-ADESS
‘Ребенок близок к тому, чтобы заплакать’.

Комментарий информанта: «уже покраснели глаза, слезы появились, но еще не текут».

Конструкции *lähtii* + 3INF и *tahtoo* + 3INF, как и конструкция *käyvä* + 3INF, могут использоваться только при описании ситуаций, субъект которых одушевлен:

- (7) *Mie lähe-n osta-maa auto-n.*
я идти-1SG купить-3INF машина-GEN
‘Я собираюсь купить машину’.
- (8) *Hiä taht-oo mäne-mää.*
он хотеть-3SG уходить-3INF
‘Он собирается уйти’.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AD — адессив; GEN — генитив; INF — инфинитив; SG — единственное число; PL — множественное число.

Литература

Таран 2013 — Ю. А. Таран. Вид и время глагола в финских говорах Центральной Ингерманландии. Выпускная квалификационная работа. СПбГУ, СПб., 2013.

Irene Amato

University of Leipzig, Leipzig

**STORY OF A CONSTRUCTION:
DISTRIBUTIONAL ANALYSIS OF MEANING
AND PRODUCTIVITY OVER TIME**

1. Summary

This study deals with the semantic structure of the Italian Gerundival Periphrases. We aim to provide both a confirmation of the adequacy of a constructional approach to Italian and an overview on syntactic productivity based on quantitative methods.

2. Background

Construction Grammar considers constructions as learned pairings of form and function emerging from patterns of usage. However, meaning is not directly observable. Thus, we assume that relevant aspects of meaning are related to textual co-occurrences (*Distributional Semantics*).

3. Objects

The *Gerundival Periphrasis* consist of a group of three formally related constructions of Italian. The *Progressive Construction* (1a) is expressed by a sequence of the verb *stare* ‘to stay’ followed by a gerund and, nowadays, it has an imperfective meaning. The *Continuous Construction* (2b) can be further distinguished in two variants, one with *andare* ‘to go’, the other with *venire* ‘to come’, both followed by a gerund, with an incremental meaning [Squartini 1998].

(1a) *La ragazza sta danzando.*
the girl stay.PRES dance.GER
‘The girl is dancing’.

(2b) *La temperatura va /viene aumentando.*
the temperature go.PRES /come.PRES increase.GER
‘Temperature is increasing’.

4. Research goals

We claim that such periphrases can be considered as constructions, using corpus-derived information, thereby providing a usage-based model of constructional meaning. Moreover, we argue that productivity is gradient and depends on previous language usages.

5. Methods

Data are extracted from *MIDIA* and *Google Ngram Corpus* and cover eight centuries of documentation. Firstly, we provide some quantitative measures of productivity. Secondly, we observe which verbs have been occurring in the verbal slot of the constructions over time. Thirdly, we create vector semantic spaces for each construction within each period, exclusively based on textual cooccurrences.

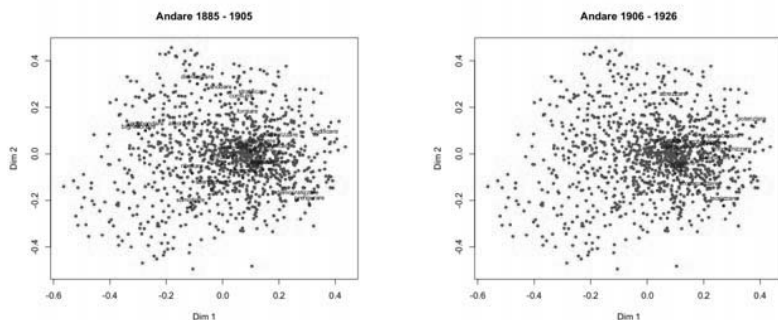
6. Results

Our corpus search permits to associate a particular function to these syntactic structures, confirming their status of constructions. Moreover, it highlights the relevance of some specific semantic fields. We confirm that the Progressive Construction has changed its meaning [Squartini 1998] and we propose a separate account of the two Continuous Constructions. As far as productivity is concerned, the verbal group containing the majority of elements at the beginning is always the one that grows faster and attracts the highest amount of new items.

This pattern of growth confirms the essential role of type frequency for productivity [Perek 2016], which depends on the previous experience of the speakers with the periphrasis: the more the elements that have already co-occurred with a construction, the more likely it is that new items will appear in it. However, item-based analogies, which stem from high similarity of new items with specific old instances, also play a role. An element with high token frequency is more likely to become an analogical model. Thus, token frequency influences the construction's productivity too. As Barðdal [2008] proposes, syntactic productivity is gradient and is a function of construction's type frequency, semantic coherence and the inverse correlation between the two. On one hand, there are extremely variable and schematic constructions, marked by high type frequency

and low semantic coherence between types. A good example of this is the Progressive Construction in its recent evolution. Also, *andare* + gerund construction was characterized by a great schema-based productivity, but this progressively changed into an analogy-driven process. On the other hand, constructions that are attested only with semantically similar types, generally characterized by low type frequency, can expand through local analogical patterns. The current stage of the two Continuous Constructions is a clear example of this type of process.

Figures 1–2. Example of growth of the semantic space. Red points represent the verbs already appeared in the construction, blue points individuate the new extensions that appear in the considered period for the first time



7. Conclusion

Our results are consistent with the expectations drawn from Construction Grammar and Distributional Semantics, providing a valid evidence of the adequacy of usage-based models of language. Moreover, we confirm the rich potential coming from computational analyses of large corpus data in synergy with these frameworks and in diachronic perspective.

References

Barðdal 2008 — J. Barðdal. Productivity. Evidence from Case and Argument Structure in Icelandic. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.

- Perek 2016 — F. Perek. Using distributional semantics to study syntactic productivity in diachrony: A case study // *Linguistics* 54, 1, 2016. P. 149–188.
- Squartini 1998 — M. Squartini. *Verbal Periphrases in Romance*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

Irene Amato, Hyunjung Lee

University of Leipzig, Leipzig

SUPPLETION UNDER LOCALITY CONSTRAINT: AN EVIDENCE FROM KOREAN

1. Nutshell

A strict locality constraint is proposed as a condition of suppletive allomorphy in recent studies of Distributed Morphology [Embick 2010; Bobaljik 2012]. Under this locality condition, vocabulary item for suppletive allomorphy is only subject to triggering feature within the same maximal projection, but not across a phrasal boundary. Korean has a case of three suppletive verbs of $\sqrt{\text{GIVE}}$, whose distribution depends on intertwined factors such as honorific dative argument, imperative marker and co-referenced anaphor. The allomorphy of $\sqrt{\text{GIVE}}$ provides as prima facie counter-examples by violating locality conditions. In this study, we aim to identify a context for each phonological exponent of $\sqrt{\text{GIVE}}$ and to show that the Korean allomorphy, in fact, conforms to locality requirement.

2. Data

$\sqrt{\text{GIVE}}$ has three allomorphs: the dative honorific driven /*tuli*/, the imperative with very limited distribution /*tal*/, and the elsewhere form /*cwu*/. First, the phonological exponent /*tuli*/ is inserted when the status of the recipient case-marked with dative is higher relative to the subject (1b) vs. (1c). Note that honorific subject only triggers the verb agreement with suffix *-si*. /*cwu*/ is inserted if the subject has higher or equal status than the indirect object (1a).

(1a) *chingwu-ka na-ekey satang-ul cwu-ess-ta.*
friend-NOM I-DAT candy-ACC give-PST-DEC
'The friend gave me a candy'.

(1b) *Sensayngnim-kkeyse na-ekey satang-ul cwu-si-ess-ta.*
teacher-NOM.HON I-DAT candy-ACC give-HON-PST-DEC
'The teacher gave me a candy'.

- (1c) *nay-ka Sensayngnim-kkey satang-ul tuli-ess-ta.*
 I-NOM teacher-DAT.HON candy-ACC give-PST-DEC
 ‘I gave the teacher a candy’.

The alternation of /*tal*/ is observed in the imperative, where the dative argument is co-referential with a speaker of an utterance (i.e. [1.SG]), as shown in (2a). In this case, the elsewhere form /*cwu*/ appears as a free variant in this same context as in (2a). However, this exponent is blocked when the verb is negated or an addressee of an utterance obtains a [+HON] feature.

- (2a) (*Ne*) *na-ekey satang-ul tal/cwu-o.*
 you-NOM I-DAT candy-ACC give-IMP
 ‘Give me a candy’.
- (2b) (*Ne*) *na-ekey satang-ul *tal/cwu-ci-ma-la.*
 you-NOM I-DAT candy-ACC give-CI-NEG-IMP
 ‘Do not give me a candy’.
- (2c) (*Sensayngnim,*) *na-ekey satang-ul *tal/cwu-si-yo.*
 teacher.HON I-DAT candy-ACC give-HON-IMP.POL
 ‘(Teacher,) give me a candy (please)’.

3. Proposal

We attempt to provide an analysis of three allomorphs of root $\sqrt{\text{GIVE}}$ with following two assumptions:

- (3a) Pruning: $\sqrt{\text{ROOT}} \neg [X, \emptyset], [X, \emptyset] \neg Y \rightarrow \sqrt{\text{ROOT}} \neg Y$
 (3b) [+HON] Sprouting rule: $v^0 \rightarrow [v^0 \text{ Hon}^0] / [\text{Addressee } [+HON] \dots [\dots v^0 \dots]]$

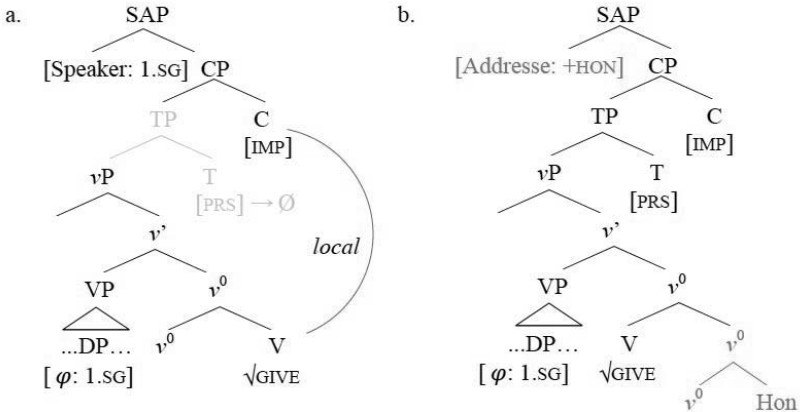
The morphological operation called pruning in (3a) is rather weak so that it is optionally executed. According to the schemata in (3b), verb head is sprouted into Hon Head with [+HON] feature, when the addressee which c-commands the verb bears an honorific feature. The following is the list of vocabulary items corresponding to the lexical entries.

- (4a) $\sqrt{\text{GIVE}} \leftrightarrow /tal/ / [[\varphi: 1.SG] \text{ ______ } [IMP]]$
 (4b) $\leftrightarrow /tuli/ / \text{ ______ } DP [+HON, CASE:DAT]$
 (4c) $\leftrightarrow /cwu/ \text{ elsewhere}$
 (4d) [+HON] $\leftrightarrow /si/ \text{ f. } [NEG] \leftrightarrow /mal/ / \text{ ______ } [IMP]$

- (4e) [PRS] ↔ ∅ g. [IMP] ↔ /la/ ~ /o/ (phonologically conditioned)

Here is the derivative structure for the above data.

(5)



As illustrated in (5a), the operation pruning applies on T node which has a zero exponent and deletes the node after Spell-Out and before the insertion of vocabulary items. Thereby, the complex *v* head becomes local to the C head with [IMP] feature within the same boundary so that /tal/ is successfully inserted to the terminal verbal head without violating the strict locality constraint. At a first glance, the contextual environment for /tal/ seems not to be satisfied due to the intervening T node, but this most specific exponent (4a) can be inserted with the assistance of node-deleting rule. Due to the optionality of (3a), if the pruning is not operated, the T node still exists between the *v* and C and the contextual requirement for /tal/ fails to satisfy. Thus, it accounts for free variation /tal/ ~ /cwu/ in (2a). In addition, our analysis supports the argument that suppletive allomorphy is only triggered under stringent local conditions. In the same line, negation intervenes between *v* and C, and blocks the occurrence of suppletive allomorph /tal/ in (2b). Next, consider the data in (2c). As the addresses has an [HON] feature, it triggers the verbal head to sprout into a head adjoining to Hon head. In the cyclic sense of insertion, re-writing /si/ for Hon head takes precedence over that for √GIVE. The root √GIVE is replaced by the elsewhere form

/cwu/, which is the only possible allomorph to meet the context.

4. Concluding remarks

We have investigated three allomorphs of $\sqrt{\text{GIVE}}$ in Korean conditioned by non-local factors. In the central tenant of DM, we have provided the analysis of these complex forms of suppletion and shown the further evidence that stringent locality constraint should hold for suppletion. In the future research we identify the environment for the allomorph in the embedded clauses and conduct in-depth investigation on whether the locality condition still holds.

References

- Bobaljik 2012 — J. D. Bobaljik. Universals in Comparative Morphology: Suppletion, Superlatives, and the Structure of Words. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2012.
- Embick 2010 — D. Embick, D. (2010). Localism versus Globalism in Morphology and Phonology [Linguistic Inquiry Monographs 60]. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2010.

Samhita Bharadwaj

North-Eastern Hill University, Shillong

CLASSIFIERS IN ASSAMESE AND BODO IN A TYPOLOGICAL LIGHT

The problem of this research is to analyse the classifiers in Assamese and Bodo, two genetically unrelated languages from Indo-Aryan and Tibeto-Burman families respectively. As both the languages have shared a long areal contact in Assam, a north-eastern state in India, where Assamese is spoken as the lingua franca among various linguistic communities and Bodo has the highest number of Tibeto-Burman (TB) speakers in the state. Other Tibeto-Burman languages include Dimasa, Rabha, Deori, Karbi, Mising etc. As classifiers are not a typical Indo-Aryan feature, the areal contact with Bodo and other TB languages is a highly probable source of the system in Assamese. This is the motivation behind comparison between the classifiers of Assamese and Bodo in this paper.

The methodology adopted in the study is functional typological, and the data has been collected through the author's fieldwork in Bodo. The data for Assamese come from the author's own intuition as the native speaker of the language. The Bodo data has been collected through recording spoken data from narratives and folk tales, as well as elicitations from the Bodo speakers of all the age groups. The Assamese data was further cross-checked with other native speakers of the language, and the data for both languages show the spoken use of the languages.

The study finds significant similarities in the systems both lexically and semantically, especially in the mensural classifiers. Cases of borrowing were found from Assamese to Bodo. Animate and inanimate were found as the main sub-types of classifiers in the languages, and both the systems made use of repeaters indicating productivity of the systems. Presence of specific and generic classifiers and the speakers' tendency to over-use generic classifiers were some other common factors observed in the study. The Assamese system was found to be more animacy-detailed than Bodo,

and making use of classifiers for more pragmatic functions. Finally, the fact that Assamese classifiers in the present times rarely show hints of borrowing from Bodo in terms of lexical similarity, indicate that the classifier system of Assamese must be as old as the time when Assamese gained the status of lingua franca among various communities in Assam, replacing the Non-Aryan speeches prevalent before.

Dankmar Enke, Roland Mühlenbernd
Ludwig-Maximilians-Universität, Munich,
University Ca' Foscari, Venezia

FROM RECRUITEMENT TO CATEGORICALIZATION: DIACHRONY OF PROGRESSIVE GRAMMARS

It is a well-known typological observation that languages without a distinct progressive (PROG) morphology realize the communicative function of the PROG through the imperfective (IMP) aspect (if morphologically instantiated). This primarily motivates to treat the denotation of the PROG as a proper subset of the denotation of the IMP ($IMP \supseteq PROG$) [Comrie 1976]. In Russian, the IMP form licences a PROG interpretation, while the same form refers to a habitual/generic (HAB/GEN) situation. In languages with both aspects, the IMP often does not licence a PROG reading (cf. English). In languages such as Present-Day German varieties (GermV), an optional PROG is innovated. Furthermore, there is a crosslinguistically robust generalization in the diachrony of such markers: functional elements restricted to PROG reading semantically generalize to licence IMP readings such as the HAB/GEN or the stative. This generalization has been attested according to data from, e.g., Turkish [Göksel, Kerslake 2005]: the PROG is expanding to semantically overlap with the domain of the IMP Aorist morphology, thus instantiating the PROG-to-IMP shift (cf. [Bybee et al. 1994]).

All these typological data motivate a cyclic process (Table 1) as a path from one *zero PROG* (ZP) grammar to another ZP*. It is assumed that all languages' IMP systems generally change in top-to-bottom direction of this path: it starts with a language without explicit PROG form, (a). Then an *optional PROG* (OP) is innovated, (b); it becomes obligatory for PROG meanings (*categorical PROG* (CP)), (c); and at the last stage, (d), it generalizes and takes the semantic place of the old broad-IMP form, resulting in a ZP grammar again; (a) and (d) are identical except for their formal exponents¹.

¹ An explicit PROG marker (cf. OP, CP) is restricted to nonstative

Table 1. Different grammars of the progressive cycle

	grammar	label	type	sample languages
(a)	ZP	$X_{imp \exists prog}$	zero-PROG	Russian, Standard German
(b)	OP	$X_{imp \exists prog}, (Y_{+prog})$	emergent-PROG	GermV, Italian
(c)	CP	X_{-prog}, Y_{+prog}	categorical-PROG	English, Pre-Modern Turkish
(d)	ZP*	$Y_{imp \exists prog}$	generalized-PROG	Modern Turkish, Tigre

The four grammars (ZP-ZP*) can be intuitively regarded as distinct strategies for communicating phenomenal and structural sub-meanings [Goldsmith, Woisetschlaeger 1982] within the IMP domain. In systems with two forms, namely OP and CP, the choice of form helps the hearer to correctly identify the speaker’s intended sub-meaning. The ZP and ZP* strategies use a single form while relying on the hearer’s understanding of contextual cues for successful communication. Importantly, PROG induces a cycle through (a–d), but HAB, though also being more specific than the broad IMP, does not eventually generalize to IMP [Deo 2015]. Thus, there is no shift from (c)-type to (d)-type stage for HAB and therefore no HAB-to-IMP cycle. (Fig. 1a).

Our talk concerns the following: which assumptions conduce to the PROG-to-IMP cycle, and at the same time rule out theoretically possible other paths — such as the HAB-to-IMP cycle — that are not empirically observed in human languages? To address this issue we use a synthetic approach: First, we apply a game-theoretic model that bases on speaker-hearer interaction — the signaling game [Lewis 1969] — and extend it to the ‘IMP game’, which enables us to describe the different systems (cf. zero-PROG, categorical-HAB, etc.) as formal sender/receiver strategies. Second, we embed this model in

verbs [Comrie 1976], and its expansion to stative verbs is part of the generalization process (to ZP*).

a computational framework: a population of agents that interact repeatedly and pairwise by playing the IMP game, whereby agents i) update their communicative behavior by an update rule called Roth-Erev reinforcement learning [Roth, Erev 1995], and ii) are alive for a particular number of simulation steps. Accordingly, agents have an age level, and ‘old’ agents are posthumously replaced by ‘young’ agents.

Figure 1. The expected diachronic development includes next to the cycling *PROG-to-IMP path* its alternative deadlock *HAB-to-IMP path* (a).

The results of our synthetic approach reveals: with particular implemented assumptions like childhood input asymmetry we were able to reproduce the expected paths (b)



With this approach we tested possible hypotheses that suggest assumptions that might support or mitigate the emergence of this cycle. As a general result, we were able to reconstruct the observed cycle by adding three assumptions to the basic model: (1) reduced access to contextual cues (note: the IMP game involves context information to participants of the IMP game) from the hearer by 10%; (2) a gradually increasing symmetric cost for having a two-form system (such as OP and CP grammars); and (3) agents as hearers were mostly presented with phenomenal statements in the childhood, vindicating a conjecture by Deo [2015]. All in all, the results support Deo’s (2015) conjecture, namely that being more exposed to PROG-type meanings in childhood induces the PROG-to-IMP, and rules out the HAB-to-IMP, development (Fig. 1b). We thus effectively provide microfoundations for Deos macro model of the PROG-to-IMP cycle. As a final remark, note that the reconstruction of the observed cycle requires a speaker/hearer asymmetry, which in our experiment is induced by the childhood-input asymmetry, but it might also be induced by other factors.

References

- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago, IL: Chicago University Press, 1994.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Deo 2015 — A. Deo. The semantic and pragmatic underpinnings of grammaticalization paths: The progressive to imperfective shift // *Semantics and Pragmatics* 8, 2015. P. 1–52.
- Göksel, Kerslake 2005 — A. Göksel, C. Kerslake. *Turkish: A Comprehensive Grammar*. London: Routledge, 2005.
- Goldsmith, Woisetschlaeger 1982 — J. Goldsmith, E. Woisetschlaeger. The logic of the English progressive // *Linguistic Inquiry* 13, 1, 1982. P. 79–89.
- Lewis 1969 — D. Lewis. *Convention*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969.

Kyuyoung Kang

Seoul National University, Seoul

A STUDY ON CONNECTIVE ENDING *-TAGO* TYPES IN KOREAN

This study investigates the grammatical features and meanings of the *-tago* type of connective ending in Korean, which is grammaticalized from a speech report construction.¹

- (1a) *Na-neun hakkyo-ae gan-ta-go malhaet-ta.*
I-SUB school-to go-END-COM said-END
'I said that (I) go to school'.
- (1b) *Na-neun hakkyo-ae ga-ja-go malhaet-ta.*
I-SUB school-to go-END-COM said-END
'I said that (we) go to school'.
- (1c) *Na-neun hakkyo-ae gan-ra-go malhaet-ta.*
I-SUB school-to go-END-COM said-END
'I said that (you/he/she/they) should go to school'.
- (2) *Na-neun hakkyo-ae gan-tago/jago/rago nawat-ta.*
I-SUB school-to go-CONN went out-END
'I went out to go to school'.

As seen in (1), the complementizer *-go* follows the final ending *-ta* (which is a marker of a declarative clause), thus forming a speech report construction. The combination of *-ta* and *-go* grammaticalizes into a connective ending, giving a reason or purpose, as in (2). It should be noted that it is not just *-tago* that can be used as a connective ending in Korean; *-jago* and *-rago* can also be utilized in this way, and therefore I call them “*-tago*-type” endings. The former, *-jago*, is grammaticalized from a combination of the propositive marker *-ja* and the complementizer *-go*, while the latter, *-rago*, combines the imperative marker *-ra* with the complementizer *-go*.

¹ This study forms part of the writer's Master's thesis, completed in February 2017.

This paper discusses the distributional and semantic features of the *-tago* type of ending. While all *-tago*-type endings can be used in purpose clauses, as demonstrated in (2), only *-tago* itself can lead reason clauses, as is shown in (3):

- (3) *Keunyu-ka on-tago haenbokha-ta.*
she-SUB come-CON be.happy-END
'(I) am happy because she is coming'.

Notably, *-tago* can be used to express a purpose only if the volition or intention of the subject is expressed in a subordinate clause. This rule seems quite reasonable, given that, as Jackson [1995: 57] states, purpose is “a reason formulated in terms of [the] intended outcome” of the action (see also [Schmidtke-Bode 2009: 18]). From this perspective, the fact that *-jago* and *-rago* can only mean purpose can also be explained easily because a propositive or imperative speech act is a volitional act in itself.

It can be said that the meanings of *-tago*-type endings indicate that they originate from declarative, propositive, or imperative markers. The features of these origins can also be found in that *-tago* and *-jago* (grammaticalized from the declarative and the propositive, respectively) lead same-subject purpose clauses, while *-rago* (derived from the imperative) leads different-subject purpose clauses only.

As the paper progresses, the negative nuance of the *-tago* type of ending is discussed in terms of the presence of overtones of reported evidentiality. Unlike other endings that are used in reason or purpose clauses, the *-tago*-type ending can express the speaker's negative attitude toward the reason or purpose expressed in a subordinate clause. Moreover, the reason or purpose clause can be a lie from the subject (or agent) of the main clause. For instance, in (2), the subject may think that “going to school” is not a positive purpose or reason for going out. Or, indeed, the subject “I” may have lied about “going to school” being the reason for going out; it may have been something else. These distinctive features of *-tago* types of ending can be seen as an example of the existence of overtones of reported evidentiality, as discussed by Aikhenvald [2004].

Research into the distributional and semantic features of *-tago* type endings may provide a basis for the typological study of the grammaticalization of speech report constructions more generally.

References

- Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Aikhenvald 2009 — A. Y. Aikhenvald. *Semantics and grammar in clause linking* // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *The Semantics of Clause Linking. A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 380–402.
- Jackson 1995 — H. Jackson. *Grammar and Meaning: A Semantic Approach to English Grammar*. London: Longman, 1995.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. *A Typology of Purpose Clauses*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2009.

Alassane Kiemtoré

University of Stuttgart, Stuttgart

MORPHOSYNTACTIC AND SEMANTIC ASPECTS OF CLAUSAL COMPLEMENTATION IN JULA

This is a preliminary study on clausal complementation in Jula, a West-African Manding language closely related to the better researched Bambara language of Mali. We assume that clausal complementation involves interaction between two functional categories, as opposed to one lexical and one functional category [Kratzer 2006; Moulton 2009] and more traditional views on complementation (see [Rosebaum 1967; Kisparsky, Kisparsky 1970; Bresnan 1972; Menzel 1975; Pesetsky 1992]). Against this background, we explore relations between semantic properties of clause-embedding predicates and the form and function of their clausal complements (non-finite with *ká* and finite complement clauses with *ko*). Two types of matrix predicates are considered: factive and believe-type predicates. We show that the form of the complement clause cannot be predicted easily on the basis of the embedding predicate alone. However, the finiteness status of the complement clause often coerces embedding predicates to take on derived meanings that are in harmony with the syntactic and semantic type of the complement clause (factive vs. doxastic vs. future-oriented intention). The b-examples in (1) and (2) illustrate such coerced embedding predicates.

(1a) *Cε sɔn-na kà mɔbili san*
man accept-PFV INF car buy
‘The man accepted to buy a car’. (non-finite, non-doxastic, future-oriented)

(1b) *Cε sɔn-na ko ale ye mɔbili san*
man accept-PFV COMP 3EMP PFV car buy
‘The man recognized that he bought a car’, lit. ‘The man accepted that he bought a car’. (finite, factive)

(2a) *Cε ye a miiri ko ale ye mɔbili san*
 man PFV CORR think COMP EMP PFV car buy
 ‘The man thought that he bought a car’. (finite, doxastic)

(2b) *Cε ye a miiri kà mɔbili san*
 man PFV CORR think INF car buy
 ‘The man wanted to/was planning to buy a car’, lit.: ‘The man thought to buy a car’. (non-finite, non-doxastic, future-oriented)

Furthermore, there appears to be parallel between syntacticosemantic complement types and restrictions on topicalization and extraposition (leaving open the question whether it is considered as movement or base-generation), along with the occurrence of sentential proforms [Schwabe 2015; Schwabe, Frey, Meinunger 2016]. Topicalized complement clauses must co-occur with referential proform (*o*-form) and only non-finite clauses undergo topicalization, the finite ones never do (compare (3a) to (3b)). Extraposed clauses often co-occur either with obligatory correlates (subject and object) or with optional correlates (postpositional) of the *a*-form. Both finite and non-finite clauses undergo extraposition as in (2).

(3a) *kà mɔbili san, cε ye o miiri*
 INF car buy man PFV REF.PRO think
 ‘The man wanted to/was planning to buy a car’, lit.: ‘The man thought to buy a car’. (non-finite, non-doxastic, future-oriented)

(3b) **ko ale ye mɔbili san, cε ye*
 COMP 3EMP PFV car buy man PFV
a/o miiri
 CORR/REF.PRO think
 ‘The man thought that he bought a car’. (finite, doxastic)

We take these and similar patterns to indicate a morphosyntactic relationship between the left edge of clausal complements and their embedding structures. To take this idea one step further, we postulate syntactic heads at the right edge of the embedding structures that interact with, but are syntactically distinct from the embedding lexical predicates themselves. We feel justified in doing so for the following reasons: (i) The complement types (finite vs. non-finite) and the semantic classes (factive, doxastic, and bouletic or future-oriented intentional) are clearly universal, and hence the structures that agree

with these types in the embedding clauses must be universal too. Universal components of meaning have a tradition of getting syntacticized in generative grammar. (ii) The type of deviance that results from combining embedding structures and complements that are not in harmony (and cannot be coerced into other readings) is ungrammaticality, and not presupposition failure. (4) and (5) depict the relevant portions of structure to illustrate the above generalizations.

- (4a) [V... [DOX_{SUPER} [CP ...DOX_{SUB}...]]]
 (4b) [V...[FACT_{SUPER} [CP ...FACT_{SUB} ...]]]
 (4c) [V...[FUT-BOUL_{SUPER} [INF ...FUT-BOUL_{SUB} ...]]]
 (5a) *[V... [DOX_{SUPER} [CP ...FACT_{SUB}...]]]
 (5b) *[V...[FACT_{SUPER} [CP ...DOX_{SUB} ...]]]
 (5c) *[V...[FUT-BOUL_{SUPER} [INF ...FACT_{SUB} ...]]]

Our proposal may explain what complementation coercion amounts to in cases like (1) and (2), but we can't explain why this doesn't happen with all predicates.

References

- Bresnan 1972 — J. Bresnan. *Theory of Complementation in English Syntax*. PhD Thesis. MIT, Cambridge, Mass., 1972.
 Kratzer 2006 — A. Kratzer. *Decomposing Attitude Verbs*. Talk given in honor of Anita Mittwoch. The Hebrew University of Jerusalem, 2006.
 Kiparsky, Kiparsky 1970 — P. Kiparsky, C. Kiparsky. *Fact // M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds.). Progress in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1970. P. 143–173.
 Menzel 1976 — P. Menzel. *Semantics and Syntax in Complementation*. The Hague: Mouton, 1976.
 Moulton 2009 — K. Moulton. *Natural Selection and the Syntax of Clausal Complementation*. PhD Thesis. University of Massachusetts, Amherst, 2009.
 Pesetsky 1982 — D. Pesetsky. *Path and categories*. PhD Thesis. MIT, Cambridge, Mass., 1982.
 Rosenbaum 1967 — P. Rosenbaum. *The Grammar of English Predicate Complement Constructions*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1967.
 Schwabe 2015 — K. Schwabe. *On the licensing of argument conditionals // M. Aher, E. Jerabek, D. Hole, C. Kupke (eds.). Logic, Language and Computation*. 10th International Tbilisi Symposium TbiLLC 2013.

Berlin — Heidelberg: Springer-Verlag, 2015. P. 1–20.
Schwabe, Frey, Meinunger 2016 — K. Schwabe, W. Frey, A. Meinunger.
Sentential proforms: An overview // K. Schwabe, W. Frey,
A. Meinunger (eds.). Inner-sentential Propositional Proforms: Syntac-
tic properties and interpretative effects. Amsterdam — Philadelphia:
John Benjamins, 2016.

Simone Mattiola

University of Pavia, Pavia — University of Bergamo, Bergamo

**THE NON-UNIVERSALITY OF GRAMMATICAL
CATEGORIES: EVIDENCE FROM PLURACTIONAL
CONSTRUCTIONS**

This presentation demonstrates the non-universality of linguistic categories through the cross-linguistic analysis (240-language sample) of pluractional constructions.

Pluractionality is defined as the phenomenon that signals the plurality of situations encoded by the verb through any morphological mean that modifies the form of the verb.

The main characteristic of these constructions is their cross-linguistic heterogeneity. This can be noted basically observing all the parameters, but it is principally evident at the functional and formal levels.

Cross-linguistically, pluractional constructions express several functions. They can be divided in functions that make a construction an instance of pluractionality or ‘core functions’ (event plurality, cf. (1); spatial distributivity, cf. (2); participant plurality, cf. (3)), and in functions that pluractional constructions can additionally express or ‘additional functions’ (such as: habituality, generic imperfectivity, intensity, event-internal plurality, continuativity, reciprocity).

KONSO (AFROASIATIC, CUSHITIC)

- (1) *ʔifa-ʔ* *ʔinanta-siʔ* *ʔi=tu-tuɕɕuur-ay*
3SGM.PRO-NOM girl-DEF.F/M 3=PL-push[SG]-PFV[3M]
‘He pushed the girl more than once’. [Ongaye 2013: 263]

APURIÑA (ARAWAKAN, SOUTHERN MAIPURAN)

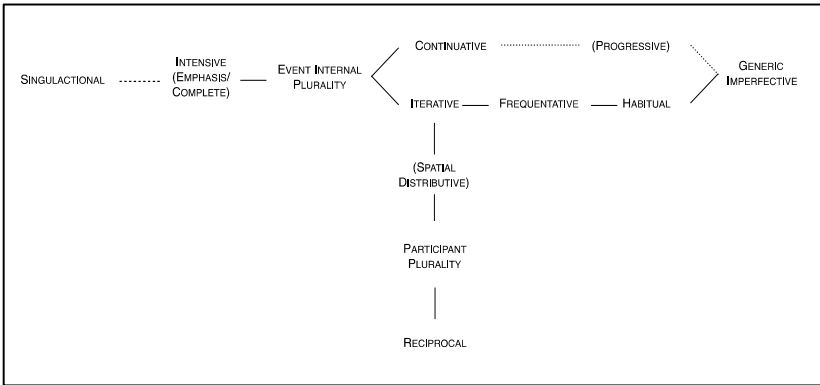
- (2) *Ø-umaka-poko-rewa-ta-na*
3M-sleep-DISTR-INTR-VBLZ-3PL
‘They are sleeping around’. [Facundes 2000: 311]

HUICHOL (UTO-AZTECAN, SOUTHERN UTO-AZTECAN)

(3) *Nee waakana-ari ne-mec-uqi?ii-ri eeki*
 1SG chicken-PL 1SG.SBJ-3PL.OBJ-kill.PL-BEN 2.SG
 ‘I killed the chickens for you’. [Comrie 1982: 113]

This polifunctionality was explained through the Semantic Map model by Mattiola [2016: 62].

Figure 1. Semantic map



At formal level, languages encode pluractional functions mainly through three strategies: affixation, reduplication, lexical alternation. However, these strategies can co-exist in the same language. Furthermore, also strictly related languages can show relevant differences (cf. Chadic languages of the sample below).

This large diversity has led several scholars to classify pluractionality in different grammatical categories: aspect [Corbett 2000], actionality [Dressler 1968; Cusic 1981; Xrakovskij 1997], independent category [Corbett 2000]. While these models are not completely satisfactory, they are not totally wrong: pluractional constructions have indeed different grammatical status in different languages. In other words, they are constructions that share a common function, but that can be expressed through different categories depending on the language. For example, Mattiola [2016: 127–205] demonstrated how pluractional constructions are expressed differently in three different languages: in Akawaio (Cariban, Venezuelan) they are an aspect-like category, in Beja (Afroasiatic, Cushitic) an

independent phenomenon, and in Maa (Nilotic, Eastern Nilotic) they used to be independent, while now they show several connections with motion and, specifically, directionals.

Table 1. Strategies of marking pluractionality

Languages	Strategies of Marking			
	Affixation	Reduplication	Lexical alternation	Others
Hausa [Newman 2000; Jaggar 2001]	==	partial (initial/internal)	==	==
Lele [Frajzyngier 2001]	<i>-wi</i>	==	==	devoicing of initial consonant
Masa [Melis 1999]	NO PLURACTIONALITY			
Mupun [Frajzyngier 1993]	<i>-a-, -r-, -e, -ep, -wat, -k-</i>	==	yes	==
Wandala [Frajzyngier 2012]	<i>-a-</i>	partial	yes	==

Pluractional constructions represent a strong evidence for the language-specificity of grammatical categories [Dryer 1997; Croft 2001; Haspelmath 2007; 2010; Cristofaro 2009]. Their cross-linguistic peculiarities make evident that categories are applicable only in single languages, that is, they are not universal entities. Typologists must thus be aware that every language has its own set of categories and that we should found our cross-linguistic investigations only on comparative concepts defined on functional/semantic/pragmatic grounds [Haspelmath 2007; 2010].

References

Comrie 1982 — B. Comrie. Grammatical Relations in Huichol //

- P. J. Hopper, S. A. Thompson (eds.). *Studies in Transitivity*. New York, NY: Academic Press, 1982. P. 95–115.
- Corbett 2000 — G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Cristofaro 2009 — S. Cristofaro. Grammatical categories and relations: universality vs. language specificity and construction-specificity // *Language & Linguistics Compass* 3, 1, 2009. P. 441–479.
- Croft 2001 — W. Croft. *Radical Construction Grammar: syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Cusic 1981 — D. Cusic. *Verbal Plurality and Aspect*. PhD Thesis. University of Stanford, Stanford, CA, 1981.
- Dressler 1968 — W. U. Dressler. *Studien sur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, in Lateinischen und Hethitischen*. Wien: Hermann Böhlau Nachfolger, 1968.
- Dryer 1997 — M. S. Dryer. Are grammatical relations universal? // J. Bybee, J. Haiman, S. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 115–143.
- Facundes 2000 — S. da S. Facundes. *The Languages of the Apuriña People of Brazil (Maipure/Arawak)*. PhD Thesis. State University of New York at Buffalo, Buffalo, NY, 2000.
- Frajzyngier 1993 — Z. Frajzyngier. *A Grammar of Mupun*. Berlin: Dietrich Reimer, 1993.
- Frajzyngier 2001 — Z. Frajzyngier. *A Grammar of Lele*. Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information, 2001.
- Frajzyngier 2012 — Z. Frajzyngier. *A Grammar of Wandala*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Pre-established categories don't exist: consequences for language description and typology // *Linguistic Typology* 11, 1, 2007. P. 119–132.
- Haspelmath 2010 — M. Haspelmath. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // *Language* 86, 2010. P. 663–687.
- Jaggar 2001 — P. Jaggar. *Hausa*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Mattiola 2016 — S. Mattiola. *Typology of pluractional constructions in the languages of the world*. PhD Thesis. University of Bergamo — University of Pavia, Bergamo — Pavia, 2016
- Melis 1999 — A. Melis. *Description du Masa (Tchad): phonologie, syntaxe et dictionnaire encyclopédique*. PhD Thesis. University of Tours, Tours, 1999.
- Newman 2000 — P. Newman. *The Hausa language: An encyclopedic Reference Grammar*. New Haven, CT: Yale University Press, 2000.

- Ongaye 2013 — O. O. Ongaye. The Category of Number in Konso // A. Mengozzi, M. Tosco (eds.). *Sounds and Words through the Ages: Afroasiatic Studies from Turin*. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2013. P. 253–266.
- Xrakovskij 1997 — V. S. Xrakovskij. Semantic types of the plurality of situations and their natural classification // V. S. Xrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München: Lincom, 1997. P. 3–64.

E. Mescheryakova

NRU HSE, Moscow

**MODELLING REFERENTIAL SCALE
WITH DISSIMILARITY MATRICES:**

**nominal number, differential argument marking and possessor
marking in Pama-Nyungan**

Referential hierarchy [Silverstein 1976; Moravcsik 1978] has been used to illustrate and explain various cross-linguistic regularities (e.g. differential argument marking strategies [Haude, Witzlack-Makarevich 2016; Witzlack-Makarevich, Seržant 2017], verb-argument agreement [Woolford 1999], etc.). The hierarchy is traditionally represented as an ordinal scale [Dixon 1979: 85] or a list of logically independent (but certainly not orthogonal) scales, where elements denote the properties of NPs and their referents such as person, animacy, definiteness, and number [Croft 2003]. An alternative view on the scales was proposed in [Cysouw 2015]: any ‘scale of linguistic structure’ can be generalized to a metric or a dissimilarity matrix. This approach removes the constraint of unidimensionality (but leaves the linear ordering as a special case) and provides a way to combine ‘scales’ of form and those of function. This approach seems to be promising as it allows to perform statistical testing of related typological hypotheses without making an assumption about the internal structure of a scale.

Cysouw’s work influenced such studies as [Bickel et al. 2015], which tested a hypothesis that split case marking is governed by a universal referential scale. Besides testing the universality of a number of one-dimensional scales defined a priori, the authors derived a multidimensional scale empirically and then obtained its linear approximation via the multi-dimensional scaling algorithm.

I adopt the described approach and attempt to build a model that unites more than one phenomenon where the referential hierarchies are claimed to play a significant role: differential argument marking (DAM), nominal plurality marking and possessor coding strategies. As a language sample, I confine my study to Pama-Nyungan

languages, a large family within Sahul macro-area which is stated to show strong referentially-based effects [Bickel et al. 2015: 39]. I started with a small dataset compiled manually according to the languages' grammar descriptions; it is planned to add more data from the Pronoun Paradigms Database (<http://pdb.simon.net.nz/>) by Simon J. Greenhill, AUTOTYP database [Bickel et al. 2017], and the relevant part of the dataset released with [Bickel et al. 2015].

For every language in a sample, I build a matrix “NP property — feature”, where the rows represent 1sg, 1du, 1pl, 2sg, ..., proper name, etc., and the columns denote categorical features describing the phenomena listed above. Then a dissimilarity matrix (with the NP properties pairwise distances as the elements) is computed using the Hamming distance. Such matrix represents a multidimensional scale for a language. To compare the scales corresponding to different languages, I apply entrywise L_1 norm: for matrices A and B representing the scales in languages L_A and L_B ,

$$\text{dist}(A, B) = \sum_{ij} |A_{ij} - B_{ij}|.$$

These distances describe pairwise similarity between the scales in different languages. Therefore, the main research questions are how these distances can be explained, how stable they are diachronically and if the language contacts affect them.

To assess the impact of the languages genealogy, I compare these distances with the pairwise distances on a phylogenetic tree built by the authors of [Bowerman and Atkinson 2012]. For the DAM features, the obtained Pearson correlation coefficient is $\rho = 0.72$ ($p=0.0025$).

Further work includes the comparison of the obtained similarities between the multidimensional scales with the geographical distribution of the languages and a number of similar experiments on a larger dataset.

References

- Bickel et al. 2015 — B. Bickel, A. Witzlack-Makarevic, T. Zakharko. Typological evidence against universal effects of referential scales on case alignment // I. Bornkessel-Schlesewsky, A. Malchukov, M. Richards (eds.). *Scales: A cross-disciplinary perspective on referential hierarchies*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. P. 7–44.

- Bickel et al. 2017 — B. Bickel, J. Nichols, T. Zakharko, A. Witzlack-Makarevich, K. Hildebrandt, M. Rießler, L. Bierkandt, F. Zúñiga, J. B. Lowe. The AUTOTYP typological databases. Version 0.1.0, 2017. (<https://github.com/autotyp/autotyp-data/tree/0.1.0>)
- Bowern, Atkinson 2012 — C. Bowern, Q. Atkinson. Computational Phylogenetics and the Internal Structure of Pama-Nyungan // *Language* 88, 4, 2012. P. 817–845.
- Croft 2003 — W. Croft. *Typology and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Cysouw 2015 — M. Cysouw. Generalizing scales // I. Bornkessel-Schlesewsky, A. Malchukov, M. D. Richards (eds.). *Scales and Hierarchies: A Cross-Disciplinary Perspective*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 59–74.
- Dixon 1979 — R. M. W. Dixon. Ergativity // *Language* 55, 1979. P. 59–138.
- Haude, Witzlack-Makarevich 2016 — K. Haude, A. Witzlack-Makarevich. Referential hierarchies and alignment: An overview // *Linguistics* 54, 3, 2016. P. 433–441.
- Moravcsik 1978 — E. Moravcsik. On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua* 45, 1978. P. 233–279.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchies of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. New Jersey, NJ: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — A. Witzlack-Makarevich, I. A. Seržant. Differential argument marking: Patterns of variation // I. A. Seržant, A. Witzlack-Makarevich (eds.). *The Diachronic Typology of Differential Argument Marking [Studies in Diversity Linguistics]*. Berlin: Language Science Press, 2017.
- Woolford 1999 — E. Woolford. Animacy hierarchy effects on object agreement // *New Dimensions in African Linguistics and Languages* 3, 1999. P. 205–215.

Chiara Naccarato, Erica Pinelli

*University of Pavia, Pavia — University of Bergamo, Bergamo,
University of Pavia, Pavia*

**ENCODING PURPOSE AND BENEFICIARY IN SLAVIC:
A COMPARISON OF THE PREPOSITIONS
DLJA/DLA AND *ZA***

The Russian preposition *dlja* ‘for, to’ originates from the Old Church Slavic postposition *dělja*¹ ‘because of’ (1) (cf. [Vaillant 1977: 134; Vasmer 1986: 517]).

OLD CHURCH SLAVIC

- (1) *ženъ* *dělja*
women:GEN because_of
‘because of the women’ (Supr. 39)

The original causal meaning, which is retained by the Old Russian postposition *dělja* ‘because of, for, to’, is lost in Modern Standard Russian, where this preposition followed by the genitive encodes Purpose (2) and Beneficiary (3).

RUSSIAN

- (2) *On* *ezdil* *na Mal'tu* *dlja* *obučenija*.
3M.SG.NOM went:3M.SG to Malta:ACC for education:GEN
‘He went to Malta to study’.
- (3) *Ona* *kupila* *tort* *dlja* *gostej*.
3F.SG.NOM bought:3F.SG cake:ACC for guests:GEN
‘She bought a cake for the guests’.

A similar path was undergone by the Polish preposition *dla* (cf. Old Polish postposition *dziela* ‘because of, for, to’), as exemplified in (4) and (5).

¹ The etymon **děla* cannot be separated from **dělo* ‘work, deed’, cf. Latin *causā* ‘because of’ [Derksen 2008:102–103].

POLISH

- (4) *Zrobilem to dla zabawy.*
 did:1M.SG this:ACC for fun:GEN
 ‘I did it for fun’.
- (5) *Ten prezent jest dla ciebie.*
 this:NOM present:NOM is for 2SG.GEN
 ‘This present is for you’.

In Modern Slavic languages, Purpose and Beneficiary can also be encoded by the preposition *za* ‘behind, for, to’ (followed by accusative or instrumental), which shows large polysemy patterns and, differently from *dlja/dla*, encodes Cause as well (6).

RUSSIAN

- (6) *Delo zakryli za otsutstviem sostava*
 case:ACC closed:3PL for absence:INS substance:GEN
prestuplenija.
 crime:GEN
 ‘The case was dismissed for lack of evidence’.

In Russian and Polish, the use of *dlja/dla* to encode Purpose and Beneficiary partially attenuates the Cause-Purpose-Beneficiary polysemy of the preposition *za*, which is still strong in other Slavic languages where *dlja* is missing (e.g. Bulgarian²). In Russian and Polish, we see that, while the prepositions *dlja/dla* encode prototypical Purposes and Beneficiaries, the use of *za* appears to be limited to less prototypical Purposes and Beneficiaries, i.e. to cases in which the activity of the Agent/Beneficiary is seen as most relevant and the notion of substitution plays a major role (cf. [Luraghi 2005a; 2005b; 2010; 2016], as shown in (7) and (8)).

RUSSIAN

- (7) *Ja ne mogu govorit’ za prezidenta,*
 1SG.NOM not can:1SG speak:INF for president:ACC

² In Bulgarian, the preposition *za* is also used in cases where we would find *dlja* in Russian, e.g. Bul. *ima pismo za teb* ‘there is a letter for you’ (cf. Rus. *est’ pis’mo dlja tebjja*), or *čaša za voda* ‘glass for the water’ (cf. Rus. *stakan dlja vody*).

ja *govorju* *za* *sebja*.
 1SG.NOM speak:1SG for oneself:ACC
 ‘I cannot speak for the president, I speak for myself’.

POLISH

(8) *Podpisz* *się* *za* *mnie*.
 sign:2SG.IMP REFL for 1SG.ACC
 ‘Sign for me’.

By analyzing Russian and Polish examples of *dlja/dla* and *za* for the encoding of Purpose and Beneficiary, we will argue that the distribution of the two prepositions strongly depends on the presence of the substitution meaning, which favors the use of *za* instead of *dlja/dla* for reasons ascribable to the original spatial semantics of *za* (cf. Thomason 2006: 122). The analysis of constructions in which *za* encodes other types of participant, as exemplified in (9) and (10), supports our thesis that the notion of substitution is crucial to the meanings brought about by *za*.

RUSSIAN

(9) *Vse* *očen’ pereživali* *za* *nego*.
 all:NOM a_lot worried:3PL for 3M.SG.ACC
 ‘They were all very worried about him’.

POLISH

(10) *On* *kupił* *go* *od* *kogoś*
 3M.SG.NOM bought:3M.SG 3M.SG.ACC from someone:GEN
za *małe* *pieniądze*.
 for little:ACC money:ACC
 ‘He bought it from someone for little money’.

The analysis is supported by quantitative investigations based on contemporary corpora of Russian (Russian National Corpus) and Polish (National Corpus of Polish).

References

- Derksen 2008 — R. Derksen. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden — Boston: Brill, 2008.
 Luraghi 2005a — S. Luraghi. Prepositions in Cause expressions // Papers on Grammar 12, 2, 2005. P. 609–619.

- Luraghi 2005b — S. Luraghi. Paths of semantic extension: From cause to beneficiary and purpose // M. Fortescue, E. S. Jensen, J. E. Mogensen, L. Schosler (eds.). *Historical Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 141–157.
- Luraghi 2010 — S. Luraghi. Where do beneficiaries come from and how do they come about? Sources for beneficiary expressions in Classical Greek and the typology of beneficiary // M. E. Winters, H. Tissari, K. Allan (eds.). *Historical Cognitive Linguistics*. Berlin — New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 93–131.
- Luraghi 2016 — S. Luraghi. The mapping of space onto the domain of benefaction and some unpredicted trends in semantic change // *Linguistics* 54, 2, 2016. P. 339–379.
- Thomason 2006 — O. Thomason. *Prepositional systems in Biblical Greek, Gothic, Classical Armenian and Old Church Slavic*. PhD Thesis. The University of Georgia, Athens, GA, 2006.
- Vaillant 1977 — A. Vaillant. *Grammaire comparée des langues slaves. T. 5: La syntaxe*. Paris: Klincksieck, 1977.
- Vasmer 1986 — M. Vasmer. *Ètimologičeskij slovar' russkogo jazyka*. Vol. 1. Moscow: Progress, 1986.

Nicklas B. Oranen

University of Helsinki, Helsinki

ADAPTATION OF RUSSIAN VERBS IN TVER KARELIAN: A FIELDWORK REPORT

Tver Karelian is a Finno-Ugric language spoken by 2750 elderly individuals in the Tver' Oblast' of western Russia [Russian Census 2010]. It is closely related to the more widely known languages Finnish and Estonian, but while these languages have been influenced primarily by Germanic languages, Tver Karelian has been subject to extensive Russian influence. I recently conducted two weeks of fieldwork in the vicinity of the Karelian village Tolmači (May 16–30, 2017), focusing on the adaptation of Russian verbs, as well as on the marking of direct objects. In this presentation I will present some of my findings.

The Tver Karelians settled in the heart of Russia — only 250 km from Moscow — in the beginning of the 17th century. However, in spite of living side-by-side with Russians for four centuries, the Tver Karelian language has remained relatively stable both phonologically and morphosyntactically, although its lexicon has absorbed a huge amount of Russian loanwords. The manner of adaption of Russian loanwords in Tver Karelian has remained surprisingly uniform through time, though modern speakers appear to increasingly make use of code-switching compared to fifty years ago (cf. 1960s–70s recordings by the Finnish ethnographer Pertti Virtaranta).

Russian verbs fully adapt to the phonology of Tver Karelian. This involves a movement of stress to the first syllable, lengthening and diphthongisation of the originally stressed Russian vowel, vowel harmony, consonant reduction, and consonant gemination before verb endings. Most borrowed verbs reflect Russian speech varieties lacking *ikanje* and *akanje*.

Morphologically, the present tense stem of Russian verbs consistently serves as the basis for the borrowed verbs in Tver Karelian. Stems ending in a vowel add the suffix *-ija/-ijä*, while stems ending in a consonant add the suffix *-ie*. The Russian verbal suffix *-ca*

(-*sja*) is replaced by the Tver Karelian verbal suffix -*čie*, and reflects the same usages as the Russian counterpart, for instance reflexivity, reciprocity, or passivity. These three suffixes are also used with verbs of native origin, thus both verbs of native and foreign origin are conjugated in a similar manner.

In regard to syntax, verbs of Russian origin in Tver Karelian generally behave similarly to verbs of native origin in argument marking. Tver Karelian, like Finnish and Estonian (and to some extent, Russian), expresses differential object marking (DOM), a phenomenon whereby direct objects are marked morphologically differently according to certain language-specific parameters (e.g. [Bossong 1985; Aissen 2003]). In Tver Karelian these parameters appear to be boundedness (in the spirit of [Kiparsky 1998; 2001]) and aspect. In some situations, the DOM-strategies of Russian and Tver Karelian seem to overlap, while in others, they do not. Consequently, it must be assumed that Russian verbs in Tver Karelian generally agree with the principles of DOM in Tver Karelian, irrespective of the verb's original interaction with DOM in Russian.

Current speakers, however, have been observed to transfer argument marking from Russian directly into Tver Karelian alongside the borrowed verb itself, especially if the direct object of the verb is marked by the dative or instrumental cases in Russian. In these situations Tver Karelian employs the corresponding adessive case, rather than the nominative, accusative or partitive case, which the rules of DOM otherwise require. Similarly, direct objects of certain borrowed verbs can also be marked by appositions, which might be an influence of Russian's analytical nature and use of prepositions.

References

- Aissen 2003 — J. L. Aissen. Differential Object Marking: Iconicity vs. economy // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 2003. P. 435–483.
- Bossong 1985 — G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Kiparsky 1998 — P. Kiparsky. Partitive case and aspect // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford: CSLI, 1998. P. 263–307.
- Kiparsky 2001 — P. Kiparsky. Structural case in Finnish // *Lingua* 111, 2001. P. 315–376.

Russian Census 2010 — Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda = Всероссийская перепись населения 2010 года.

Neige Rochant

INaLCO, Paris

LABILE VERBS IN ANDI (ZILO DIALECT)

Andi is an unwritten language of the Nakh-Daghestanian family. Three of its dialects have been documented by [Dirr 1906; Sulejmanov 1957; Tsertsvadze 1965; Salimov (1968) 2010], but none of these grammar sketches is concerned with syntax. The Zilo dialect of Andi is spoken in the sole village of Zilo and had never been described before the beginning of my team project in 2016.

The current presentation aims to describe the behavior and methods of identification of labile verbs in Zilo, based on first-hand elicited data.

Zilo displays radical P-alignment and a noun class system. The syntactic roles of noun phrases in the clause are indicated through case marking, as well as, in the vast class of vowel-initial verbs, indexation of the gender and number of the absolutive argument. The omission of any argument retrievable from the context is possible. Zilo has five different ways to express causative meaning, but no overt valency-decreasing derivation. The use of null-A constructions may trigger passive reading.

Zilo seems to have no A-labile verb. Besides, it displays two types of P-labile verbs. Similarly as closely related Akhwakh according to Creissels [2014: 930–941], because Zilo has radical P-alignment and no valency-decreasing derivation, and it allows null-A's with arbitrary reading, its transitive verbs are all subject to 'argument structure preserving weak lability' with passive interpretation.

However, this does not exclude the possibility for 'strong' anticausative lability. In such languages as Zilo, the delimitation of a subclass of transitive verbs lending themselves to anticausative lability requires the use of specific tests.

The morphological test used for the Andic languages Bagvalal and Godoberi in [Kibrik 1996: 111; Kibrik et al. (eds.) 2001: 379] applies when one slot of the paradigm is subject to variation depending on transitivity. Similarly as in Bagvalal and Godoberi, in

Andi, the intransitive imperative is morphologically distinct from the transitive one.

The semantic test used in the same grammars relies on the interpretation of the reflexive intensive-pronoun ‘(one)self’ placed after the only overt argument of a verb suspect to be labile.

The syntactic test used by Forker [2013: 493–494] for Hinuq, another language closely related to Andi, consists in verifying if the absolutive argument can be the addressee of the imperative: the addressee of the imperative of transitive verbs can only be the ergative argument, whereas the addressee of the imperative of labile verbs should be able to be the absolutive argument, as for intransitive verbs.

I submitted a significant and semantically diverse set of verbs to the tests noted above. The results were strictly positive when the semantics of the situation could easily be interpreted as anticausative. E.g. the verb *roqχ'on* ‘close’ allows for a reflexive-intensive pronoun to be interpreted as reflexive:

- (1) *hints:’u zi<r>gu roqχ’-on.*
door RFL<INAN> close-AOR
‘The door closed itself’.

The same verb can form an intransitive imperative with absolutive argument ‘door’ as _othe addressee, passing both morphological and semantic tests: *hints:’u, roqχom!* ‘Door, close yourself!’

However, the results were equivocal when the situation could not be interpreted as anticausative. In the latter case of situations, only when the consultants were imaginative did they allow for such a sentence as *hetf’ink’a zibgu k’ammir* to be interpreted as reflexive [?]‘the corn is eating itself’ and not intensive ‘It is the corn that is eaten’, or for [?]*hetf’ink’a, k’ammib!* ‘Corn, eat yourself!’.

It arose that the anticausative reading was only constrained by semantic features of the verb. It can thus be argued than all Zilo transitive verbs are *syntactically* labile not only in the weak sense (triggering passive reading), but also in the strong sense (triggering anticausative reading).

A fourth test allows to discern a class of ‘real’ labile verbs from the transitive verbs: the causativization test. The non strictly intransitive verbs appeared to divide into two subclasses according to their

behavior when they undergo synthetical causativization. The causative of some verbs can equally be bivalent as trivalent, depending on the number of its overt arguments. The causative of the other verbs can only be trivalent, no matter how many arguments are overtly expressed. I call the former subclass proper labile verbs, whereas the latter seems to be transitive verbs, all of which can virtually be detransitivized without overt marking.

References

- Creissels 2014 — D. Creissels. P-lability and radical P-alignment // *Linguistics* 52, 4, 2014. P. 911–944.
- Dirr 1906 — A. M. Dirr. *Kratkij grammatičeskij očerk andijskago jazyka. Sbornik materialov dlja opisanija mestonstěj i pleměn Kavkaza* 32. Tiflis: Upravlenie Kavkaskogo Učebnogo Okrugā, 1906.
- Forker 2013 — D. Forker. *A grammar of Hinuq*. Berlin: Walter de Gruyter, 2013.
- Kibrik 1996 — A. A. Kibrik. Transitivity in lexicon and grammar // A. E. Kibrik (ed.). *Godoberi*. Vol. 2. Munich: Lincom Europa, 1996. P. 107–142.
- Kibrik et al. (eds.) 2001 — A. A. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov (eds.). *Bagvalinskij jazyk: Grammatika. Teksty. Slovāri*. Moscow: IMLI RAN, “Nasledie”, 2001.
- Salimov (1968) 2010 — X. S. Salimov. *Gagatlinskij govor andijskago jazyka*. Makhachkala: Institut jazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy Dagestanskogo naučnogo centra Rossijskoj Akademii Nauk, 2010 (PhD Thesis 1968).
- Sulejmanov 1957 — Ya. G. Sulejmanov. *Grammatičeskij očerk andijskago jazyka (po dannym govora s. Rikvani)*. PhD Thesis. URSS: Institut jazykoznanija Akademii Nauk SSSR, 1957.
- Tsertsvadze 1965 — I. I. Tsertsvadze. *Andirui ena*. Tbilisi: Metsniereba, 1965.

HEADED CORRELATIVES IN RUSSIAN

1. Introduction

According to de Vries [2002: 40], the lack of an external head is one of the defining properties of correlatives, and they are sometimes believed to lack the NP/DP level (see [Lipták 2009: 8]). This view is problematic as there are correlative clauses headed by a determiner (Hindi data in [Mahajan 2000: 214–215]). The present paper reports the existence of headed correlatives (HCRs) in Russian, surveys their types (some having no Hindi correspondences in Mahajan’s paper) and discusses their theoretical import.

2. The data

Russian features a type of relative clause that shares most properties with regular correlatives, except that it has an overt head, which may be either demonstrative 0 or universal 0 — both “light heads” in the sense of [Citko 2004].

- (1) *Tot, kto prestupaet, tot i s Bogom*
DEM who trespasses DEM PRT with God
prestupal... [Granin 1987]
trespassed

- (2) *Vsě, čto polezno čelovečestvu, to i*
all what useful for.humankind DEM PRT
blagorodno. [Dostoevsky 1866]
noble

The range of relativisers in HCRs includes *čto* ‘what’, *kto* ‘who’, *gde* ‘where’, *kak* ‘how’, but less frequently or never *skol’ko* ‘how much’, *kogda* ‘when’ and *kakoj* ‘which (sort of)’. For *potomu čto* ‘because’, a similar construction exists without a relativiser, as in 0; this is not a headless correlative, which would have *počemu* ‘why’ instead 0.

- (3) (*Začem že on nadel čužoe odejan'e?*)
 (He put on another's attire; what for?)
Potomu što *lučše*, *potomu* *i* *nadel* [Gogol 1841]
 because better that's.why PRT put.on
- (4) [?]*Počemu èto odejan'e nadel Ivan, potomu*
 why this attire put.on Ivan that's.why
(že) ego nadel i Pětr.
 PRT it.ACC put.on PRT Peter

Topicalisation is not sufficient to explain the data above, as other types of heads are not compatible with correlates:

- (5) **Vasja /*Každyj čelovek /*Tot čelovek /^{OK}Tot,*
**Vasya *Every man *That man ^{OK}DEM*
kto èto sdelal, tot pust' i otduvaetsja.
 who this.ACC did DEM let PRT deal.with.it

3. The reality of the head

Given that the head is predominantly nominative (if marked for case at all), it might be suggested that it forms an unanalysable complex with the relativiser (as proposed for the complementiser *to što* in [Korotaev 2013]). This is unlikely. First, the head may inflect for case, number and gender 0. Second, the head can be modified 0.

- (6) *U tex, komu platjat, u tex i*
 PREP DEM.GEN.PL who.DAT pay.3PL PREP DEM.PL PRT
sprašivajte. [Google]
 ask.IMPER.PL
- (7) *⟨...⟩ ved' tol'ko to, što uspeju skazat',*
 ⟨...⟩ for only DEM what I.will.have.time to.say
tol'ko to i možno budet zavtra
 only DEM PRT possible will.be tomorrow
po svetu pustit'... [Solzhenitsyn 1974]
 around.the.world let.go

4. Theoretical import

Some theorists, such as Mahajan [2000] (see also [Mitrenina 2010; Pietraszko 2015]), have argued that the correlative clause

undergoes movement from the clause containing the correlate. If both the head and the correlate are considered two copies in the same movement chain, this account fares well insofar as the head of the HCR is null or identical to the correlate. However, with universal heads 0 there is no identity. To save the movement account, one would have to stipulate extravagantly that *to* and *vsě* are different realisations of the same lexeme (cf. [Fox, Johnson 2016] for *the* and *every*). But even this may be insufficient, as for some speakers (prominently for Leo Tolstoy) the complex ‘ \forall + DEM’ is available as a head 0, whereas there is little evidence for its availability as a correlate.

- (8) *Vsě to, čto daët mne Otec, to prijdët*
all DEM what gives me Father DEM will.come
ko mne... [L. Tolstoy 1902]
to me

Diachronically, some types of HCRs have been increasing in frequency (e.g. for *čto* and *gde* overt heads were significantly more frequent after 1917 than before). Together with the emergent use of *to čto* instead of *čto* [Korotaev 2013; Bogdanova-Beglaryan 2015], this suggests a tendency toward nominal headedness in contemporary Russian.

References

- Bogdanova-Beglaryan 2015 — N. V. Bogdanova-Beglaryan. Aggressive colloquial usage or language norm evolution? // *Verxnevolžskij filologičeskij vestnik* 1, 2015. P. 25–30.
- Citko 2004 — B. Citko. On headed, headless, and light-headed relatives // *Natural Language & Linguistic Theory* 22, 1, 2004. P. 95–126.
- Fox, Johnson 2016 — D. Fox, K. Johnson. QR is restrictor sharing // K. Kim, P. Umbal, T. Block, Q. Chan, T. Cheng, K. Finney, M. Katz, S. Nickel-Thompson, L. Shorten (eds.). *Proceedings of the 33rd West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, Mass.: Cascadia Proceedings Project, 2016. P. 1–16.
- Korotaev 2013 — N. A. Korotaev. Clause-combining with *to čto* in Russian spoken discourse // V. P. Selegey et al. (eds.), *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: papers from the Annual conference “Dialogue”*. Moscow: RSUH, 2013. P. 358–367.

- Lipták 2009 — A. Lipták. The landscape of correlatives: An empirical and analytical survey // A. Lipták (ed.). *Correlatives Cross-Linguistically*. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 1–46.
- Mahajan 2000 — A. Mahajan. Relative asymmetries and Hindi correlatives // A. Alexiadou, P. Law, A. Meinunger, C. Wilder (eds). *The Syntax of Relative Clauses*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 201–229.
- Mitrenina 2010 — O. V. Mitrenina. Correlatives: Evidence from Russian // G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pschehotskaya (eds.), *Proceedings of FDSL 7.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 135–151.
- Pietraszko 2015 — J. Pietraszko. The correlative configuration in Polish // G. Zybatow, P. Biskup, M. Guhl, C. Hurtig, O. Mueller-Reichau, M. Yastrebova (eds.). *Slavic Grammar from a Formal Perspective. The 10th Anniversary FDSL Conference, Leipzig 2013*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. P. 367–382.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The Syntax of Relativization*. PhD Thesis. University of Amsterdam, Amsterdam, 2002.

M. Vasilyeva

MSU, Moscow

RETROSPECTIVE SHIFT OF BURYAT VERBAL FORMS: EVIDENCE FROM THE BARGUZIN DIALECT¹

In this paper we discuss properties of Barguzin Buryat particle *hən* and argue that it is a discontinuous past tense marker. By a discontinuous past tense marker we understand, following [Plungian, van den Auwera 2006], a marker which, attached to a verbal form, modifies its default time reference.

hən can modify habitive (*-dAg*, *-gšA*), potential (*-xA:r*) and futurity (*-xA*) participles. In case of habitive and potential participles that lack their own tense characteristic, *hən*, similar to other past tense copulars, provides them with a past time reference. The futurity participle followed by *hən* is used in a counterfactual apodosis of a hypothetical construction (1) or expresses a wish, replacing optative (2).

(1) *mungə: ab-a:n bai-ga:-d-a: xʉbʉ:n*
money get-PFCT be-PRT1-DAT-REFL boy
basagan-d-a: bələg aba-xa hən
girl-DAT-REFL present take-POT RS
'If the boy had got the money, he would have bought a present for his girlfriend'.

(2a) *aldar hu:-hai gə-žə hana-na-m*
Aldar sit-OPT say-CONV1 think-PRS-1SG

(2b) *aldar hu:-x=a:n gə-žə hana-na-m*
Aldar sit-POT-RS say-CONV1 think-PRS-1SG
'I want Aldar to sit down'.

The perfective participle (*-hAn*) can not be modified by *hən* (counter [Poppe 1938]). Subject and object resultative participles (*-nxAi* and *-AtAi*, respectively) are either reluctant to combine with *hən*. We

¹ The Barguzin data presented here are based on the fieldwork done in 2014–2017 in the Baraghan village (Buryatia, RF). The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-04-18036e).

presuppose that since resultative refers to an action performed in the past, but whose result is still present and the discontinuous past according to [Plungian, van den Auwera 2006] implies a detachment from the default reference point of the verbal form, a conflict arises when these markers cooccur.

As for finite verb forms, *hən* is incompatible with preterite in *-bA*, but it is able to modify presence (*-nA*) and preterite in *-A*:. The *-A hən* construction is used as a main narrative strategy, especially in tales or stories reporting events that happened in distant past. Yet some native speakers allow its usage as plusquamperfect in complex sentences (cf. interpretations 1 and 2):

- (3) *aldar-ai gər-t-ə: jəŋə-xə-də-nʲ svʲət*
 Aldar-CNT1 house-DAT-REFL come-POT-DAT-3 light
ah-a: hən
 ignite-PRT1 RS

1. ‘When Aldar came home, the light was (already) on’.
2. ‘(Long ago) When Aldar came home, the light went on’.

The *-nA hən* construction denotes an event witnessed by the speaker. With mental predicates, it gives the meaning of inference from action (cf. (4a–b)).

- (4a) *ojuna nom unša-na hən*
 Ojuna book read-PRS RS
 ‘(I saw,) Ojuna read the book’.
- (4b) *aldar ə:r-i:ŋ-gə: basagan tuxai-ga: šəbšə-nə hən*
 Aldar self-GEN-REFL girl about-REFL think-PRS RS
 ‘Aldar thought about his girlfriend (e.g. the speaker saw him buying her a present)’.

This construction is rarely used with 1 person. In such cases, the speaker is reporting actions that he has seen himself do:

- (5) *bʲi nom unša-na hə-m*
 I book read-PRS RS-1SG
 ‘I saw myself reading a book (e.g. in a dream)’.

In questions, such forms demonstrate a first person effect attested in other languages (see [Aikhenvald 2004]): the speaker is sure the addressee saw the event and can confirm it.

- (6) *b'i nai-man sag-ta unta-n-a:-m-pai?*
I eight hour-DAT sleep-PRS-RS-Q-1SG
'Did I fall asleep at eight o'clock?' (The speaker presumes that the addressee was looking at the clock when the speaker fell asleep and can be summoned as a witness.)

Abbreviations

1, 3 — 1, 3 person; CNT1 — connective; CONV — converb; DAT — dative; NEG — negation; OPT — optative; PFCT — perfective participle; POT — futuritive participle; PRS — presence; PRT — preterite; PTCL — particle; Q — question; REFL — reflexive possessive suffix; RS — retrospective shift.

References

- Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59, 4, 2006. P. 317–349.
- Poppe 1938 — N. Poppe. *Grammatika buryat-mongol'skogoazyka* [Grammar of the Buryat-Mongol Language]. Moscow — Leningrad: USSR Academy of Science, 1938.

J. H. (Samira) Verhees

NRU HSE, Moscow

EVIDENTIALITY IN THE RIKWANI DIALECT OF ANDI

The present paper proposes an analysis of the usage and interaction of evidential expressions in the Rikwani dialect of Andi (< Avar-Andic < East Caucasian) departing from the framework of Cognitive Grammar, which views evidentiality as a means to indicate the epistemic distance between an event and its deictic centre (the speaker). The purpose of this research is first of all to contribute to the understanding of how evidential expressions in Andi are actually used beyond their areal stereotype, and second of all, to evaluate the extent to which the preliminaries for analyzing evidentiality in terms of clausal grounding as set out in [Langacker 2017] are equipped to deal with perfect-based systems of evidentiality.

Clausal grounding elements indicate the relationship of an event to the ground or situation of speech [Brisard 2002]. Though the term is often reserved for grammaticized entities, a recent analysis of evidential marking in particular showed that the same principles can be applied to more or less grammatical morphemes and lexical means alike [Langacker 2017]. The relationship indicated by evidentials is one of epistemic distance between an event and a deictic centre (the speaker). The conception of evidentiality as essentially deictic is not new (cf. [de Haan 2012]), but the CG approach adds to this understanding that evidentials represent a hierarchy of epistemic proximity, headed by directly witnessed events, followed by inferentials (the speaker witnessed some part of the event, usually a result) and reportatives (the speaker did not witness the event at all). Like many other languages spoken in a large area within Eurasia (i.e., “the Great Evidential Belt” (see [Plungian 2010]), Andi (< Avar-Andic < East Caucasian) features a perfect form of the verb which functions as a general indirective strategy alongside a specialized reportative particle. In addition, there is a less frequently used periphrastic light-verb construction with the verb ‘to find’, which signals inference. These are three independent means of expressing

evidentiality and do not enter in a paradigmatic relationship. An analysis of the way these forms are used and combined in a collection of spoken texts (4268 words), reveals that they profile relationships of varying specificity. The perfect combines with both hearsay and inferential contexts but its interpretation as either of these is never explicit and always circumstantial. The grammaticalized reportative particle imposes a hearsay-reading on any finite clause it is attached to. Both can have the inferential in their scope, which confirms that this construction remains in the early stages of grammaticalization.

Following Langacker, in a system of evidential tense forms, the increase in distance from a deictic centre runs parallel in both the evidential and temporal dimension (i.e. within the past tense, a recent past is more likely to be marked direct and a remote past — indirect, relatively) [Langacker 2017]. This may seem counterintuitive for languages like Andi, since it is the perfect (which is tied to the present tense) that expresses indirective, while the aorist (a proper past tense) may carry implications of direct witnessing. I will account for this seeming paradox by adding an aspectual dimension to the equation. In narratives, the aorist presents an event in its totality as having taken place in the past, while the perfect focuses on its completion, backgrounding the unfolding of the event and thus triggering the implication that this was not witnessed.

References

- Brisard 2002 — F. Brisard. *Grounding. The Epistemic Footing of Deixis and Reference*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- de Haan 2012 — F. de Haan. *Evidentiality and mirativity* // R. I. Binnick (ed). *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1020–1045.
- Langacker 2017 — R. W. Langacker. *Evidentiality in cognitive grammar* // J. I. Marín Arrese, G. Haßler, M. Carretero (eds.). *Evidentiality Revisited: Cognitive Grammar, Functional and Discourse-Pragmatic Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 13–55.
- Plungian 2010 — V. A. Plungian. *Types of verbal evidentiality marking: an overview* // G. Diewald, E. Smirnova (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages [Empirical Approaches to Language Typology 49]*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 15–58.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. М. Абовьян (Москва)</i> Синтаксис вторичных предикатов, ориентированных на участника, в горномарийском языке.....	3
<i>Е. С. Аглонова (Москва)</i> Финитность в гоо.....	7
<i>М. В. Аристова (Москва)</i> Конкуренция ретроспективного сдвига и формы кондиционала в значении ирреальной модальности в горномарийском языке.....	10
<i>Т. А. Архангельский, М. Н. Усачёва (Гамбург, Москва)</i> Влияние русского языка на структуру именной группы в коми-язвинском	15
<i>Е. В. Буденная (Москва)</i> Экспансия местоимений в истории русского языка: точка отсчета	18
<i>А. И. Виняр (Москва)</i> Инкорпорация прямого объекта и подъем посессора в чукотском языке	21
<i>А. Ю. Вознесенская (Москва)</i> О вопросительной частице <i>b</i> в бурятском языке	25
<i>О. С. Волков, Д. И. Игнатенко (Москва)</i> Показатели неполноты ситуации, или лимитативно-семельфактивная деривация в языках мира.....	29
<i>Ф. В. Голосов (Москва)</i> Брось, оставь и уйди: легкие глаголы <i>koltaš</i> , <i>šuaš</i> и <i>keäš</i> в горномарийском языке и их аспектуальная семантика	32
<i>А. И. Груздева (Москва)</i> Синтаксис показателя социатива <i>-лса</i> в баргузинском диалекте бурятского языка	35

<i>Т. И. Давидюк, К. А. Студеникина (Москва)</i> Об употреблении элативного маркера в значении точки приложения: данные горномарийского языка.....	39
<i>К. Ю. Дойкина (Москва)</i> Эволюция энклитики <i>ся</i> в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XV вв.	43
<i>А. Ф. Душина (Москва)</i> Типология сериальных конструкций в языках сино-тибетской семьи..	46
<i>В. В. Дьячков (Москва)</i> Вклад аспектуальных аффиксов в акциональную композицию деадъективных глаголов: аргументы против теории шкал.....	50
<i>В. В. Дьячков, М. О. Стрыгина (Москва)</i> Глагольная множественность в горномарийском языке: семантико-синтаксическое объяснение конкуренции показателей.....	54
<i>И. А. Ершов (Москва)</i> Цветовое обозначение в горномарийском языке	58
<i>А. Н. Закирова (Москва)</i> Горномарийский модальный показатель <i>-šaš</i> , параметр субъективности и участники речевого акта.....	61
<i>Д. М. Зеленский, П. О. Россяйкин (Москва)</i> Асимметрия по полярности перфективных причастий баргузинского диалекта бурятского языка.....	65
<i>М. М. Зимин (Москва)</i> Некоторые типы фонетических переходов, вовлекающие корональные пульмонические центральные несибиллянты.....	69
<i>А. С. Золотухина (Москва)</i> Именная предикация в горномарийском языке.....	72
<i>В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова (Амстердам, Москва)</i> Способы передачи чужой речи в русском жестовом языке: корпусное исследование.....	76

<i>А. А. Кириллова (Москва)</i> Отрицательная частица <i>agəl</i> в горномарийском языке	80
<i>Е. С. Клягина (Москва)</i> Особенности функционирования показателя ямитива в абазинском языке	84
<i>Л. С. Козлов (Москва)</i> Аблативно-локативная конкуренция в финно-пермских языках	87
<i>Е. В. Коровина (Москва)</i> Слова на начальную ? в юкатекских языках	91
<i>Н. Н. Логвинова (Санкт-Петербург)</i> Непосессивные функции посессивного показателя третьего лица в малокарачкнском диалекте чувашского языка	94
<i>И. В. Макаrchук (Москва)</i> Глагольный аттенуатив в горномарийском языке	98
<i>С. К. Михайлов (Москва)</i> Японский инкомплетив в типологической перспективе	101
<i>Е. В. Моргунова (Москва)</i> Проблема анализа слусинговых конструкций в бурятском языке	105
<i>Д. А. Мордашова (Москва)</i> К типологии императива: семантика приимперативных частиц в горномарийском языке	109
<i>Г. А. Мороз, И. А. Зибер (Москва)</i> К типологии систем сибилантов: параметры вариативности [s]	113
<i>М. А. Нагорная (Москва)</i> Бурятское местоимение <i>тэрэ</i> : указательное или анафорическое?	117
<i>П. Л. Наследскова, И. В. Неткачев (Москва)</i> Образование порядковых числительных в нахско-дагестанских языках	121

<i>В. И. Наумов, А. А. Козлов (Москва)</i> Можно и нужно ли использовать императив в чукотских вопросительных предложениях	125
<i>С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова (Санкт-Петербург, Москва)</i> Конкуренция показателей глагольного отрицания в зоне прошлого в нанайском языке	129
<i>А. Б. Панова (Москва)</i> Рефактив(ы?) в абазинском языке	133
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> <i>Опомнись, бог с тобою</i> : вариативность типа <i>мно́й</i> / <i>мно́ю</i> обусловлена фонологически и грамматически	136
<i>П. С. Плешак (Москва)</i> Немаркированные зависимые в мокшанском языке	140
<i>Д. М. Рахман (Москва)</i> Влияние неаккузативных глаголов на систему целевых клауз в горномарийском языке	143
<i>А. А. Россиус (Москва)</i> Релятивизация посессоров в абазинском языке	147
<i>А. А. Русских (Санкт-Петербург)</i> Дистрибуция кванторов с основой <i>por</i> 'все' в малокарачкинском говоре чувашского языка	151
<i>Е. А. Рыжкова (Санкт-Петербург)</i> Грамматикализация вершин сложных глаголов в малокарачкинском диалекте чувашского языка	155
<i>А. А. Сибирева (Москва)</i> Каузатив в горномарийском языке: двойной каузатив и семантика интенсификации	159
<i>М. А. Сидорова (Москва)</i> Стратегии выражения приблизительности в хантыйском языке	162

<i>Ю. В. Сеницына (Москва)</i>	
О статусе горномарийского суффикса <i>-la</i>	166
<i>А. В. Соловьёва (Москва)</i>	
Партитивные и псевдопартитивные конструкции в горномарийском языке	169
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i>	
(Недо)грамматикализация пространственных показателей: локативные имена в нанайском языке	173
<i>М. Н. Усачёва (Москва)</i>	
Пространственный дейксис в коми-язьвинском наречии	177
<i>И. К. Учитель (Москва)</i>	
Вариативность вопросительных частиц в идише и языках его ареала ...	180
<i>И. А. Хомченкова (Москва)</i>	
Показатель <i>-ge</i> в горномарийском языке: комитатив, квантификатор или интенсификатор?	184
<i>М. О. Черемисинова (Москва)</i>	
Взаимодействие числа и посессивности в дистрибутивных контекстах в горномарийском языке	188
<i>С. С. Шарыгина (Санкт-Петербург)</i>	
Способы выражения значений будущего времени и проспектива в ингерманландском финском	192
<i>I. Amato (Leipzig)</i>	
Story of a construction: distributional analysis of meaning and productivity over time	195
<i>I. Amato, H. Lee (Leipzig)</i>	
Suppletion under locality constraint: an evidence from Korean	199
<i>S. Bharadwaj (Shillong)</i>	
Classifiers in Assamese and Bodo in a typological light	203

<i>D. Enke, R. Mühlenbernd (Munich, Venezia)</i> From recruitment to categorization: diachrony of progressive grammars.....	205
<i>K. Kang (Seoul)</i> A study on connective ending <i>-tago</i> types in Korean	209
<i>A. Kiemtoré (Stuttgart)</i> Morphosyntactic and semantic aspects of clausal complementation in Jula.....	212
<i>S. Mattiola (Pavia — Bergamo)</i> The non-universality of grammatical categories: evidence from pluractional constructions	216
<i>E. Mescheryakova (Moscow)</i> Modelling referential scale with dissimilarity matrices: nominal number, differential argument marking and possessor marking in Pama–Nyungan.....	221
<i>Ch. Naccarato, E. Pinelli (Pavia — Bergamo, Pavia)</i> Encoding purpose and beneficiary in Slavic: a comparison of the prepositions <i>dlja/dla</i> and <i>za</i>	224
<i>N. B. Oranen (Helsinki)</i> Adaptation of Russian verbs in Tver Karelian: a fieldwork report	228
<i>N. Rochant (Paris)</i> Labile verbs in Andi (Zilo dialect).....	231
<i>D. Tiskin (St Petersburg)</i> Headed correlatives in Russian.....	234
<i>M. Vasilyeva (Moscow)</i> Retrospective shift of Buryat verbal forms: evidence from the Barguzin dialect	238
<i>J. H. (Samira) Verhees (Moscow)</i> Evidentiality in the Rikwani dialect of Andi	241

Научное издание

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ТИПОЛОГИИ И ГРАММАТИКЕ
ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Тезисы докладов
Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.*

Оригинал-макет *Д.Ф. Мищенко, А.П. Выдрин*

Подписано в печать 14.11.2017. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 15,75
Тираж 100 экз. Заказ № 1116

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

